

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2, 2025. Июнь

Журнал основан в 2024 г. и издается Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

Бабаев Кирилл Владимирович, директор ИКСА РАН — председатель

Абдуллаев Шерзод Маджидович, советник ректора Университета мировой экономики и дипломатии (Узбекистан)

Абдырахманов Толобек Абылович, ректор Кыргызского национального университета (Кыргызстан)

Арипов Элдор Тахирович, директор Института стратегических и межрегиональных исследований (Узбекистан)

Блохин Александр Викторович, Чрезвычайный и полномочный посол, советник директора ИКСА РАН (Россия)

Бордачев Тимофей Вячеславович, научный руководитель ЦКЕМИ НИУ ВШЭ (Россия)

Вижай Тхакур Сингх, генеральный директор Индийского совета по международным делам (Индия)

Курмангалиева Жанна Дулатовна, проректор Евразийского национального университета им. Л.С. Гумилева (Казахстан)

Лихачева Анастасия Борисовна, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (Россия)

Лукин Александр Владимирович, научный руководитель ИКСА РАН, руководитель департамента международных отношений НИУ ВШЭ (Россия)

Муканбетов Санжар Турдукожоевич, директор Национального института стратегических исследований (Кыргызстан)

Притчин Станислав Александрович, заведующий сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Сафранчук Иван Алексеевич, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ (Россия)

Стерник Александр Вадимович, директор Третьего департамента стран СНГ МИД РФ

Торкунов Анатолий Васильевич, ректор МГИМО (У) МИД РФ (Россия)

Тукумов Еркин Валитханович, Специальный представитель Президента Республики Казахстан по Афганистану (Казахстан)

Шагеева Рауза Абдрахмановна, вице-президент Экономического общества Республики Татарстан (Россия)

Усмонзода Хайридин Усмон, директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан (Таджикистан)

Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета (Китай)

Редакция:

Д.П. Новиков (главный редактор), Л.А. Шашок (зам. главного редактора),
Г.О. Халова (зам. главного редактора), Н.И. Иллерицкий (секретарь редакции),
Е.А. Козлова (помощник главного редактора)

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32

Телефон: +7 (499) 124-02-17

Е-mail: eurasianresearch@iccaras.ru

Сайт журнала: <http://eurasianresearch.ru>

Учредитель и издатель: Институт Китая и современной Азии РАН

Евразийские исследования*Научный журнал***Электронная версия**

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-87180 от 22.04.2024

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 3034-3380

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-87051 от 19.03.2024

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 3034-3372

DOI: 10.48647/ICCA.2025.21.36.001

Подписано в печать 05.08.2025.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

МНЕНИЕ

<i>Конопляник А.А.</i> Пирамида энерготехнологического сотрудничества БРИКС для энергетической консолидации Евразии	5
---	---

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Иллерицкий Н.И., Каценко В.В., Рожко О.Н.</i> Государства Центральной Азии в структуре внешнеторговых цепей поставок ЕАЭС—КНР при реализации инициативы «Пояса и пути»	31
<i>Кожемяков С.А.</i> Роль международных институтов развития в области экологической кооперации в Центральной Азии	41
<i>Сафранчук И.А., Уранхаева М.</i> Политика Казахстана в рамках Организации Объединенных Наций	51
<i>Фадеева А.Ю.</i> Перспективы реализации экономического коридора «Китай—Монголия—Россия» в контексте интеграционных процессов Евразии	60
<i>Шегирбаев О. А.</i> Объединяющие факторы евразийской интеграции: результаты экспертного опроса	75
<i>Саид Хаваринежад.</i> Преобладающие темы в заявлениях российских лидеров о стратегическом партнерстве с Ираном в контексте евразийской интеграции	83

ОБЗОРЫ МЕРОПРИЯТИЙ И КОНФЕРЕНЦИЙ

Обзор научного мероприятия: «Центральная Азия в условиях глобальной турбулентности: возможности, проблемы и перспективы»	92
--	----

CONTENTS

OPINION

<i>Konoplyanik A.A.</i> Pyramid of BRICS Energy Technology Cooperation for Energy Consolidation of Eurasia	5
--	---

ACADEMIC PAPERS

<i>Illeritsky N.I., Katsenko V.V., Rozhko O.N.</i> Central Asian States in the Structure of Foreign Trade Supply Chains of the EAEU — China in the Implementation of the Belt and Road Initiative	31
<i>Kozhemyakov S.A.</i> The Role of International Development Institutions in the Field of Environmental Cooperation in Central Asia	41
<i>Safranchuk I.A., Urankhaeva M.</i> Kazakhstan’s Policy within the Framework of the United Nations	51
<i>Fadeeva A.Yu.</i> Prospects for the Implementation of the China—Mongolia—Russia Economic Corridor (CMREC) in the Context of Eurasian Integration Processes	60
<i>Shegirbayev O.A.</i> Unifying Factors of Eurasian Integration: Results of an Expert Survey	75
<i>Khavarinejad S.</i> The Predominant Themes in Russian Leaders’ References to a Strategic Partnership with Iran in the Context of Eurasian Integration	83

REVIEWS OF EVENTS

Review of the scientific event: “Central Asia in the context of global turbulence: opportunities, problems and prospects”	92
---	----

А.А. Конопляник

Пирамида энерготехнологического сотрудничества БРИКС для энергетической консолидации Евразии

Аннотация. Автор предлагает и обосновывает трехуровневую пирамиду многостороннего энерготехнологического сотрудничества России с государствами Глобального Юга (Евразия, Африка, Латинская Америка) в рамках расширенного БРИКС. В качестве основного целеполагания сотрудничества — борьба с энергетической бедностью для достижения высших целей устойчивого развития ООН для государств Глобального Юга. Предлагается формирование универсальной, пригодной для разных регионов этих стран, связки сетевой энергетической и транспортной инфраструктуры на основе дополнения традиционной энергетической инфраструктуры (газопроводы, электростанции) ее новыми/нетрадиционными энерготехнологическими решениями в области ядерной энергии, крупнотоннажного и малотоннажного СПГ и ВИЭ, которые могут быть применимы как в Евразии, так и в Африке и Латинской Америке. Но также в самой России — в районах к востоку от Урала и в Арктической зоне. Энергетическая консолидация для борьбы с энергетической бедностью всего этого пространства нужна для обретения эффекта масштаба нового типа — за счет расширения спроса на унифицированные типовые модульные решения (и снижения издержек их производства) для децентрализованного энергоснабжения удаленных территорий с низкой плотностью населения, непригодных для традиционного сетевого централизованного энергоснабжения.

Первый уровень пирамиды — мега-проекты (традиционный эффект масштаба за счет концентрации единичных мощностей генерирующих установок): энергоснабжение крупных промышленных объектов и зон концентрации населения через сложившуюся базисную якорную традиционную инфраструктуру на основе АЭС, ктСПГ в связке с газопроводами и газовыми ТЭС, в том числе в плавучем варианте для энергоснабжения густонаселенных прибрежных территорий.

Второй уровень — миди-проекты для энергоснабжения удаленных внутриконтинентальных населенных пунктов разной крупности в районах с отсутствующей всепогодной транспортной инфраструктурой на основе «триады»: (i) мтСПГ в крио-цистернах и стандартных 20/40-футовых танк-контейнерах, (ii) модульных энергоустановок, из которых могут собираться газовые ТЭС разной крупности, соответствующие энергетическим потребностям этих насе-

ленных пунктов, и (iii) беспилотных грузовых дирижаблей грузоподъемностью 60 тонн и/или более (как одновременно транспортное средство и транспортная инфраструктура) при отсутствии стационарной инфраструктуры доставки модулей и танк-контейнеров.

Третий уровень — большое число мини-проектов по энергоснабжению индивидуальных домохозяйств (в районах, где основная нагрузка электрическая, а не тепловая) на основе мобильных энерготехнологических модулей (ЭТМ) на основе ВИЭ. Каждый ЭТМ рассчитан на покрытие минимально необходимой нагрузки «на семью» и имеет в составе солнечную панель, сборную ветроустановку, накопитель энергии. Средство доставки ЭТМ потребителям — аккумуляторные беспилотники грузоподъемностью несколько сотен кг, в том числе в комбинации с беспилотными грузовыми дирижаблями.

Ключевые слова: Энергетическая бедность, энерготехнологическое сотрудничество, БРИКС, Глобальный юг (Евразия, Африка, Латинская Америка), энерготехнологические модули, малотоннажный СПГ в крио-цистернах и стандартных танк-контейнерах, беспилотные грузовые дирижабли, легкие беспилотные летательные аппараты, установки модульного энергоснабжения; плавучие энергоустановки; мини-АЭС; децентрализованное энергоснабжение.

Автор: Конопляник Андрей Александрович, доктор экономических наук, профессор, член Научного совета РАН по системным исследованиям в энергетике. ORCID: 0000-0002-5772-745X. E-mail: andrey@konoplyanik.ru

Andrey A. Konoplyanik

Pyramid of BRICS Energy Technology Cooperation for Energy Consolidation of Eurasia

Abstract. The author proposes and substantiates a three-level pyramid of multilateral energy technology cooperation between Russia and the states of the Global South (Eurasia, Africa, Latin America) within the framework of an expanded BRICS. The main goal of cooperation is to combat energy poverty in order to achieve the highest UN sustainable development goals for the states of the Global South. It is proposed to form a universal, suitable for different regions of these countries, linkage of network energy and transport infrastructure based on supplementing traditional energy infrastructure (gas pipelines, power plants) with its new/non-traditional energy technology solutions in the field of nuclear energy, large-scale and small-scale LNG and renewable energy sources, which can be applied both in Eurasia and in Africa and Latin America. But also in Russia itself — in the areas to the east of the Urals and in the Arctic zone. Energy consolidation to combat energy poverty in this entire space is needed to achieve a new type of scale effect — by expanding demand for unified standard modular solutions (and reducing their production costs) for decentralized energy supply to remote areas with low population density, unsuitable for traditional centralized energy supply networks.

The first level of the pyramid is mega-projects (traditional scale effect due to the concentration of individual generating plant capacities): energy supply to large industrial facilities and areas of population concentration through the existing basic anchor traditional infrastructure based on nuclear power plants, large-scale LNG in conjunction with gas pipelines and gas thermal power plants, including in a floating version for energy supply to densely populated coastal areas.

The second level is midi-projects for power supply of remote inland settlements of various sizes in areas with no all-season all-weather transport infrastructure based on the

“triad”: (i) small-scale LNG in cryogenic tanks and standard 20/40-foot tank containers, (ii) modular power plants from which gas thermal power plants of various sizes can be assembled to meet the energy needs of these settlements, and (iii) unmanned cargo airships with a lifting capacity of 60 tons and/or more (as both a vehicle and transport infrastructure) in the absence of a stationary infrastructure for the delivery of modules and tank containers.

The third level is a large number of mini-projects for power supply of individual households (in areas where the main load is electrical, not thermal) based on mobile renewable energy technology modules. Each ETM is designed to cover the minimum required load “for a family” and includes a solar panel, a prefabricated wind turbine, and an energy storage device. The means of delivering ETMs to consumers is battery-powered drones with a payload capacity of several hundred kg, including in combination with unmanned cargo airships.

Keywords: Energy poverty, energy technology cooperation, BRICS, Global South (Eurasia, Africa, Latin America), energy technology modules, small-scale LNG in cryogenic tanks and standard tank containers, unmanned cargo airships, light unmanned aerial vehicles, modular power supply units; floating power plants; mini-nuclear power plants; decentralized power supply.

Author: Andrey A. Konoplyanik, Doctor of Economics, Professor, Member of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences for System Research in Energy. ORCID: 0000-0002-5772-745X. E-mail: andrey@konoplyanik.ru

25 сентября 2024 г. состоялось заседание Президиума Госсовета по вопросу развития экспорта, выступая на котором Президент России Владимир Путин отметил, что «главная цель в том, чтобы экспорт, конкуренция российских компаний на мировых рынках служили катализатором обновления нашей промышленности, ... многих других отраслей, стимулировали рост эффективности отечественных предприятий, позволяли создавать современные, хорошо оплачиваемые рабочие места — именно у нас, в России. В этом конечная цель». И продолжил: «...мы нацелены идти дальше, не ограничивать взаимодействие только продажей ресурсов. Россия готова укреплять технологический суверенитет своих партнёров в энергетике, формируя полноценные научные и производственные цепочки. ... Такое сочетание интеллектуального и ресурсного потенциала разных стран, выход на новые рубежи международного сотрудничества, уверен, откроет дополнительные возможности для нашей научно-исследовательской школы, для развития машиностроения, сферы услуг и, конечно, всей российской энергетики» [Заседание Президиума Госсовета...].

Значит речь об опережающем повышении конкурентоспособности российских предприятий и производств на международных рынках, причем на двух типах рынков. Во-первых, на рынках товаров и услуг, где мы должны уметь эффективно реализовать не только традиционную, но и новую энергетическую продукцию — как самого энергетического комплекса (энергоресурсы и продукты их переработки), так и для энергетического комплекса (энерготехнологии и энергетическое оборудование). Для этого нужно, в том числе, чтобы «цена отсечения» (цена приемлемой рентабельности) наших энергетических товаров и оборудования для их производства была ниже, чем у конкурентов. Во-вторых, на рынках

капитала — для получения заемного (долгового) финансирования инвестиционных проектов в энергетике и для энергетики. Поскольку инновационные инвестиционные проекты — что, по определению, означает проекты высокорискованные — финансируются, как правило, за счет заемного (долгового) финансирования для того, чтобы распределить и тем самым минимизировать риски среди компетентных участников перспективного инвестпроекта.

О правилах, практике и мифах финансирования инвестпроектов (о предпосылках технологического суверенитета и лидерства)

Существуют фундаментальные правила и практика финансирования, в том числе заемного финансирования инвестиционных проектов. В энергетике, где инвестпроекты отличаются повышенной капиталоемкостью, обычно порядка 70 % капиталовложений в проект (плюс-минус 10%-ных пунктов) — это так называемое «проектное» финансирование (специальный вид заемного или долгового финансирования), обеспечением под которое служит будущая выручка еще не реализованного проекта. Она должна быть предсказуема, то есть в стране должны быть прозрачные, понятные для инвестора, готового рискнуть своими (пусть в значительной степени и заемными) деньгами, знаниями, технологиями, устойчивые, то есть стабильные условия экономико-правовой среды и правила работы в ее рамках. Это особенно актуально, значимо для инвесторов нефтегазовых и — шире — любых минерально-сырьевых проектов, в рамках которых инвесторы в буквальном смысле «закапывают деньги в землю». Чтобы принять окончательное инвестиционное решение (ОИР), инвестор должен не только просчитать экономику проекта, но должен быть уверен, что в течение жизненного цикла инвестпроекта эти условия не будут изменены принимающим государством в одностороннем порядке (тем более ретроактивно), что радикально меняет экономику проекта, на основе которой принималось ОИР, зачастую постфактум (когда «деньги в землю» уже «закопаны»).

А порядка 30 % (плюс-минус 10%-ных пунктов) капиталовложений — это акционерное финансирование, то есть то, что спонсоры проекта вносят «как бы» из своих денег. «Как бы» означает, что на самом деле значительная часть этих средств — это также заемное финансирование, кредитные деньги, только спонсоры получают эти кредитные ресурсы под обеспечение своими текущими активами.

Поэтому, говоря о «развитии», об «обновлении нашей промышленности», о «росте эффективности отечественных предприятий», мы упираемся в проблемы заемного финансирования, а это значит в кредитную ставку ЦБ и налоговую политику Минфина.

Правда, действующая глава российского ЦБ считает иначе — что инвестиционные проекты должны финансироваться не за счет кредита (проектное финансирование), а из прибыли компаний и предприятий. Так, выступая в конце октября 2024 г. в Госдуме она в очередной раз заявила о «неверности опасения», что «высокая ключевая ставка полностью остановит кредитование, и экономика

начнет снижаться от этого резко» [Выступление Эльвиры Набиуллиной]. И в соответствии с таким своим пониманием глава ЦБ выстраивает денежно-кредитную политику российского государства, поскольку (пока?) по Конституции РФ Центробанк России независим в своей политике. И фактически игнорирует мнение производственного сектора, который ведет все более активную публичную полемику с регулятором, указывая ему на то, что политика запретительной ключевой ставки ведет к сдерживанию экономического роста и утрате конкурентоспособности страны, в первую очередь на рынках новых технологий, товаров, услуг [Накал страстей по Центробанку...], [Богачев, 2024], [Промышленники предупредили ЦБ], [Кредит кому надо кредит...], [Мордашов призвал вернуться...], [Глава Ростеха Сергей Черезов...], [Критика ЦБ из категории количественной...], [Конопляник, 2023(е)], [Конопляник, 2023(д)].

Ведь «цена приемлемой рентабельности» для принятия окончательного инвестиционного решения (ОИР) по проекту, то есть для вхождения в проект, определяется ставкой заимствования (если на внутреннем рынке — то ключевой ставкой ЦБ, иначе говоря, политикой национального регулятора, если на внешнем — то величиной совокупности суверенных рисков национальной экономики для зарубежных кредиторов) плюс приемлемая норма прибыли (предпринимательского дохода), что зависит от инвестиционной стратегии компании. А возможность сохранения приемлемой нормы прибыли в течение всего жизненного цикла инвестиционного проекта зависит, в первую очередь, от стабильности и нефискальной ориентированности национального налогообложения (то есть от политики Минфина). Которое должно быть неизменным в течение всего срока жизни инвестпроекта и ориентировано не на максимизацию сиюминутных бюджетных доходов от него (с крайне низкой, зачастую, эффективностью их использования — достаточно вспомнить нашумевший и, уверен, далеко не единственный сюжет про нацпроект «Оздоровление Волги» [Федеральный проект «Оздоровление Волги», [Нацпроект «Оздоровление Волги»...], [Кто провалил федеральный проект...]), а на максимизацию его долгосрочных экономических эффектов, включающих прямые бюджетные налоговые поступления, а также — что, на мой взгляд, более важно для экономического развития страны — косвенные и мультипликативные эффекты за весь период жизненного цикла инвестпроекта.

Фактически экспорт, в том числе энергетический, должен стимулировать переход на новый технологический уклад. То есть не только способствовать обретению технологического суверенитета (обеспечивающего внутренние потребности страны), но и достижению технологического лидерства (обеспечивающего внутренние потребности и внешние возможности для страны). Причем не только и не столько на традиционных, сколько на новых направлениях, формируя тем самым новые технологические и энергетические рынки. Чтобы, выходя и закрепляясь на них в качестве первооткрывателя, расти вместе с ними (органический рост) и усиливать тем самым свое лидерство в условиях неизбежно нарастающей конкурентной борьбы с желающими также выйти на новые рынки и закрепиться на них из числа как дружественных стран, с которыми можно и нужно суметь договориться о кооперации, так и недружественных государств, с которыми вряд ли в принципе можно договориться о сотрудничестве в условиях

их санкционного давления на Россию и на некоторые другие дружественные евразийские страны.

Для того, чтобы максимально эффективно осуществить такой переход с помощью энергетического экспорта, необходимо, во-первых, выявить основные барьеры на этом пути и возможности их преодоления или, что лучше, устранения. К внешним барьерам относятся, очевидно, антироссийские санкции, общее число которых по состоянию на 19.01.2025 составило 24 387 [Russia Sanctions Dashboard] и будет, безусловно, только увеличиваться. Так, в ЕС уже принят очередной, 18-й пакет антироссийских санкций и нет оснований сомневаться в том, что он далеко не последний в рамках провозглашенной в марте 2022 г. и последовательно реализуемой с тех пор политики ЕС по отказу от российских энергоресурсов к 2027 г. Главные же внутренние барьеры, на мой взгляд, это политика ключевой ставки ЦБ и налоговая политика Минфина — обе являются запретительными, в качестве общего правила, для финансирования капиталоемких долгосрочных инвестиционных проектов.

Во-вторых, необходимо предложить способы обеспечения двух типов экономических эффектов, без чего невозможно добиться конкурентоспособности продукции российского экспорта на международных рынках товаров и услуг, а российских инвестпроектов — на рынках капитала. А именно: «эффекта масштаба» и «эффекта кривой обучения» (первый создает предпосылки для второго). В настоящей статье речь пойдет именно об этой группе задач и предлагаемых решений.

ЦУР ООН для Запада и Глобального Юга

Формирование эффекта масштаба для российского экспорта может обеспечить многовекторное и многоуровневое энерготехнологическое сотрудничество нашей страны с государствами Глобального Юга, нацеленное на борьбу с энергетической бедностью, преодоление которой является общей приоритетной задачей для всех указанных государств, ибо без решения этой проблемы невозможно обеспечить достижение главных целей устойчивого развития ООН (ЦУР ООН).

Сегодня в западном мире на высшую ступень в иерархии приоритетов поставлена борьба за сохранение климата. Но это всего лишь ЦУР-13 из семнадцати ЦУР ООН (рис. 1). То есть эта ЦУР не обладает высшим приоритетом, она даже не входит в верхнюю часть списка приоритетов ООН. И уже начинает снижаться по значимости в общественном сознании населения даже тех стран, что наиболее активно исповедовали «зеленую повестку», например в ЕС. Так, опрос после выборов в Европарламент в 2019 г. (когда новая Еврокомиссия анонсировала свой «Новый Зеленый Курс») в отношении того, какие проблемы вдохновили граждан ЕС пойти на выборы, показал, что климатическая повестка была второй по значимости, наряду с обеспечением гражданских прав и демократии (обе отметили 37 % опрошенных), после проблем экономического роста (44 %) [2019 Post-Electoral survey]. Спустя 5 лет аналогичный опрос показал, что климатическая и экологическая повестка заняла пятое-шестое место наряду с вопросами миграции и беженцев (отметили по 28 % опрошенных) после роста цен и стои-

Рис. 1. ЦУР ООН: приоритеты для западного мира и для БРИКС+ (РФ + Евразии, Африки, Латинской Америки = Глобального Юга)

мости жизни (42 %), экономической ситуации в целом (41 %), международной обстановки (34 %), демократии и верховенства права (32 %) [EU Post-electoral survey 2024]. Более того, анализируя начавшуюся 11.11.2024 в Баку 29-ю конференцию государств о климатической повестке в рамках Парижского соглашения (COP-29), журнал «Глобальные газовые перспективы» написал, что «отсутствие на COP-29 мировых лидеров из США, Европы, Китая, Франции, Японии, Бразилии и других стран приводит к опасению, что наиболее благополучные мировые нации теряют интерес [к климатической повестке], что отражает реакцию избирателей, продемонстрированную в ходе выборов в Европе и США» [COP29 kicks off].

В странах Евразии и всего Глобального Юга главными приоритетами остаются ЦУР, расположенные в иерархии выше (в том числе много выше), чем ЦУР-13: ЦУР-1 (ликвидация нищеты), ЦУР-2 (ликвидация голода), ЦУР-6 (чистая вода и санитария), ЦУР-7 (недорогостоящая и чистая энергия) и др. Достижение этих ЦУР невозможно без решения проблемы «энергетической бедности», что является общим объединительным началом для государств Евразии.

При этом ЦУР-7 не должна искаженно пониматься как переход на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) и отказ от невозобновляемых энергоресурсов (НВЭР). Однако на COP-28 в Дубае в ноябре 2023 г. развернулась активная дискуссия «phase out vs. phase down» — отказ от использования НВЭР или уменьшение их использования в рамках сосуществования НВЭР и ВИЭ. Сокращение доли НВЭР должно происходить естественным путем за счет укоренного роста доли ВИЭ, если сможет быть обеспечена их системная конкурентоспособность, но не административно-запретительным путем за счет так называемой «позитив-

ной дискриминации» НВЭР. То есть речь должна идти не о превратно понимаемой «декарбонизации» (что уже терминологически подразумевает отказ от НВЭР), но о низкоэмиссионном развитии при использовании всех видов и источников энергии.

Похоже, даже в наиболее радикально заточенной на повсеместное использование ВИЭ Европе и в финансово-банковском сообществе начинают постепенно склоняться к такому пониманию и что без инвестиций в НВЭР не обойтись, даже для достижения «нетто-нуля» по выбросам к 2050 г. [Ископаемое геополитическое оружие...] Показательно в этом отношении интервью главы Barclays Bank Винкатакришнана 25.06.2024 о невозможности отказа от финансирования нефтегазовых проектов — призывы к такому отказу нереалистичны [Banks bolster support for oil and gas]. То есть нужна эффективная комбинация НВЭР плюс ВИЭ плюс энергетической и эмиссионной эффективности их использования, включая утилизацию отработанного оборудования. Значит нужна комбинация решений на основе эволюционного плюс революционного НТП, то есть активная выработка и применение нетрадиционных решений не только на основе ВИЭ, хотя именно к последнему (только ВИЭ и их производные) западное сообщество подталкивает пока весь остальной мир.

Материальной основой для многосторонней взаимовыгодной сбалансированной консолидирующей политики России в Евразии является формирование общей энергетической инфраструктуры в рамках построения Большого Евразийского энергетического пространства (БЕЭП) (удачный термин МИД РФ [О российской инициативе...]). Ее основная — якорная — часть выстраивается сегодня на основе традиционных инфраструктурных решений: сети трансграничных трубопроводов и электрических сетей высокой пропускной способности, генерирующих мощностей преимущественно мега- и гигаваттного уровня для реализации «эффекта масштаба» традиционного типа — за счет эффекта концентрации единичных мощностей генерирующих и передающих энергоустановок. Но в перспективе энергетическая инфраструктура неизбежно должна и, не сомневаюсь, будет дополнена новыми энерготехнологическими решениями, о некоторых из которых скажем далее.

Якорная энергетическая инфраструктура Евразии — на основе традиционных решений

Процесс формирования БЕЭП сегодня характеризуется в основном линейной структурой поставок в рамках четырех зон/ареалов существующих и планируемых трубопроводных поставок газа в Евразию — трансграничных мега-проектов (рис. 2).

(1) из Восточных регионов России на северо-восток Китая. Это магистрали «Сила Сибири» (38 млрд куб.м/год), «Союз-Восток (Сила Сибири 2)» (50 млрд куб. м/год), «Дальневосточный маршрут (Сила Сибири 3)» (10 млрд куб. м/год). К ним может добавиться еще одна входная магистраль в Китай, как продление трассы поставок российского газа для энергоснабжения северо-восточных рай-

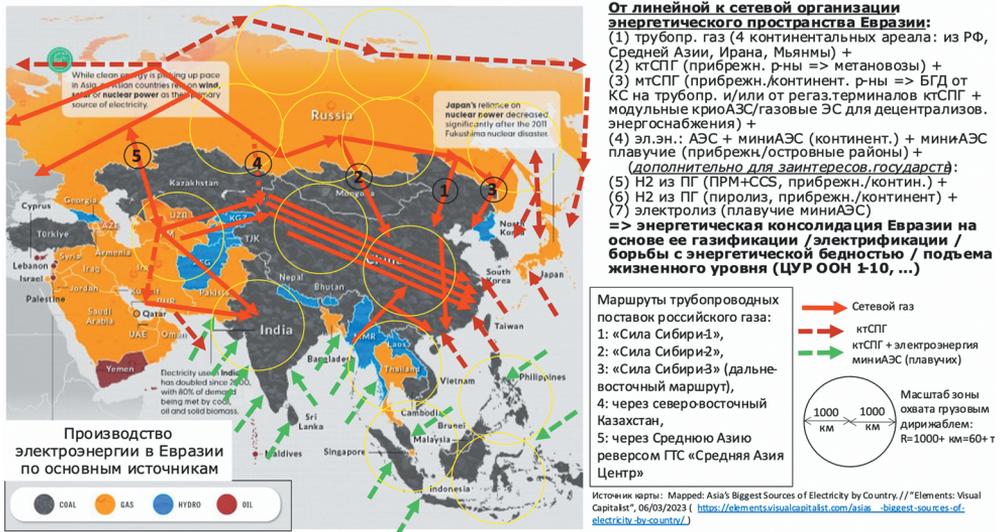

Рис. 2. Энергетическая консолидация Евразии (БЕЭП)

онов Казахстана — в рамках плана сотрудничества в газовой отрасли между двумя странами (протокол о сотрудничестве в газовой отрасли на 2023—2024 годы был подписан правительством Казахстана и ПАО «Газпром» в марте 2023 г.). В соответствии с ним прорабатывается возможность строительства международного газопровода Россия—Казахстан—КНР [«Газпром» планирует в июле завершить];

(2) из Средней Азии на юго-восток Китая. Это серия газопроводов «Запад—Восток» (к северу от Гималаев) на основе китайского газа Таримского бассейна («Запад—Восток-1», 12 млрд куб. м/год) и газа из Средней Азии (газопровод Туркменистан—Узбекистан—Казахстан—Китай, три нитки общей мощностью 55 млрд куб. м/год; после запуска четвертой линии из Туркмении через Киргизию и Таджикистан общая мощность поставок в Китай по этому маршруту составит 65 млрд куб. м/год). В эту систему может реверсом входить российский газ через систему магистральных газопроводов «Средняя Азия—Центр» (САЦ) — в октябре 2023 г. Газпром начал реверсивные поставки газа в Узбекистан по специально выделенному маршруту на базе САЦ через территорию Казахстана [«Газпром» последовательно расширяет].

Понятно, что в России (у Газпрома) высвободились значительные объемы «свободного» газа (доступного для реализации на внутреннем и экспортных рынках вне ЕС) вследствие схлопывания европейского рынка газа — к 2027 г. ЕС намерен обнулить импорт российских энергоресурсов, а на пике экспорта в 2019 г. мы поставляли в ЕС порядка 200 млрд. куб. м/год газа. Понятно также, что в связи с проблемами внутреннего энергоснабжения Узбекистана и Казахстана (рост населения, экономический рост, холодные зимы, ограничения по ресурсной базе и др.), обусловившими реверсные поставки российского газа в эти страны, транспортные коридоры из Средней Азии в Китай могут постепенно превра-

щаться, в том числе, и в транзитные коридоры для поставок российского газа в Китай, только не на северо-восток страны, куда нацелены все российские газопроводы, перечисленные в п. (1) выше, а на юго-восток, в район Шанхая, где заканчивается действующая многониточная газотранспортная система (ГТС) «Запад—Восток» Китая. По мере истощения месторождений Таримского бассейна, которые запитывают первую нитку этой ГТС, и уже наблюдающегося дефицита газа в Узбекистане и Казахстане для исполнения своих контрактных обязательств по газопроводу Туркменистан—Узбекистан—Казахстан—Китай, в этих двух ГТС будут образовываться свободные мощности (пропускные способности) для потенциального заполнения их российским газом путем наращивания реверса через ГТС САЦ. Проблема ресурсной обеспеченности таких «компенсационных» поставок не стоит, речь может идти о договороспособности наших партнеров с точки зрения баланса интересов сторон;

(3) Юго-западный коридор (к югу от Гималаев). Включает многократно откладывавшиеся проекты двух газопроводов, судьба которых долгое время была не вполне ясна, но, наконец, прояснилась в 2024 г.:

- Транс-афганский газопровод (ТАПИ — Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия, 33 млрд куб. м/год). Формальная церемония «начала строительства» состоялась в Туркмении в 2015 г. Однако лишь 11.09.2024 Туркменистан и Афганистан приступили, наконец, к строительству ключевого участка газопровода ТАПИ [Туркменистан и Афганистан приступили...];

- Транс-иранский газопровод (ИПИ — Иран—Пакистан—Индия, 7,8 млрд куб. м/год). Соглашение о поставках между сторонами было подписано еще в 2009 г. Но лишь в феврале 2024 г. Федеральное правительство Пакистана одобрило (под угрозой штрафа в 18 млрд долл. иранской стороны к Пакистану о невыполнении условий соглашения сторон) решение о строительстве пакистанского участка газопровода из Ирана (из-за антииранских санкций Пакистан даже не начинал строительство газопровода, в то время как иранские компании уложили 900 км из 1050 км своего участка) [Пакистан решил на газопровод из Ирана...];

(4) Южный коридор. Газопровод мощностью 12 млрд куб. м/год от морских месторождений Мьянмы на юго-восток Китая.

Сочетание традиционной и альтернативной инфраструктуры энергоснабжения

На основе существующей и формируемой базисной («скелетной»/якорной) энергетической инфраструктуры в Евразии (зарубежной Азии) будут далее развиваться ее диверсифицированные, как кровеносная система, разветвления. Причем будет происходить как диверсификация технической инфраструктуры с использованием традиционных (стационарных капиталоемких сетевых) технологий и новых технических решений (альтернативных стационарной инфраструктуре), так и диверсификация организационных и институциональных решений на основе сочетания централизованного (сетевого массового) и децентрализованного (точечного индивидуализированного) энергоснабжения.

Особенно важны новые нетрадиционные решения для тех многочисленных регионов Евразии и других континентов Глобального Юга (Африка, Латинская Америка), где на обширных территориях с низкой плотностью населения, которые характеризуются повышенным уровнем энергетической бедности, то есть там, где испытывается повышенная, опережающая потребность в энергоснабжении, не могут применяться традиционные сетевые технологии. В первую очередь, по экономическим соображениям — отсутствует эффект масштаба по доставке традиционных энергоресурсов традиционными (сетевыми/трубопроводными) техническими решениями от отдельных крупных (чтобы оправдать затраты в стационарную инфраструктуру) месторождений, либо от импортных регазификационных терминалов СПГ на побережье соответствующих континентов, до многочисленных относительно небольших или совсем мелких потребителей, особенно в континентальной глубинке.

Отсюда вытекает объективно обусловленная необходимость формирования энергетической инфраструктуры, сочетающей традиционные и новые энерготехнологические решения, для максимального полного покрытия эффективным надежным энергоснабжением расположенных в разных климатических зонах (отсюда разная потребность в производстве электроэнергии и тепла) территорий с разной плотностью населения.

Ликвидация энергетической бедности, видимо, должна вестись поэтапно, обеспечив на первом этапе удовлетворение минимально необходимых энергетических потребностей. Задача выявления и количественной оценки таких индивидуализированных потребностей ложится на соответствующие национальные институты. На основе таких оценок можно обосновывать типовые стандартные модульные энерготехнологические решения, формировать их дискретный ряд для комбинации, по принципу конструктора ЛЕГО, объектов энергоснабжения необходимой мощности и характера энергоснабжения.

Формирование, количественная оценка и обоснование стандартизированных модульных решений и их последующее обобщение, суммирование не только в рамках БЕЭП, но и для сотрудничающих в рамках БРИКС+ государств (то есть на всем пространстве Глобального Юга) даст консолидированную оценку спроса на такие новые технические решения, то есть создаст эффект масштаба (в рамках БЕЭП и/или БРИКС+) для быстрее и более эффективного запуска в производство таких решений. Причем это будет эффект масштаба совершенно иного, нежели исторически общепринятый, типа: не по принципу увеличения единичной мощности относительно небольшого числа энергогенерирующих установок/объектов (эффект концентрации мощности), а по принципу унификации и стандартизации типовых модульных решений законченной степени готовности (из которых как из кубиков ЛЕГО можно формировать установки требуемой мощности), производство которых может быть поставлено на конвейер, обеспечивая взрывной рост их потребной численности.

Финансовая поддержка реализации таких новых решений должна быть обеспечена созданными для этих целей соответствующими коллективными институтами развития БРИКС (Новый банк развития БРИКС; совместная инвестиционная платформа БРИКС, согласованная на саммите Организации в Казани 22—

24.10.2024[РФПИ предложил создать в БРИКС...], [Казанская декларация саммита БРИКС...] и/или индивидуальными институтами развития государств входящих в БРИКС (для РФ — это в первую очередь ВЭБ.РФ и его Фабрика проектного финансирования).

Пирамида энерготехнологической кооперации

Мое видение энергетической консолидации Евразии на основе ее газификации, электрификации, борьбы с энергетической бедностью, подъема жизненного уровня населения (для реализации ЦУР ООН 1-10) на основе вышеописанного подхода было представлено ранее [Конопляник, 2023 (а)]. Далее приводится его систематизированное краткое изложение в виде трехуровневой пирамиды энерготехнологической кооперации государств Евразии (России и зарубежной Азии), которое может быть распространено на другие государства Глобального Юга через инструменты и механизмы БРИКС+.

Предлагаемая трехуровневая пирамида энерготехнологической кооперации для России со странами Глобального Юга (Евразия, Африка, Латинская Америка), нацелена, в том числе, на решение задачи обеспечения «эффекта масштаба» на новых принципах и технологических решениях (в дополнение к традиционной модели опоры на сетевые/трубопроводные мегапроекты) для запуска «кривой обучения» для достижения конкурентоспособности инвестпроектов с российским участием (рис. 3).

Рис. 3. Три уровня энергетической интеграции в рамках БРИКС+ (Евразия, Африка, Латинская Америка) => пирамида энерготехнологической кооперации для России со странами Глобального Юга => как обеспечить «эффект масштаба» для запуска «кривой обучения» для достижения конкурентоспособности

Первый (базисный) уровень энерготехнологической кооперации нацелен на удовлетворение спроса промышленных, коммерческих и бытовых потребителей, с высоким уровнем концентрации спроса, в крупных городах, расположенных в

прибрежных и внутриконтинентальных районах, на основе: (i) ктСПГ и сетевого газа (в том числе регазифицированного) в объемах, обосновывающих строительство газопроводов до удаленных от побережья объектов газовой генерации, (ii) комбинации ктСПГ и газовых ТЭС на месте его регазификации, (iii) АЭС, стационарных и/или плавучих.

Реализация «эффект масштаба — 1» для повышения конкурентоспособности инвестпроектов с российским участием для этих категорий потребителей будет обеспечиваться формированием незначительного числа **мега-проектов** в разных сегментах энерготехнологического сотрудничества.

1. Сегмент ктСПГ: поставки в прибрежные районы танкерами-метановозами (если российского ктСПГ — то из сегодняшних Ямальского и/или Сахалинского кластеров, и/или из будущего Мурманского, а если совместного производства — то из будущего, создание которого предвижу, российско-иранского кластера на выходе из Ормузского пролива в Оманский залив). Рационально обеспечивать связку приемных терминалов ктСПГ и газовых ТЭС (КЭС/ТЭС) в прибрежных районах принимающих стран Глобального юга. Прибрежные районы этих континентов являются особо густонаселенными, а значит испытывают дефицит свободных территорий для размещения площадных энергообъектов (к каковым относятся энергогенерирующие установки с подводящей инфраструктурой, включая зоны отчуждения). Поэтому целесообразно, чтобы приемные терминалы ктСПГ, как самостоятельные, так и в связке с газовыми ТЭС, были в модульном и плавучем исполнении. Тогда эти парные модульные объекты (регазификационный терминал плюс газовая электростанция), выполненные в рамках стандартного дискретного ряда мощностей единичных модулей, можно будет подбирать (по принципу конструктора ЛЕГО) под конкретный объем электроэнергетической нагрузки объектов энергоснабжения.

2. Сегмент трубопроводного газа: строительство газопроводов, в том числе трансграничных (на основе четырех вышеперечисленных континентальных ареалов поставок сетевого газа из РФ, Средней Азии, Ирана, Мьянмы, в том числе из РФ через Среднюю Азию — см. рис. 2) для создания и дальнейшего формирования национальных и межнациональных ГТС, в том числе объединенных.

3. Сегмент электроэнергетики АЭС: традиционные мега-АЭС на суше для крупных городов, промышленных объектов в прибрежных и внутриконтинентальных районах.

4. Сегмент (модной ныне на Западе) водородной энергетики может получить в Евразии и странах Глобального Юга лишь «точечное» развитие, причем скорее опционно (но даже это маловероятно — не тот уровень экономического и технологического развития абсолютного большинства принимающих государств Глобального Юга):

а. сегмент водорода из природного газа, производимого в прибрежных (на основе ктСПГ) и/или в континентальных (на основе сетевого газа) районах, в местах его потребления (по аналогии с европейскими «водородными долинами»), с использованием технологий парового риформинга метана с улавливанием и захоронением CO_2 (при наличии вблизи подходящих для этого геологических формаций) и/или технологий пиролиза метана без выбросов CO_2 ;

в. сегмент электролизного (так называемого возобновляемого) водорода — в континентальных водоизбыточных (каковых крайне мало, если вообще есть) районах на основе электроэнергии АЭС или ВИЭ, в прибрежных районах на основе плавучих миниАЭС (которые должны будут работать одновременно и на электролиз, и на десалинацию (опреснение) морской воды, по крайней мере, до тех пор пока не будут созданы рентабельные технологии получения водорода электролизом морской воды).

5. Сегмент электроэнергии ВИЭ останется нишевым продуктом в рамках национальных энергобалансов государств Евразии, ориентирующихся на развитие отечественной промышленности. ВИЭ не смогут широко применяться для централизованного энергоснабжения, принимая во внимание их многочисленные технические, режимные и иные ограничения, в основе которых лежит метеозависимость, недиспетчеризуемость ВИЭ, низкая концентрация энергии в потоке ветровой и/или солнечной энергии. В государствах Глобального Юга ВИЭ будут использоваться преимущественно для покрытия децентрализованного и индивидуализированного спроса на электроэнергию отдельных домохозяйств. Объекты ВИЭ промышленного масштаба будут иметь, полагаю, точечный демонстрационный характер для отработки соответствующих технических решений в отдельных, наиболее продвинутых в экономическом отношении странах, в первую очередь в Китае, имея в виду дальнейший экспорт технологий (как это уже произошло с солнечными панелями).

Второй уровень энерготехнологической кооперации нацелен на удовлетворение спроса внутриконтинентальных населенных пунктов разной крупности на основе предлагаемой нами с В.В. Ворошиловым триады элементов децентрализованной газификации/энергоснабжения [Ворошилов, Конопляник, 2024 (а)]: мтСПГ в сменяемых крио-цистернах и стандартных танк-контейнерах плюс беспилотные грузовые дирижабли (БГД) как средство доставки (там, где отсутствует стационарная всепогодная транспортная инфраструктура) плюс модульные газовые ТЭС (электроснабжение) и криоАЗС (газоснабжение) плюс локальные сети (газовые, электрические).

При этом использование БГД будет приносить ощутимый косвенный эффект от освоения территорий, лишенных стационарной всепогодной всепогодной инфраструктуры (а значительная часть глубинных территорий Евразии, Африки, Латинской Америки именно таковой и является, также как и России в Зауралье и Арктической зоне [Ворошилов, Конопляник, 2021 (а, б)]). Ибо БГД это одновременно и транспортное средство, и транспортная инфраструктура неограниченной дальности доставки грузов и неограниченной грузоподъемности в рамках номенклатуры грузов для материально-технического снабжения и социально-бытового обеспечения (комплекс передвижных, а не стационарных услуг — например, фельдшерские пункты, передвижные госпитали в случае возникновения стихийных бедствий или эпидемий и т. п.), для геологического изучения территорий и поисково-разведочных работ на те или иные виды полезных ископаемых, сезонных работ вахтовым методом и др.

Реализация «эффекта масштаба — 2» для повышения конкурентоспособности инвестпроектов с российским участием по этим категориям потребителей

будет обеспечиваться через большое число **миди-проектов** на основе комбинации стандартизированных модулей, позволяющих формировать (по принципу ЛЕГО) широкую линейку проектов, заточенных на индивидуализированные энергетические нужды конкретных потребителей:

1. Сегмент АЭС: мини-АЭС/АТЭЦ для электро- и, в соответствующих климатических зонах, теплоснабжения, на суше плюс плавучие, на основе формирования дискретной линейки мощностей, тиражирующих в сторону понижения единичной мощности принцип создания ПАТЭС «Ломоносов» и/или АТСТ «Елена-АМ», для прибрежных районов и островных экономик.

2. Сегмент мтСПГ в крио-цистернах и танк-контейнерах (20/40 футовых): поставки в прибрежные районы судами-контейнеровозами и/или в континентальных районах железнодорожным и/или автотранспортом, а при их отсутствии — используя БГД. Источник поставок — установки мтСПГ на компрессорных станциях газопроводов и/или на регазификационных терминалах ктСПГ. Получатель — модульные децентрализованные криоАЗС и газовые ТЭС, с соответствующими мощностями хранения, запитываемые дискретными поставками мтСПГ. Возможна работа в связке с децентрализованными же источниками электроэнергии ВИЭ (солнечная, ветровая), где мтСПГ вступает как резервное (балансирующее) топливо для таких комбинированных ВИЭ-мтСПГ модулей:

а. выдача СПГ с завода мтСПГ в стандартных крио-цистернах и 20- и/или 40-футовых танк-контейнерах (по принципу сменяемых батареек) вместо более традиционной сегодня выдачи СПГ технологией «налива/заправки» подаваемых мобильных емкостей потребителей СПГ;

б. БГД грузоподъемностью 60 т (что эквивалентно двум 40-футовым танк-контейнерам с заполненными на 85 % крио-цистернами СПГ) и выше, с шагом кратным по весу танк-контейнеру с заполненной крио-цистерной СПГ, как транспортное средство и транспортная инфраструктура для доставки широкой номенклатуры как генеральных (в стандартных танк-контейнерах), так и штучных грузов;

с. дискретный ряд модульных газовых ТЭС (КЭС/ТЭЦ) и криоАЗС (для локального автотранспорта и хранения мтСПГ как резервных запасов СПГ для локальных систем энергоснабжения для обеспечения бесперебойности подачи топлива при дискретном характере его поставки).

На основе этой триады формируются локальные газовые и/или электрические сети для энергоснабжения локальных территориально-объединенных домохозяйств. Таким образом осуществляется борьба с энергетической бедностью на уровне отдельных населенных пунктов разной крупности.

Третий уровень энерготехнологической кооперации нацелен на удовлетворение спроса индивидуальных домохозяйств (на одну семью), главным образом глубоко внутриконтинентальных территорий, характеризующихся, как правило, наивысшим уровнем энергетической бедности, который проявляется в отсутствии доступа к электроэнергии и в пищеприготовлении (а на территориях за пределами экваториального пояса — и в отоплении) на основе биомассы — дров, кизяка. Сегодня, по оценке МЭА, не имеют доступа к электроэнергии порядка 750 млн. человек, из них 600 млн.чел. в Африке к югу от Сахары, чуть более

100 млн человек — в развивающихся странах Азии [Access to electricity improves slightly...]. Но есть и более удручающие цифры, что в странах Африки примерно 540 млн человек не имеют доступа к электроэнергии и 550 млн человек используют дрова для приготовления, в Индии, Пакистане, Бангладеш, суммарно, 800 и 815 млн человек соответственно, в Юго-Восточной Азии — 220 и 330 млн человек, в Китае — 18 и 570 млн человек (хотя, признаюсь, такой разрыв этих двух цифр по Китаю вызывает у меня вопросы), в Латинской Америке — 56 и 96 млн человек [Первая в мире АЭС]. В Экономическом сообществе стран Западной Африки (ЭКОВАС) доля древесины в конечном потреблении энергии домохозяйствами устойчиво превышает 80 %, доступ к электроэнергии в сельских районах имеют лишь порядка 30 % населения [Dashboard: Energy].

На мой взгляд, этот уровень энерготехнологической кооперации, нацеленный на покрытие децентрализованного и индивидуализированного спроса на электроэнергию отдельных домохозяйств, будет сегментом для преимущественного использования электроэнергии ВИЭ. Но лишь в государствах экваториального пояса, где основная энергетическая нагрузка домохозяйств — электрическая, а не тепловая, как в России. В РФ, в целом по стране, от 7 % (каждая 15-я семья, Росстат) до 17 % (каждая 6-я семья, независимые СМИ) домохозяйств сегодня отапливают дома дровами. По данным Росстата за 2022 г., доля таких домохозяйств составляет в Забайкальском крае 49,5 % (половину), в Туве — 81,5 % (четыре пятых). Печное отопление характерно для села (19,8 %) и малых городов (8,3 %), для которых отопительный сезон чаще всего длится от полугода до 8—9 месяцев [На заседании фракции «Единой России...», [Петрова, Сейбиль, 2023]. Поэтому технологические решения для индивидуализированного электро- и теплоснабжения в районах энергетической бедности (которой, как правило, сопутствует бедность экономическая) будут существенно различаться.

Каким я вижу решение (или один из его вариантов) задачи минимально-необходимого энергоснабжения индивидуальных домохозяйств в таких беднейших странах Глобального Юга, в доминирующих в этих странах сельских местностях, с учетом пригодных для массового применения современных энерготехнологий, в которых я вижу потенциальную энерготехнологическую нишу для России?

Основой такого индивидуализированного энергоснабжения (на одну семью в экваториальном поясе) могут быть разнообразные легкие энергетические модули полной готовности на основе ВИЭ на разный уровень базисной нагрузки индивидуального домохозяйства, необходимой и достаточной для покрытия потребности в освещении, приготовлении, мобильной связи (вкл. интернет и мобильный банкинг), хранении продуктов (работа холодильника) и т. п. Модуль состоит из фотоэлектропреобразователя (ФЭП)/солнечной панели (вариант: в комплекте со сборно-разборной ветроустановкой) и накопителя электроэнергии (аккумуляторной батареи). Средство доставки потребителям — легкие беспилотные летательные аппараты/авиационные системы (БПЛА/БАС).

Реализация «эффекта масштаба — 3» для повышения конкурентоспособности инвестпроектов с российским участием по этим категориям потребителей достигается через **множество мини-проектов**: формирование дискретного ряда мини-модулей на семью/домохозяйство (модульные ФЭП с литиевыми накопи-

телями электроэнергии) плюс легкие/средние БПЛА (с литиевыми аккумуляторами) как транспортное средство и транспортная инфраструктура. Такое энерготехнологическое решение нацелено на борьбу с энергетической бедностью на уровне индивидуальных домохозяйств.

Понятно, что во всех этих проектах необходимо сложение компетенций компаний заинтересованных государств. Понятно также, что Китай сегодня является безусловно признанным лидером в области возобновляемой электроэнергетики, в частности солнечной (95 % солнечных модулей, установленных в ЕС, импортированы из Китая [Europe is importing a solar boom...]). Можно сказать, что Китай захватил мировой рынок ВИЭ — сегодня его доля превышает 80 % в 11 сегментах производства основных компонентов оборудования ВИЭ (солнечная, ветровая, аккумуляторы, электролизеры, никель, кобальт, литий) [Diouhy, 2024]. Поэтому при энерготехнологической кооперации по данному ее срезу (третьему уровню пирамиды — см. рис. 3) блок ФЭП, скорее всего, останется за китайской стороной. Но блок накопителей энергии (литиевые аккумуляторные батареи) и БПЛА вполне может оказаться конкурентной нишей для российских производителей, но, конечно, при вменяемой и про-инвестиционной политике ЦБ в отношении ключевой ставки и Минфина в отношении налогообложения.

Новая ниша для беспилотников

Как известно, в течение ближайших шести лет в России должна появиться новая отрасль экономики, связанная с созданием и использованием гражданских беспилотников. Такова главная цель Стратегии развития беспилотной авиации РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г. и плана мероприятий по ее реализации, утвержденных правительством России 21 июня 2023 г. [Стратегия развития беспилотной авиации...]. В этих документах речь идет как раз и только о легких БАС. Так, на базе индустриального парка «Руднево» в Москве компания «Аэромакс» производит гражданские беспилотники вертолетного типа. Основной моделью производителя является беспилотная авиационная система вертолетного типа SH450 (грузоподъемность — до 100 кг, дальность полета — 500 км, время полета — шесть часов). Компания также ведет работу по организации серийного производства гражданского беспилотного вертолета SH-750 (грузоподъемность — до 300 кг, дальность полета — 600 км, время полета — пять часов). На площадке «Руднево» компания «Аэромакс» также работает над созданием новой модели гражданского грузового беспилотного вертолета SH-3000. Он весит более 3 т и сможет поднимать в воздух до 1 тыс. кг полезной нагрузки. Таким образом, максимальные озвученные цифры — БАС вертолетного типа грузоподъемностью до 1 т полезной нагрузки с дальностью, видимо, до 500—600 км [Ворошилов, Конопляник, 2024, с. 12]. Понимаю, что предложенные выше энерготехнологические модули, в расчете на одну семью/домохозяйство, безусловно, впишутся в эти весовые характеристики.

В основе принципиальной схемы возможной доставки к потребителям государств «Глобального Юга» энерготехнологических модулей (ЭТМ) на основе

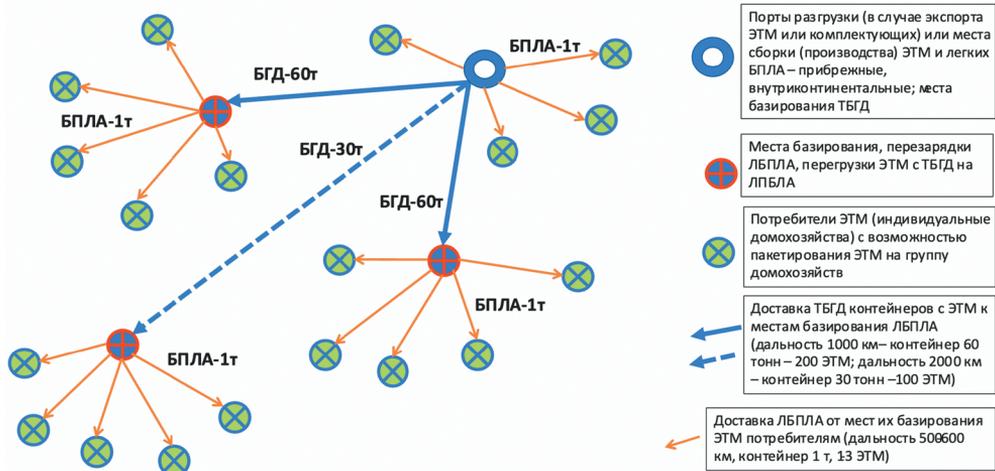

Рис. 4. Принципиальная схема возможной доставки к потребителям энерготехнологических модулей (ЭТМ) на основе ВИЭ «на семью» (домохозяйство) по схеме «тяжелый БГД + легкие БПЛА» (ТБГД+ЛБПЛА) для государств «Глобального Юга»

ВИЭ «на семью» (домохозяйство) лежит связка/комбинация «тяжелый БГД + легкие БПЛА» в зависимости от удаленности потребителей от побережья (рис. 4).

На побережье континентов «Глобального Юга» находятся порты разгрузки (в случае экспорта российских или с российским участием ЭТМ или комплектующих) или места сборки (производства) ЭТМ и легких БПЛА, там же будут расположены места базирования тяжелых БГД. Потребители ЭТМ (индивидуальные домохозяйства), с возможностью пакетирования ЭТМ на группу домохозяйств, расположены как вблизи побережья, так и на разном от него удалении в глубине соответствующего континента — как в зоне досягаемости легких БПЛА, так и вне такой зоны. В первом случае (в зоне досягаемости легких БПЛА), при наличии стационарной транспортной инфраструктуры (как правило, вблизи морских портов существует в той или иной степени разветвленная стационарная дорожная сеть) возможна доставка ЭТМ потребителям по этой инфраструктуре (железные и/или автодороги). При ее отсутствии — с помощью легких БПЛА от мест их базирования в местах разгрузки ЭТМ с судов, или мест сборки как ЭТМ, так и легких БПЛА, из доставленных судами комплектующих, в припортовых зонах (дальность полета легких БПЛА 500—600 км с контейнером 0,3—1 т, вмещающим 1—3 ЭТМ). Во втором случае (вне зоны досягаемости легких БПЛА) начинает работать связка «тяжелый БГД + легкие БПЛА». Тяжелые БГД доставляют контейнеры с ЭТМ к местам базирования и перезарядки легких БПЛА, где производится перегрузка ЭТМ с тяжелых БГД на легкие БПЛА. На дальность 1000 км тяжелый БГД доставляет контейнер весом 60 т, вмещающий 200 ЭТМ; на дальность 2000 км — контейнер весом 30 т, вмещающий 100 ЭТМ (см. рис. 4).

Связка «тяжелый БГД + легкие БПЛА», при использовании их как от побережья соответствующего континента, так и от опорных пунктов на компрессорных станциях магистральных газопроводов (в зарубежной Азии, см. рис. 2)

[Ворошилов, Конопляник, 2021 (б)], [Ворошилов, Конопляник, 2024 (а)], позволяет охватить практически всю территорию государств Глобального Юга (зарубежной Азии, Африки, Латинской Америки) устойчивым надежным энергоснабжением в рамках борьбы с энергетической бедностью на основе не только и не столько экспорта энергоресурсов, сколько на основе энерготехнологического сотрудничества.

При этом понятно, что оптимальным организационным инструментом такого сотрудничества будет не двусторонний, но многосторонний формат в рамках существующих институтов, в первую очередь в рамках БРИКС. Причем как внутри самого БРИКС (стран-членов и стран-партнеров [Встреча с представителями СМИ стран — членов БРИКС...] Организации), так и между БРИКС и соответствующими континентальными/региональными коллективными организациями многостороннего сотрудничества, которых довольно много — задача выбрать из них оптимально подходящую для такого сотрудничества партнерскую структуру.

Про литий — для ЭТМ и легких БПЛА

Полагаю, что третий уровень пирамиды энерготехнологической кооперации может сформировать емкий рынок аккумуляторных батарей — для накопителей электроэнергии в рамках ЭТМ и для энергопривода легких БПЛА. Для этого (и не только) России предстоит создать новую отрасль — производство литиевых аккумуляторов на основе разработки ресурсов собственного литиевого сырья (а не только боливийского [Компания Росатома и YLB подписали соглашение] — полагаться на импортные ресурсы лития в условиях раскола мира, нарастающего числа первичных, вторичных и т. п. санкций контрпродуктивно).

Напрашивается ресурсная и географическая диверсификация национального производства лития: на базе сподуменов (твердое минеральное сырье — силикат лития и алюминия) в европейской части страны, чем сегодня занимаются Росатом и Норникель, формируя де факто литиевую вертикально-интегрированную компанию (ВИК), и на базе рассолов — пластовых вод нефтегазовых месторождений на востоке страны (Сибирь), чем постепенно начинают заниматься российские нефтяные компании [Савиновский, Касперович], [«Сургутнефтегаз» запатентует технологию]. На этой основе, на мой взгляд, в стране необходимо/целесообразно сформировать вторую литиевую ВИК полного цикла — от извлечения карбоната лития из рассолов до производства аккумуляторов широкого круга назначения.

При этом необходимо избежать попадания в «китайскую ловушку» по литию — в предлагаемую китайскими потенциальными партнерами схему получения карбоната лития на арендованном китайском оборудовании за китайские (связанные) кредиты с экспортом полученного карбоната лития в Китай в порядке расчета за аренду оборудования и в оплату кредита [Конопляник, 2024]. Собственные литиевые аккумуляторы (в случае их конкурентоспособности) будут использоваться в указанных модулях как накопители энергии (для синхронизации

метеозависимого производства электроэнергии ВИЭ с потребностями индивидуальных домохозяйств в режиме реального времени), а также как энергопривод легких БПЛА. Механизм обеспечения конкурентоспособности новых энерготехнологий и их финансируемости был предложен автором ранее [Конопляник, 2022].

Таким образом, в настоящей статье автор предлагает и обосновывает формирование универсальной, пригодной для разных регионов Глобального Юга, связи сетевой энергетической и транспортной инфраструктуры для борьбы с энергетической бедностью на основе дополнения традиционной линейной энергетической (газовой трубопроводной) инфраструктуры ее новыми/нетрадиционными энерготехнологическими сетевыми решениями в области ядерной энергии, ктСПГ, мтСПГ и ВИЭ, которая может быть применима как в Евразии, так и в Африке и Латинской Америке. Но главное, в первую очередь, в самой России. Для этого необходимы, помимо прочего, эффективные взаимоприемлемые механизмы заемного финансирования инвестпроектов по приемлемым кредитным ставкам и инструменты минимизации инвестиционных рисков, устойчивое стабильное на весь срок инвестиционного проекта нефискальное налогообложение, чтобы обеспечить конкурентоспособность российских проектов на внешних рынках. Но это тема отдельного углубленного разговора.

Библиографический список

Владимир Боглаев: Недобрый день от Набиуллиной. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6G9KK7nq4XA> (дата обращения: 24.03.2025).

Ворошилов В.В., Конопляник А.А. (а) Как нам обустроить Россию к востоку от Урала? Один из вариантов — использование малотоннажного СПГ и грузовых дирижаблей (часть 1) // Нефтегазовая вертикаль. 2021. № 17—18. С. 16—24.

Ворошилов В.В., Конопляник А.А. (б) Как нам обустроить Россию к востоку от Урала? Один из вариантов — использование малотоннажного СПГ и грузовых дирижаблей (часть 2) // Нефтегазовая вертикаль. 2021. № 19—20. С. 24—35.

Ворошилов В.В., Конопляник А.А. (а) От газификации Российского Зауралья и Арктической зоны — к энергетической консолидации Евразии // ЭКО. 2024. № 2. С. 236—260; № 3. С. 205—233.

Ворошилов В.В., Конопляник А.А. (б) Почему Россия не учитывает использование беспилотных грузовых дирижаблей? Инновационная авиатехника позволит осуществлять перевозки в сложных метеоусловиях // Независимая газета — ежемесячное приложение «НГ-Энергия». 16.01.2024. С. 12.

Встреча с представителями СМИ стран — членов БРИКС. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75349> (дата обращения: 24.03.2025).

Выступление Эльвиры Набиуллиной на совместном заседании комитетов Госдумы по Основным направлениям единой государственной денежно-кредитной политики на 2025—2027 годы. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=21121> (дата обращения: 24.03.2025).

«Газпром» планирует в июле завершить разработку ПТЭО газификации в Казахстане. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18134659> (дата обращения: 24.03.2025).

«Газпром» последовательно расширяет взаимодействие со странами Средней Азии. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2024/march/article573023/> (дата обращения: 24.03.2025).

Глава Ростеха Сергей Черезов выдвинул актуальный лозунг смены экономической политики: «Надо что-то делать!». URL: <https://t.me/wareconomic/1856> (дата обращения: 24.03.2025).

Заседание Президиума Госсовета по вопросу развития экспорта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/75179> (дата обращения: 24.03.2025).

Ископаемое геополитическое оружие. Цель «зеленой» климатической политики — не спасение мира, а укрепление могущества Запада. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2024/06/18/1044380-iskoraemoe-geopoliticheskoe-oruzhie> (дата обращения: 24.03.2025).

Казанская декларация саммита БРИКС. Основные тезисы. URL: <https://tass.ru/politika/22202081> (дата обращения: 24.03.2025).

Компания «Росатома» и YLB подписали соглашение о сотрудничестве в области добычи и производства лития в Боливии. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/kompaniya-rosatomai-ylb-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve-v-oblasti-dobychi-i-proizvodstva/> (дата обращения: 24.03.2025).

Конопляник А. (а) Год великого перелома в мировой энергетике: 2022-й как новый 1973-й. О некоторых новых глобальных вызовах и путях их преодоления в России (часть 1) // Нефтегазовая вертикаль. 2023. № 3. С. 62—69.

Конопляник А. (б) Год великого перелома в мировой энергетике: 2022-й как новый 1973-й. О некоторых новых глобальных вызовах и путях их преодоления в России (часть 2) // Нефтегазовая вертикаль. 2023. № 4. С. 72—86.

Конопляник А. (в) Год великого перелома в мировой энергетике: 2022-й как новый 1973-й. О некоторых новых глобальных вызовах и путях их преодоления в России (часть 3) // Нефтегазовая вертикаль. 2023. № 5. С. 66—75.

Конопляник А. (г) Год великого перелома в мировой энергетике: 2022-й как новый 1973-й. О некоторых новых глобальных вызовах и путях их преодоления в России (часть 4) // Нефтегазовая вертикаль. 2023. № 6. С. 48—61.

Конопляник А. Ключевая ставка и экономический рост // «Ведомости». 20.09.2023. (д)

Конопляник А. Опора на две ноги. России нужно построить две национальные вертикально интегрированные литиевые компании // Ведомости. 22.07.2024.

Конопляник А. Размышления на тему антиросийских санкций в ТЭК и возможностей их преодоления // Нефтегазовая вертикаль. 2022. № 6. С. 50—61; № 7. С. 22—31.

Конопляник А. Текущий уровень ключевой ставки программирует технологическое отставание. В царской России 13 % по займу считалось уголовно наказуемым ростовщичеством // «Независимая газета». 10.10.2023. (е)

Кредит кому надо кредит. ЦБ обсуждает новые меры борьбы с инфляцией. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7264981> (дата обращения: 24.03.2025).

Критика ЦБ из категории количественной перешла в категорию качества. URL: <https://t.me/wareconomic/1836> (дата обращения: 24.03.2025).

Кто провалил федеральный проект «Оздоровление Волги». URL: <https://www.pnp.ru/politics/kto-provalil-federalnyy-proekt-ozdorovlenie-volgi.html> (дата обращения: 24.03.2025).

Мордашов призвал вернуться к дискуссии о высокой ставке ЦБ. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22084605> (дата обращения: 24.03.2025).

На заседании фракции «Единой России» в Заксобрании Забайкальского края скандал. URL: <https://t.me/russicaRU/59428> (дата обращения: 24.03.2025).

Накал страстей по Центробанку пытаются снизить. URL: https://www.ng.ru/economics/2024-11-12/1_9133_inflation.html (дата обращения: 24.03.2025).

Нацпроект «Оздоровление Волги» провалили, 127 млрд руб. «освоили». URL: <https://dzen.ru/a/ZoYUkqPxnliyTfKZ> (дата обращения: 24.03.2025).

О российской инициативе «Большого Евразийского партнёрства». URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/eurasia/1550107 (дата обращения: 24.03.2025).

Опробование метода извлечения лития из пластовых вод Восточной Сибири. URL: <https://burneft.ru/archive/issues/2024-09/54> (дата обращения: 24.03.2025).

Пакистан решился на газопровод из Ирана: штраф испугал больше, чем санкции. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/02/27/pakistan-reshilsya-na-gazoprovod-iz-irana-shtraf-ispugal-bolshe-chem-sankcii> (дата обращения: 24.03.2025).

Первая в мире АЭС. URL: <http://www.aes1.ru/mission/concentration> (дата обращения: 24.03.2025).

Петрова Е., Сейбиль Н. Национальное достояние номер 2: кто в России без дров не выживет. URL: <https://newizv.ru/news/2023-11-08/natsionalnoe-dostoyanie-nomer-2-kto-v-rossii-bez-dr-ov-ne-vyzhivet-423032> (дата обращения: 24.03.2025).

Промышленники предупредили ЦБ о стагнации производства из-за ключевой ставки. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/11/08/1073702-promishlenniki-predupredili-tsb-o-stagnatsii-proizvodstva> (дата обращения: 24.03.2025).

РФПИ предложил создать в БРИКС совместную инвестиционную платформу. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/rfpi-predlozhit-sozdat-v-briks-sovmestnuyu-investitsionnuyu-platfomu-20241018-1320/> (дата обращения: 24.03.2025).

Савиновский, Д. А., Касперович М. А. Опробование метода извлечения лития из пластовых вод Восточной Сибири // Бурение и нефть. 2024. № 9. С. 54—57.

«Сургутнефтегаз» запатентует технологию извлечения лития при добыче углеводородов. URL: <https://www.interfax.ru/business/986315> (дата обращения: 24.03.2025).

Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ № 1630-р от 21.06.2023). URL: <http://static.government.ru/media/files/3m4ANa9s3PrYTDr316ibUtyEVUpnRT2x.pdf> (дата обращения: 24.03.2025).

Туркменистан и Афганистан приступили к строительству ключевого участка газопровода ТАПИ. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/854656-turkmenistan-i-afganistan-pristupili-k-stroitelstvu-klyuchevogo-uchastka-gazoprovoda-tapi/> (дата обращения: 24.03.2025)

Федеральный проект «Оздоровление Волги». URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/federalnuyu-proekt-ozdorovlenie-volgi/ (дата обращения: 24.03.2025).

Access to electricity improves slightly in 2023, but still far from the pace needed to meet SDG 7. URL: <https://www.iea.org/commentaries/access-to-electricity-improves-slightly-in-2023-but-still-far-from-the-pace-needed-to-meet-sdg7> (дата обращения: 24.03.2025).

Banks bolster support for oil and gas. URL: <https://www.naturalgasworld.com/banks-bolster-support-for-oil-and-gas-global-gas-perspectives-112507> (дата обращения: 24.03.2025).

COP29 kicks off, but with key world leaders absent. URL: <https://www.naturalgasworld.com/cop29-kicks-off-highlights-from-day-1-global-gas-perspectives-118607> (дата обращения: 24.03.2025).

Dashboard: Energy. URL: <https://eis.ecowas.int/rapport/rapports/3> (дата обращения: 24.03.2025).

Diouhy J. A. China extends clean-tech dominance over US despite Biden's IRA. URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2024-04-16/china-extends-clean-tech-dominance-over-us-despite-biden-s-ira-blueprint> (дата обращения: 24.03.2025).

EU Post-electoral survey 2024. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3292> (дата обращения: 24.03.2025).

Europe is importing a solar boom. Good news for (nearly) everyone. URL: <https://www.economist.com/europe/2024/02/08/europe-is-importing-a-solar-boom-good-news-for-nearly-everyone> (дата обращения: 24.03.2025).

2019 Post-Electoral Survey. Have European elections entered a new dimension? URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2312> (accessed: 24.03.2025).

Russia Sanctions Dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 24.03.2025).

References

Access to electricity improves slightly in 2023, but still far from the pace needed to meet SDG 7. URL: <https://www.iea.org/commentaries/access-to-electricity-improves-slightly-in-2023-but-still-far-from-the-pace-needed-to-meet-sdg7> (accessed: 24.03.2025).

Banks bolster support for oil and gas. URL: <https://www.naturalgasworld.com/banks-bolster-support-for-oil-and-gas-global-gas-perspectives-112507> (accessed: 24.03.2025).

COP29 kicks off, but with key world leaders absent. URL: <https://www.naturalgasworld.com/cop29-kicks-off-highlights-from-day-1-global-gas-perspectives-118607> (accessed: 24.03.2025).

Dashboard: Energy. URL: <https://eis.ecowas.int/rapport/rapports/3> (accessed: 24.03.2025).

Diouhy J. A. China extends clean-tech dominance over US despite Biden's IRA. URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2024-04-16/china-extends-clean-tech-dominance-over-us-despite-biden-s-ira-blueprint> (accessed: 24.03.2025).

EU Post-electoral survey 2024. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3292> (accessed: 24.03.2025).

Europe is importing a solar boom. Good news for (nearly) everyone. URL: <https://www.economist.com/europe/2024/02/08/europe-is-importing-a-solar-boom-good-news-for-nearly-everyone> (accessed: 24.03.2025).

Federal'nyy proyekt «Ozdorovleniye Volgi». URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/federalnyy-proekt-ozdorovleniye-volgi/ (accessed: 24.03.2025).

Gazprom planiruet v iyule zavershit' razrabotku PTEO gazifikatsii v Kazakhstane. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18134659> (accessed: 24.03.2025).

Gazprom posledovatel'no rasshiryayet vzaimodeystvie so stranami Sredney Azii. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2024/march/article573023/> (accessed: 24.03.2025).

Glava Rostekha Sergey Cherezov vydvynul aktual'nyy lozung smeny ekonomicheskoy politiki: «Nado chto-to delat'!». URL: <https://t.me/wareconomic/1856> (accessed: 24.03.2025).

Iskopaemoe geopoliticheskoe oruzhie. Tsel' «zelenoy» klimaticheskoy politiki — ne spaseniye mira, a ukrepleniye mogushchestva Zapada. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2024/06/18/1044380-iskopaemoe-geopoliticheskoe-oruzhie> (accessed: 24.03.2025).

Kazanskaya deklaratsiya sammita BRICS. Osnovnye tezisy. URL: <https://tass.ru/politika/22202081> (accessed: 24.03.2025).

Kompaniya «Rosatoma» i YLB podpisali soglasenie o sotrudnichestve v oblasti dobychi i proizvodstva litii v Bolivii. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/kompaniya-rosatoma-i-ylb-podpisali-soglasenie-o-sotrudnichestve-v-oblasti-dobychi-i-proizvodstva-/> (accessed: 24.03.2025).

Konoplyanik A.A. (a) God velikogo pereloma v mirovoy energetike: 2022-y kak novyy 1973-y. Nef't'egazovaya vertikal'. 2023. No. 3. Pp. 62—69. (In Russ.)

Konoplyanik A.A. (b) God velikogo pereloma v mirovoy energetike: 2022-y kak novyy 1973-y. Nef't'egazovaya vertikal'. 2023. No. 4. Pp. 72—86. (In Russ.)

Konoplyanik A.A. (b) God velikogo pereloma v mirovoy energetike: 2022-y kak novyy 1973-y. Nef't'egazovaya vertikal'. 2023. No. 5. Pp. 66—75. (In Russ.)

Konoplyanik A.A. (g) God velikogo pereloma v mirovoy energetike: 2022-y kak novyy 1973-y. Nef't'egazovaya vertikal'. 2023. No. 6. Pp. 48—61. (In Russ.)

Konoplyanik A.A. Klyuchevaya stavka i ekonomicheskyy rost. Vedomosti. 20.09.2023. (In Russ.)

Konoplyanik A.A. Opora na dve nogi. Rossii nuzhno postroit' dve natsional'nye vertikal'no-integrirovannye litievye kompanii. Vedomosti. 22.07.2024. (In Russ.)

Konoplyanik A.A. Razmyshleniya na temu antirossiyskikh sanktsiy v TEK i vozmozhnostey ikh preodoleniya. Nef't'egazovaya vertikal'. 2022. No. 6. Pp. 50—61; No. 7. Pp. 22—31. (In Russ.)

Konoplyanik A.A. (d) Tekushchiy uroven' klyuchevoy stavki programirovat tekhnologicheskoe otstavanie. Nezavisimaya gazeta. 10.10.2023. (In Russ.)

Kredit komu nado kredit. TsB obsuzhdaet novye mery bor'by s inflyatsiyey. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7264981> (accessed: 24.03.2025).

Kritika TsB iz kategorii kolichestvennoy pereshla v kategoriya kachestva. URL: <https://t.me/wareconomic/1836> (accessed: 24.03.2025).

Kto provalil federal'nyy proyekt «Ozdorovleniye Volgi». URL: <https://www.pnp.ru/politics/kto-provalil-federalnyy-proekt-ozdorovlenie-volgi.html> (accessed: 24.03.2025).

Mordashov prizval vernut'sya k diskussii o vysokoy stavke TsB. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22084605> (accessed: 24.03.2025).

Na zasedanii fraktsii «Yedinoy Rossii» v Zaksobranii Zabaykal'skogo kraya skandal. URL: <https://t.me/russicaRU/59428> (accessed: 24.03.2025).

Nakal strastey po TsB pytayutsya snizit'. URL: https://www.ng.ru/economics/2024-11-12/1_9133_inflation.html (accessed: 24.03.2025).

Natsproyekt «Ozdorovleniye Volgi» provalili, 127 mlrd rub. «osvoili». URL: <https://dzen.ru/a/ZoYYkqPxnliyTfKZ> (accessed: 24.03.2025).

O rossiyskoy initiative «Bol'shogo Evraziyskogo partnerstva». URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/eurasia/1550107 (accessed: 24.03.2025).

Oprobovanie metoda izvlecheniya litiya iz plastovykh vod Vostochnoy Sibiri. URL: <https://burneft.ru/archive/issues/2024-09/54> (accessed: 24.03.2025).

Pakistan reshilsya na gazoprovod iz Irana: shtraf ispugal bol'she, chem sanktsii. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2024/02/27/pakistan-reshilsya-na-gazoprovod-iz-irana-shtraf-ispugal-bolshe-chem-sankcii> (accessed: 24.03.2025).

Pervaya v mire AES. URL: <http://www.aes1.ru/mission/concentration> (accessed: 24.03.2025).

Petrova E., Seibil' N. Natsional'noe dostoyanie No. 2: kto v Rossii bez drov ne vyzhivet. URL: <https://newizv.ru/news/2023-11-08/natsionalnoe-dostoyanie-nomer-2-kto-v-rossii-bez-drov-ne-vyzhivet-423032> (accessed: 24.03.2025).

Promyshlenniki predupredili TsB o stagnatsii proizvodstva iz-za klyuchevoy stavki. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/11/08/1073702-promishlenniki-predupredili-tsb-o-stagnatsii-proizvodstva> (accessed: 24.03.2025).

RFPI predlozhit sozdat' v BRICS sovmetnuyu investitsionnuyu platformu. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/rfpi-predlozhit-sozdat-v-briks-sovmetnuyu-investitsionnuyu-platformu-20241018-1320/> (accessed: 24.03.2025).

Russia Sanctions Dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (accessed: 24.03.2025).

Savinovskiy D. A., Kasperovich M. A. Oprobovanie metoda izvlecheniya litiya iz plastovykh vod Vostochnoy Sibiri // Burenie i nef'. 2024. No. 9. Pp. 54—57. (In Russ.)

Strategiya razvitiya bespilotnoy aviatsii RF do 2030 g. i perspektiva do 2035 g. URL: <http://static.government.ru/media/files/3m4AHa9s3PrYTDr316ibUtyEVUjpnRT2x.pdf> (accessed: 24.03.2025).

Surgutneftegaz zapatentuet tekhnologiyu izvlecheniya litiya pri dobyche uglevodorodov. URL: <https://www.interfax.ru/business/986315> (accessed: 24.03.2025).

Turkmenistan i Afganistan pristupili k stroitel'stvu klyuchevogo uchastka gazoprovoda TAPI. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/854656-turkmenistan-i-afganistan-pristupili-k-stroitel'stvu-klyuchevogo-uchastka-gazoprovoda-tapi/> (accessed: 24.03.2025).

Vladimir Boglaev: Nedobryy den' ot Nabiullinoy. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6G9KK7nq4XA> (accessed: 24.03.2025).

Voroshilov V.V., Konoplyanik A.A. (a) Kak nam obustroit' Rossiyu k vostoku ot Urala? Odin iz variantov — ispol'zovanie malotonnazhnogo SPG i gruzovykh dirizhabley // Neft'egazovaya vertikal'. 2021. No. 17—18. Pp. 16—24. (In Russ.)

Voroshilov V.V., Konoplyanik A.A. (b) Kak nam obustroit' Rossiyu k vostoku ot Urala? Odin iz variantov — ispol'zovanie malotonnazhnogo SPG i gruzovykh dirizhabley // Neft'egazovaya vertikal'. 2021. No. 19—20. Pp. 24—35. (In Russ.)

Voroshilov V.V., Konoplyanik A.A. (a) Ot gazifikatsii Rossiyskogo Zaural'ya i Arkticheskoy zony — k energeticheskoy konsolidatsii Evrazii // EKO. 2024. No. 2. Pp. 236—260; No. 3. Pp. 205—233. (In Russ.)

Voroshilov V.V., Konoplyanik A.A. (b) Pochemu Rossiya ne uchityvaet ispol'zovanie bespilotnykh gruzovykh dirizhabley? Innovatsionnaya aviatekhnika... // Nezavisimaya gazeta — «NG-Energiya». 16.01.2024. P. 12. (In Russ.)

Vstrecha s predstaviteleyami SMI stran — chlenov BRICS. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75349> (accessed: 24.03.2025).

Vystuplenie El'viry Nabiullinoy na sovmestnom zasedanii komitetov Gosdumy po osnovnym napravleniyam denezhno-kreditnoy politiki na 2025—2027 gody. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=21121> (accessed: 24.03.2025).

Список сокращений — специализированных терминов:

ЦУР ООН — цели устойчивого развития ООН

ВИЭ — возобновляемые источники энергии

НВЭР — невозобновляемые энергоресурсы

НТП — научно-технический прогресс

БЕЭП — Большое Евразийское Энергетическое Пространство

САЦ — «Средняя Азия — Центр» (система газопроводов)

ГТС — газотранспортная система

ПАО — публичное акционерное общество

ТАПИ — Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (Транс-афганский газопровод)

ИПИ — Иран-Пакистан-Индия (Транс-иранский газопровод)

СПГ — сжиженный природный газ

ктСПГ — крупнотоннажный СПГ

мтСПГ — малотоннажный СПГ

ЛЕГО — название детской игры-конструктора

БРИКС — международное объединение в составе Бразилии, России, Индии, Китая, Южной Африки и других государств

БРИКС+ — БРИКС и страны-партнеры

ВЭБ — Внешэкономбанк

ТЭС — тепловые электростанции

АЭС — атомные электростанции

КЭС — конденсационные электростанции

ТЭЦ — теплоэлектроцентрали

СО₂ — углекислый газ (двуокись углерода)

БГД — беспилотные грузовые дирижабли

Крио-АЗС — криогенные автозаправочные станции
ПАТЭС — плавучая атомная теплоэлектростанция
АТСТ — атомная термоэлектрическая станция теплоснабжения
МЭА — Международное энергетическое агентство
ЭКОВАС — Экономическом сообществе стран Западной Африки
СМИ — средства массовой информации
ФЭП — фотоэлектропреобразователи
БПЛА — беспилотные летательные аппараты
БАС — беспилотные авиационные системы
ЭТМ — энерготехнологические модули
ВИК — вертикально-интегрированная компания

Поступила в редакцию: 01.12.2024
Принята к публикации: 03.03.2025

Received: 1 December 2024
Accepted: 3 March 2025

Н.И. Иллерицкий, В.В. Каценко, О.Н. Рожко

Государства Центральной Азии в структуре внешнеторговых цепей поставок ЕАЭС—КНР при реализации инициативы «Пояса и пути»

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей развития структуры цепей поставок внешнеторгового оборота между странами ЕАЭС и Китаем в условиях международных санкционных ограничений. Проанализирована роль ЕАЭС при развитии евразийской экономической интеграции. Рассмотрена динамика и структура внешней торговли между государствами-участниками ЕАЭС. Определены роль и место Китая в развитии региона и данной международной организации. Проанализированы тенденции и перспективы развития внешней торговли между Россией и Китаем. Выявлены актуальные проблемы, нарушающие процессы управления глобальными цепями поставок.

Ключевые слова: внешнеторговый оборот, внешняя торговля, ЕАЭС, Китай, санкционные ограничения, глобальные цепи поставок, инициатива «Пояса и пути».

Авторы: *Иллерицкий Никита Игоревич*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-1944-861X. E-mail: ini@iccaras.ru

Каценко Виктор Витальевич, аспирант кафедры предпринимательства и логистики, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. E-mail: dr.viktor2000@mail.ru

Рожко Оксана Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры предпринимательства и логистики, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. ORCID: 0000-0002-4157-2983. E-mail: oxana.rozhcko@yandex.ru

Nikita I. Illeritsky, Victor V. Katsenko, Oksana N. Rozhko

Central Asian States in the Structure of Foreign Trade Supply Chains of the EAEU — China in the Implementation of the Belt and Road Initiative

Abstract. The article presents an analysis of the development features within the structure of supply chains of foreign trade turnover between the Eurasian Economic Union (EAEU) and China in the context of international sanctions restrictions. The role of

the EAEU in the development of Eurasian economic integration is analyzed. The dynamics and structure of foreign trade between the EAEU member states are considered. The role and place of China in the development of the region and the international organization are determined. The trends and prospects for the development of foreign trade between Russia and China are analyzed. Current problems that disrupt the management processes of global supply chains are identified.

Keywords: foreign trade turnover, foreign trade, EAEU, China, sanctions, global supply chains, Belt and Road Initiative.

Authors: Illeritsky, Nikita I., Candidate of Sciences in Economics, Leading researcher at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-1944-861X. E-mail: ini@iccaras.ru

Katsenko, Viktor V., Postgraduate Student, Department of Entrepreneurship and Logistics, Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: dr.viktor2000@mail.ru

Rozhko, Oksana N., Doctor of Economics, Professor at the Department of Entrepreneurship and Logistics, Plekhanov Russian University of Economics. ORCID: 0000-0002-4157-2983. E-mail: oxana.rozhcko@yandex.ru

Актуальность данного исследования обусловлена продолжением реализации Стратегии Евразийской экономической интеграции на период до 2025 г. и далее, которая была разработана в целях развития Евразийского экономического союза, а также сопряжением ЕАЭС с субрегиональной интеграцией центральноазиатских республик. Данные социально-экономические и политические процессы протекают на фоне санкционных ограничений в отношении лидера ЕАЭС — Российской Федерации — со стороны как недружественных стран Запада, так и ряда государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Это вынуждает проводить корректировку и адаптацию внешнеэкономической стратегии развития международных экономических отношений в сторону Евразийского континента и Евразийского экономического союза.

Для центральноазиатских государств, государств-членов ЕАЭС, как и для России, стратегической необходимостью является обеспечение устойчивых условий развития международных форм экономического сотрудничества, которые стимулируют экономический рост и товарооборот. Среди них — создание устойчивых международных экономических и торговых отношений с Китаем — крупнейшим производителем и крупнейшим рынком региона, экономический рост и развитие которого во многом способствуют реализации национальных интересов стран ЕАЭС, но в то же время генерируют риски диспропорционального сотрудничества. Анализируя перспективы дальнейшего развития евразийского союза в современных условиях, российские исследователи выделяют ряд факторов, влияющих на эти процессы [Глазьев, 2022, с. 11—23]. Выделим наиболее существенные из них:

- разработка и реализация совместных проектов, повышающих взаимодействия стран при развитии рыночной и транспортной инфраструктуры;
- разный уровень потенциала экономического роста между государствами-членами ЕАЭС;

• наличие между его участниками противоречий при организации единой зоны торговли с другими странами, не входящих в Евразийский экономический союз.

Известно также, что главным принципом функционирования ЕАЭС является формирование комфортных и безбарьерных торгово-экономических условий ведения внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности между государствами-участниками. Поэтому основой оценки эффективности развития ЕАЭС является анализ того, как между ними выстроена внешняя торговля. Подтверждением достаточно динамичного развития Евразийского экономического союза является наращивание объемов взаимной торговли между государствами-участниками (рис. 1).

Рис. 1. Динамика взаимной торговли между государствами-участниками ЕАЭС, в млрд долл.¹ *Источник:* [Ким, 2023, с. 19—22].

С 2019 по 2022 г. внешнеторговый оборот между странами ЕАЭС увеличился с 61,6 млрд долл. до 83,3 млрд долл. Основную долю, конечно же, занимает Россия с оборотом в 44,9 млрд долл. и Беларусь — 24,1 млрд долл. [Ким, 2023, с. 19—22].

Однако текущий период развития экономики России характеризуется значительным влиянием санкций со стороны недружественных стран и эффектами военно-политических событий 2022—2025 гг., что естественным образом формирует новую стратегию внешнеэкономической политики. Отечественные эксперты также отмечают, что приоритетным вектором развития международного представительства центральноазиатского бизнеса и инвестиций является увеличение качества как отношений Китая со странами Центральной Азии, так и китайско-российских отношений [Рожко, 2022, с. 214—217]. Этому способствует и

¹ Здесь и далее данные об объемах международной торговли приводятся в эквиваленте долларов США для удобства сопоставления с данными UN COMTRADE, однако авторы не могут не отметить, что торговля по направлениям внутри ЕАЭС, ЕАЭС—КНР и РФ—КНР осуществляется преимущественно в национальных валютах.

реализация инициативы «Пояса и пути» — крупнейшего инфраструктурного проекта Евразийского региона.

Начиная с 2013 г., после вступления в должность председателя КНР Си Цзиньпина экономическая политика руководства страны стала в значительной степени сосредоточена на реализации проекта «Пояса и пути». Данная инициатива была провозглашена в условиях «новой нормальности», характеризующихся замедлением темпов роста китайской экономики при наличии серьезных структурных проблем. Российские исследователи справедливо отметили, что в первую очередь она была призвана дать новые стимулы экономическому развитию самого Китая в период структурной трансформации его социально-экономической модели [Киреева, 2018, с. 61—74].

Благодаря развитию данной инициативы у китайского государства появились новые инструменты, которые позволят повысить степень его интеграции в континентальную и мировую экономику. Быстрый экономический рост Китая в 1990-е и 2000-е годы был и до сих пор во многом остается основанным на экспортно ориентированной модели «фабрики мира», однако факторы конкурентоспособности этой «фабрики» к настоящему времени существенно изменились. Изначально преимущества китайской экономики базировались на дешевой рабочей силе, легком доступе к морской мировой торговле, а также открытости для иностранных инвестиций. К настоящему времени, в связи с быстрым ростом уровня жизни и, соответственно, оплатой труда, а также в связи со старением населения, фактор дешевой рабочей силы в Китае постепенно уходит на второй план. Осложнение торгово-экономического сотрудничества со странами Запада, обострение амбивалентного «враждующего партнерства» с США и появление конкурентов в лице реципиентов западных инвестиций (таких как Индия) также существенно подтачивает основы той экономической модели, которая была заложена еще Дэн Сяопином. В этих условиях Китай не только ищет новые векторы внешнеэкономической экспансии, но и стремится обрести опору в национальной экономике, что было явно провозглашено Си Цзиньпином в его политике «двойной циркуляции» [Си Цзиньпин, 2020].

Политика «двойной циркуляции» позиционируется ключевым драйвером экономического развития КНР до середины 2030-х гг. Данная модель, впервые представленная в 2020 г., предполагает синтез внутреннего рынка («внутренней большой циркуляции») и международного сотрудничества («международной циркуляции»), однако с акцентом на приоритетность национального производства и потребления. Переход к данной стратегии обусловлен исчерпанием прежней модели капиталоемкого роста, основанной на дешевом экспорте и импорте технологий, а также необходимостью минимизации рисков, связанных с глобальной экономической нестабильностью. Анализ китайских реформ демонстрирует, что «двойная циркуляция» не является возвращением к политике автаркии 1960—1970-х годов, но и не повторяет модель «открытости 1.0» (1980—2000-е гг.), ориентированную на интеграцию в глобальные цепочки добавленной стоимости. Согласно докладу Всемирного банка [World Bank, 2023], в период 2001—2019 гг. доля КНР в мировом экспорте выросла с 4,3 % до 14,7 %, однако зависимость от внешних рынков и технологий стала источником уязвимостей,

обострившихся в условиях торговых конфликтов и санкционного давления. Новая стратегия, обозначаемая как «открытость 2.0», предполагает три опоры экономического роста:

- 1) технологическую автономию — создание замкнутых производственных циклов в критических секторах (полупроводники, искусственный интеллект, биотехнологии);
- 2) стимулирование внутреннего спроса — рост потребления за счёт увеличения доходов среднего класса;
- 3) селективную глобализацию — участие в международных проектах (инициатива «Пояса и пути», Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство) при усилении защиты от внешних шоков.

Структурная перестройка отражена и в терминологическом аппарате. Если ранее «внешняя циркуляция» доминировала в официальном дискурсе, то в рамках новой парадигмы акцент смещён на «внутреннюю большую циркуляцию», что подчёркивает переориентацию на эндогенные факторы роста. Внешнеэкономические связи, обозначаемые как «международная циркуляция», сохраняют вспомогательную роль, направленную на привлечение ресурсов для укрепления внутреннего потенциала [CASS, 2025].

При этом реализация стратегии «двойной циркуляции» оказывает и будет оказывать неоднозначное влияние на международные экономические отношения. Усиление китайских производителей (например, таких как Huawei или BYD — во многом за счет прямой или косвенной государственной поддержки) сокращает долю иностранных игроков на внутреннем рынке Китая. Санкции Запада (например, ограничения ASML на экспорт литографов и многочисленные эпизоды «торговых войн» с США и ЕС) усложняют и удорожают производственно-логистические цепочки. В таких условиях страны с менее развитой технологической базой — как страны Центральной Азии, так и Юго-Восточной Азии — терпят дополнительные издержки и вынуждены подвергаться дополнительным рискам в условиях нестабильной внешней среды. Как справедливо отмечают российские исследователи, проблема воздействия «двойной циркуляции» на экономические интересы стран ЕАЭС и участников китайской инициативы «Пояса и пути» требует в принципе отдельного и глубокого исследования [Ломанов, 2021]. Мы же в сложившейся ситуации видим вполне осязаемые риски углубления диспропорциональности сотрудничества, связанного с отсутствием у Китая декларированных и фактических намерений по вывозу капитала и инфраструктурному развитию стран-участниц «Пояса и пути» и с нацеленностью китайских корпораций на ресурсную и логистическую эксплуатацию региона Центральной Азии.

Некоторые исследователи, тем не менее, уверены, что эффективность и сбалансированность взаимодействия с Китаем может быть достигнута совместными усилиями стран Евразийского региона, в том числе центральноазиатских, по дальнейшему укреплению стратегического партнерства, формированию полюсов экономического роста, максимальному использованию конкурентных преимуществ стран-участниц, а также за счет обеспечения экономической, продовольственной, технологической и энергетической безопасности при соблюдении нацио-

нальных интересов каждой из сторон [Осодоева, Санжина, Вэнь, 2022, с. 20—31]. Есть достаточно успешные примеры сбалансированного сотрудничества Китая и стран Центральной Азии в рамках инициативы «Пояса и пути». Так, на новый уровень вышли отношения между Кыргызстаном и Китаем. В мае 2023 г. главы двух стран подписали Совместную декларацию об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства. Учитывая постепенное увеличение товарооборота между двумя странами (рис. 1), инициатива «Пояса и пути» может в значительной степени способствовать развитию межгосударственного сотрудничества.

В отношении Казахстана и Китая также наблюдается динамичный рост торгово-экономических связей: объем двусторонней торговли между странами за тридцать лет вырос в более чем 60 раз, при этом ежегодный прирост на протяжении пяти лет составляет более 30 %. Китай поставляет в Казахстан оборудование, транспортные средства, приборы и аппараты, продукцию химической и связанных с ней отраслей промышленности, металлы, продукцию легкой промышленности. Импортирует из страны преимущественно минеральное сырье (углеводороды и металлические руды) и продукцию нефтехимической промышленности. Сегодня Китай занимает четвертое место по привлеченным в Казахстан иностранным инвестициям, большая часть которых приходится на транспорт и складирование, обрабатывающую промышленность и строительство. Способствует динамике развития внешнеэкономической торговли и Международный центр приграничного сотрудничества, патронирующий товаропотоки, проходящие через пять пограничных пунктов, пять трансграничных нефте- и газопроводов и две приграничные железнодорожные линии, а терминал в китайском Ляньюньгане обеспечивает прямой выход Казахстана к Тихому океану.

Важнейшим направлением международного сотрудничества ЕАЭС и Китая при реализации инициативы «Пояса и пути» является их внешнеторговая деятельность, которая поддерживается совместными усилиями по развитию экономики и совместного энергетического рынка. Крупнейшим торговым партнером Китая в ЕАЭС пока остается именно Россия. Подтверждением тому будут данные из графика, представленного на рис. 2.

В этой связи в 2022 г. товарооборот между названными странами составлял 190,3 млрд долл. Это на 107 млрд долл. больше, чем совокупный товарооборот между всеми государствами-участниками ЕАЭС, что отражает высокую роль России при формировании структуры цепей поставок внешнеторгового оборота ЕАЭС — КНР в условиях санкционных ограничений.

Необходимо отметить, что официальные данные об объемах внешней торговли в период после 2022 г. российскими источниками не публикуются. Однако данные китайской статистики и информационных агентств позволяют заключить, что в 2023 г. объем взаимной торговли товарами между Россией и Китаем вырос еще на 26,3 % к уровню 2022 г. и превысил 240 млрд долл., причем экспорт из Китая в Россию увеличился почти на 50 % и превысил 110 млрд долл., а экспорт из России в Китай вырос на 12,7 % и достиг почти 130 млрд долл. По итогам 2024 г. рост товарооборота был скромным и не превысил 2 %, в итоге объем торговли составил почти 245 млрд долл. с сопоставимыми пропорциями импорта и экспорта. Однако по данным Главного таможенного управления КНР было от-

Рис. 2. Товарооборот между РФ и КНР, млрд долл.

Источник: данные электронного ресурса «Внешняя торговля России». URL: <https://russian-trade.com/countries/china/> (дата обращения: 27.05.2024).

мечено снижение товарооборота между Россией и Китаем за первые три месяца 2025 г. на 6,6 % в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года. Общий объем торговых операций составил 53,2 млрд долл. При этом импорт китайских товаров в Россию сократился на 6,3 % до 22,725 млрд долл., а российский экспорт в КНР уменьшился на 6,7 % до 30,487 млрд долл.

Таким образом, в 2022—2024 гг. и начале 2025 г. сложилось положительное для России сальдо внешней торговли с Китаем. Это позитивный для России фактор, однако анализ структуры торговли говорит о том, что в экспорте из России и других стран ЕАЭС в Китай преобладают сырьевые товары и продукция низкого уровня переделов, в то время как в экспорте из Китая в Россию и другие страны ЕАЭС более 80 % приходится на промышленную продукцию высокого уровня переделов. Российская Федерация осуществляет поставки преимущественно сырьевых ресурсов, включающих нефть, природный газ, уголь, медь, топливо и древесину — на них приходится около 70 % российского экспорта в Китай. При этом доля российской нефти на китайском рынке составляет от 18 % до 20 %. Китайская сторона экспортирует в Россию преимущественно электронное оборудование, сельскохозяйственную технику, промышленное оборудование, транспортные средства, другие промышленные товары и товары народного потребления. Таким образом, несмотря на положительное для России сальдо внешней торговли, структурная зависимость от поставок китайских товаров является критической, а модель торговли с Китаем складывается по тем же принципам, по которым исторически развивалась торговля с Европейским союзом и другими странами Запада в 1990—2000-е годы: нефть и ресурсы в обмен на высокотехнологичные товары. Необходимо также учитывать, что сырьевые товары наиболее чувствительны к ценовой волатильности и маржинальность такой торговли в стоимостном выражении очень чувствительна к конъюнктуре сырьевых рынков.

Важна, тем не менее, и валютная составляющая — осуществление более чем 95 % торговых операций России с Китаем в национальных валютах способствует снижению рисков, связанных с использованием валют недружественных стран. Примерный паритет внешней торговли весьма благоприятствует использованию национальных валют.

Несмотря на интенсивный прирост как по экспорту, так и по импорту, на сегодняшний день можно выделить следующие проблемные зоны и области в управлении глобальными цепями поставок во внешнеторговом обороте ЕАЭС — КНР как для центральноазиатских, так и для российских компаний [Ширинова, Морозова, 2023, с. 310—311]:

- активное перераспределение грузовых потоков и глобальных цепей поставок, вследствие чего наблюдается временное снижение надежности международных перевозок, а также увеличение стоимости и сложности транспортно-логистических и погрузочно-складских услуг;
- увеличение сроков поставок, что обусловлено все тем же перераспределением грузовых потоков и влиянием геополитической нестабильности во всем мире, включая наложение санкций на Россию;
- отказ работы ряда зарубежных стран и компаний с морскими портами и логистическими операторами из России, из-за чего товаропотоки оказались нарушены или перераспределены. Это привело к росту стоимости услуг, а соответственно, и к увеличению цены на поставляемые товары, ускорению роста инфляции в мировой экономике;
- структурная несопоставимость торговли с Китаем в рамках модели «ресурсы в обмен на высокотехнологичные товары», которая ставит Россию и другие страны ЕАЭС и Центральной Азии в структурную зависимость от поставок китайских товаров.

По итогу вышеизложенного можно сказать, что современная структура цепей поставок внешнеторгового оборота ЕАЭС—КНР в основном выстроена вокруг китайско-российских торговых отношений. Примерный паритет взаимной торговли с некоторым денежным перевесом в пользу России, тем не менее, скрывает под собой структурный дисбаланс в товарных группах поставок — Китай продолжает реализовывать модель «дешевые ресурсы в обмен на высокотехнологичные товары», тем самым получая преимущества при реализации своей политики «двойной циркуляции». При этом с ужесточением в 2022 г. санкционных ограничений со стороны недружественных стран появились новые барьеры, снижающие эффективность управления и реализации глобальных цепей поставок с участием России, фактически сделав сотрудничество с Китаем безальтернативным вектором российской внешнеторговой политики.

Прочие страны ЕАЭС и страны Центральной Азии в этом уравнении взаимодействия больших сил по-прежнему во многом лишены единой субъектности и скоординированной проактивной политики взаимодействия как между собой, так и с внешними игроками. Они вынужденно и реактивно лавируют между интересами Китая, России и «коллективного Запада», обслуживая преимущественно ресурсно-логистические потребности китайской экономики и российский «параллельный импорт».

Библиографический список

Глазьев С.Ю. Проблемы развития Евразийской экономической интеграции: как их разрешить? Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3 (41). С. 11—23.

Ким Е.И. Анализ внешней и взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза. Аллея науки. 2023. Т. 1. № 5 (80). С. 19—22.

Киреева А.А. Инициатива пояса и пути: содержание, цели и значение. Сравнительная политика. 2018. № 3. С. 61—74.

Ломанов А. В. Циркуляция против изоляции. Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 3(109). С. 8—20. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-3-8-20

Осодоева О.А., Санжина О.П., Вэнь Ю., Гэ Т. Риски и перспективы реализации инициативы Китая «Один пояс, один путь». Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 3 (58). С. 20—31.

Показатели товарооборота РФ и КНР после рекорда пошли на спад в начале 2025 г. Ведомости. 15.04.2025. Электронный ресурс. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/04/15/1104364-pokazateli-tovarooborota-rossii-i-kitaya-poshli-na-spad> (дата обращения: 27.05.2024).

Рожко О.Н. Перспективы и динамика развития транспортно-логистического сотрудничества ЕАЭС и КНР. Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 214—217.

Си Цзиньпин. О некоторых важных вопросах средне- и долгосрочной стратегии экономического и социального развития государства. Цюши. 2020. № 21 (на кит. яз). URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-10/31/c_1126680390.htm (дата обращения: 27.05.2024).

Ширинова Ш.И., Морозова О.В. Международная логистика: проблемы и перспективы. Логистические системы в глобальной экономике. 2023. № 13. С. 310—311.

Электронный ресурс: Внешняя торговля России. Обзоры внешней торговли России с Китаем. URL: <https://russian-trade.com/countries/china/> (дата обращения: 27.05.2024).

Global Value Chain Development Report 2023. Электронный ресурс. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gvc_dev_rep23_e.pdf (дата обращения: 28.05.2024).

The Blue Book of China's Economy: Analysis and Forecast of China's Economic Situation (2025). CASS. Электронный ресурс. URL: http://casseng.cass.cn/sky_research/publications/reports/202501/t20250110_5833391.shtml (на кит. яз). (дата обращения: 28.05.2024).

References

Glazyev S.Yu. Problems of development of the Eurasian economic integration: how to solve them? Eurasian integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3 (41). Pp. 11—23.

Kim E.I. Analysis of foreign and mutual trade in goods of the Eurasian Economic Union. Alley of Science. 2023. Vol. 1. No. 5 (80). Pp. 19—22.

Kireeva A.A. The Belt and Road Initiative: content, goals and significance. Comparative politics. 2018. No. 3. Pp. 61—74.

Lomanov A.V. Circulation versus isolation. Russia in global politics. 2021. Vol. 19. No. 3 (109). Pp. 8—20. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-3-8-20

Osodoeva O.A., Sanzhina O.P., Wen Yu., Ge T. Risks and Prospects for the Implementation of China's "One Belt, One Road" Initiative. Region: Systems, Economy, Management. 2022. No. 3 (58). Pp. 20—31.

Trade turnover between the Russian Federation and China began to decline in early 2025 after a record high. Vedomosti, 15.04.2025. Electronic resource. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/04/15/1104364-pokazateli-tovarooborota-rossii-i-kitaya-poshli-na-spad> (accessed: 27.05.2024).

Rozhko O. N. Prospects and dynamics of development of transport and logistics cooperation between the EAEU and the PRC. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2022. No. 3. P. 214—217.

Xi Jinping. On some important issues of the medium- and long-term strategy of economic and social development of the state. *Qiushi*. 2020. No. 21 (in Chinese). URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-10/31/c_1126680390.htm (accessed: 27.05.2024).

Shirinova Sh.I., Morozova O.V. International logistics: problems and prospects. *Logistics systems in the global economy*. 2023. No. 13. P. 310—311.

Electronic resource: Russia's foreign trade. Reviews of Russia's foreign trade with China. URL: <https://russian-trade.com/countries/china/> (accessed: 27.05.2024).

Global Value Chain Development Report 2023. Electronic resource. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gvc_dev_rep23_e.pdf (accessed: 28.05.2024).

The Blue Book of China's Economy: Analysis and Forecast of China's Economic Situation (2025). CASS. Electronic resource. URL: http://casseng.cass.cn/sky_research/publications/reports/202501/t20250110_5833391.shtml (in Chinese) (accessed: 28.05.2024).

Поступила в редакцию: 13.02.2025

Принята к публикации: 10.03.2025

Received: 13 February 2025

Accepted: 10 March 2025

С.А. Кожемяков

Роль международных институтов развития в области экологической кооперации в Центральной Азии

Аннотация. Вопросы фактического обеспечения населения водными и продовольственными ресурсами — ключевыми элементами адекватной жизнедеятельности человека — возникли сравнительно недавно и обусловлены цивилизационным переходом. На протяжении всего XX века отмечалось растущее влияние климатических процессов на водные и сельскохозяйственные системы, что привело к постепенному переводу этих аспектов жизнедеятельности человека из региональной плоскости в глобальную. Помимо климатического фактора на обострение проблемы с обеспечением водными и продовольственными ресурсами в Центральной Азии повлиял распад Советского Союза, в результате чего государства региона утратили единый хозяйственный комплекс, построенный на плановой модели. Несмотря на то, что в 1991 г. в мировой практике продолжали формироваться институциональные механизмы многостороннего экологического сотрудничества, к разрешению проблем в новообразованных постсоветских государствах Евразии был привлечен ряд уже сформированных финансовых (Группа Всемирного банка) и нефинансовых (ООН) институтов развития. В исследовании рассматривается экологическая (водно-продовольственная) проектная деятельность крупнейшего международного института развития — Группы Всемирного банка (ГВБ) в Центрально-Азиатском регионе, а также региональные и глобальные предпосылки этого процесса.

Ключевые слова: Центральная Азия, экологическая политика, водная безопасность, продовольственная безопасность, институты развития, Группа Всемирного банка, цели устойчивого развития.

Автор: Кожемяков Степан Алексеевич, аспирант Института экологии РУДН, председатель Совета молодых ученых Института экологии РУДН. ORCID: 0009-0007-9251-893X. E-mail: stepan2468@gmail.com

Stepan. A. Kozhemyakov

The Role of International Development Institutions in the Field of Environmental Cooperation in Central Asia

Abstract. The issues of actual provision of water and food resources to the population, which are key elements of adequate human life, have arisen relatively recently and are conditioned by the civilizational transition. Throughout the 20th century, the growing influence of climatic processes on water and agricultural systems was noted, which led to the gradual transfer of these aspects of human activity from the regional to the global level. In addition to the climatic factor, the aggravation of the problem of providing water and food resources in Central Asia was influenced by the collapse of the Soviet Union, as a result of which the states lost a single economic complex built on a planned model. Despite the fact that in 1991 institutional mechanisms for multilateral en-

vironmental cooperation continued to be formed in world practice, a number of already formed financial (World Bank Group) and non-financial (UN) development institutions were involved in solving problems in the newly formed post-Soviet states of Eurasia. The study examines the environmental (water and food) project activities of the largest international development institution, the World Bank Group (WBG) in the Central Asian region, as well as the regional and global prerequisites for this process.

Keywords: Central Asia, environmental policy, water security, food security, development institutions, World Bank Group, Sustainable Development Goals.

Author: Kozhemyakov, Stepan A., Postgraduate Student at the RUDN University Institute of Ecology, Chairman of the Council of Young Scientists at the RUDN University Institute of Ecology. ORCID: 0009-0007-9251-893X.

E-mail: stepan2468@gmail.com

Для понимания процесса, а именно, как формировалась логика взаимоотношений международных институтов развития (на примере Группы Всемирного банка) с евразийскими государствами в области экологического взаимодействия, поставим два исследовательских вопроса:

- При каких условиях (природных, социальных, экономических, промышленных) с точки зрения цивилизационного подхода стала возможной реализация проектов по модернизации водной, сельскохозяйственной, продовольственной систем с прямым вовлечением международных институтов развития как на уровне финансирования, так и на уровне стратегического менеджмента?

- Как на текущий момент оценивается вовлеченность организаций Группы Всемирного банка в реализацию вышеописанных проектов в Центрально-Азиатском регионе?

Впервые экологические проблемы и компоненты безопасности окружающей среды в глобальном контексте были рассмотрены как элементы системы в докладах Римского клуба в 1971 г. [Пределы роста: 30 лет спустя]. Именно тогда в первом докладе «Пределы роста» были высказаны опасения о возможных сценариях системных процессов деградации окружающей среды в результате антропогенных факторов. В числе наиболее разрушительных, взаимосвязанных и взаимозависящих друг от друга тенденций, помимо стремительного роста объемов использования ископаемого топлива и, как следствие, роста выбросов в атмосферу, выделялись:

- повышенная нагрузка на сельскохозяйственный сектор (рост объемов производства, ведущий к деградации почв) для обеспечения потребностей растущего количества населения;

- повышенная нагрузка на водные экосистемы (рост уровня загрязнений пресной воды, снижение количества питьевой пресной воды).

Текущее состояние и сценарии неравномерного развития Севера и Юга были описаны в одиннадцатом докладе в 1981 г. Утверждалось, что для своевременного смягчения негативных последствий развитым в промышленной и научно-технической сферах странам Севера и наименее развитым странам Юга необходимо

выработать новую модель кооперации, отличную от модели отношений «донор — реципиент».

Также важно упомянуть о тринадцатом докладе 1984 г., в котором были рассмотрены дефицит продовольствия и сценарии (импорт продуктов питания из развитых стран или их ориентация на самообеспечение) развития стран третьего мира. Показательно, что предпочтение отдавалось таким путям их развития, в которых приоритетной моделью выделялось самообеспечение (независимые сельскохозяйственные общины и их самоуправление).

На протяжении второй половины XX века данные модели развития и, в частности, связанные вопросы воды и продовольствия переводились в разряд парадигм в соответствии с Уставом ООН благодаря упоминаемым далее глобальным инициативам [Пискулова; 2015].

Кратко перечислим основополагающие события в области водопользования:

- создание Международной ассоциации водных ресурсов (IWRA) в 1971 г. Данная некоммерческая организация дала старт системной коммуникации между научным и политическим сообществами благодаря проведению Всемирных водных конгрессов;

- конференция ООН по водным ресурсам 1977 г. в Аргентине [Report of the United Nations Water Conference]. Это была первая в истории конференция высокого уровня по проблемам водопользования, где было отмечено влияние нехватки воды и деградации водных экосистем на продовольственную безопасность, а также предложен план по достижению всеобщего доступа к чистой воде до 1990 г.;

- международное десятилетие снабжения питьевой водой и санитарии ООН (1981—1990 годы);

- конференция¹ ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) «Саммит Земли» в Рио-де-Жанейро 1992 г.;

- конференция ООН по водным ресурсам и окружающей среде (ICWE) в Дублине в 1992 г., по итогам которой подписана Дублинская декларация²;

- конференция министров и руководителей по питьевой воде и оздоровлению окружающей среды в марте 1994 г. в Нордвике.

По результатам двух предыдущих мероприятий на 8-м Всемирном водном конгрессе в Каире в 1994 г. было принято решение о создании Всемирного водного совета, который был учрежден в 1996 г.

В области продовольственной политики отметим:

- создание продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) ООН в 1945 г.;

- с 1961 г. ООН и ФАО была учреждена Всемирная Продовольственная Программа (ВПП);

¹ На этой же конференции была подписана Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН).

² В декларации признается рост антропогенного воздействия (загрязнение пластиком, избыточный расход водных ресурсов, преимущественно в результате несовершенных методик ведения сельскохозяйственной и промышленной деятельности) на мировые водные экосистемы.

- в 1993 г. как ответная мера ФАО на обострение мировой проблемы голода вступил в силу Международный договор о продовольственной безопасности (IFST);

- проведение ФАО Всемирного продовольственного саммита ООН в 1996 г. в Риме, где была принята декларация о Всемирной продовольственной безопасности [Rome Declaration on World Food Security].

Ключевым событием, благодаря которому связь водных и продовольственных аспектов безопасности была включена в международную повестку на системном уровне как проблема глобального масштаба, стала подписанная 8 сентября 2000 г. Декларация тысячелетия ООН, на основе которой были выделены 9 Целей развития тысячелетия (MDG) до 2015 г. [United Nations Millennium Declaration]. В части водной политики (пункты III, IV Декларации; Цель 7) была отмечена необходимость прекратить нерациональное использование водных ресурсов, для чего предлагалось разработать на глобальном и региональном уровнях стратегии водохозяйственной деятельности, способствующие справедливому доступу к пресной питьевой воде. Глобальная продовольственная безопасность, искоренение нищеты и голода в списке MDG были поставлены на первое место.

В 2015 г. идейными наследниками 9 Целей развития тысячелетия стали 17 Целей устойчивого развития (17 SDG), принятые на Генеральной ассамблее ООН. При этом необходимо отметить, что в соответствии с ними роль водной и продовольственной безопасности была расширена. Помимо дублирования ликвидации голода (Цель 1 MDG; в новой концепции — Цель 2 SDG), обеспечения и рационального использования пресной воды (входила в Цель 7 «Экологическая устойчивость» MDG; в новой концепции — Цель 6 SDG «Чистая вода и санитария»), новая концепция Устойчивого развития стратегии обеспечения водной и продовольственной безопасности была расширена. Так, в перечень целей SDG, в отличие от MDG, был включен полноценный план по устойчивому развитию сельского хозяйства. Роль водной безопасности также была логически расширена. Помимо обеспечения населения пресной водой, вода была включена: в Цель 7 (Недорогостоящая и чистая энергия); в виде гидроэлектростанций посредством Целей 9 и 11 (Индустриализация, инновации и инфраструктура; Устойчивые города и населенные пункты). Водные ресурсы были выделены как необходимый элемент обеспечения промышленного развития, а также как отдельный элемент муниципального управления.

Для сохранения дальнейшей логики повествования необходимо отметить, что для Центрально-Азиатского региона, с точки зрения вовлеченности международных финансовых и нефинансовых институтов развития в разрешение водно-продовольственного кризиса, рубежным событием стал распад СССР [Бояркина; 2020, с. 42].

До декабря 1991 г. в Центрально-Азиатских республиках Советского Союза действовала единая система распределения энергоресурсов (газ, уголь, нефть), электроэнергии (в рамках государственного плана развития электроэнергетики ГОЭЛРО, до 90 % генерирующих мощностей приходилось на ГЭС). В рамках единого хозяйственного комплекса нынешние Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, находившиеся ниже по течению двух крупнейших рек региона — Амуда-

рии и Сырдарьи, имели приоритет при заборе вод для орошения сельскохозяйственных земель (эти республики потребляли до 83 % объема вод Аральского бассейна). В обмен на возможность получать водные ресурсы для производства сельскохозяйственной продукции вышеупомянутые советские республики восполняли потребности республик, находящихся выше по течению — Таджикистана и Кыргызстана — в продовольствии и энергоресурсах [Продовольственная и ресурсная безопасность].

После распада Советского Союза прекратил свое существование и единый хозяйственно-энергетический комплекс, что привело к упразднению вышеописанной системы меновой торговли, осуществляемой в логике плановой экономики.

Получив суверенитет, в условиях урезанного финансирования новообразованные государства Центральной Азии столкнулись с необходимостью закрывать потребности в ресурсах по рыночным принципам.

По состоянию на 1991 год крупнейшим международным институтом развития, действующим как специализированное учреждение (агентство) ООН и выполняющим финансовые функции, являлась Группа Всемирного банка (ГВБ) [Зайцев и др., 2011]. К 1991 г. структура ГВБ состояла из 5 основных организаций, осуществляющих инвестиционную, грантовую поддержку развивающимся и наименее развитым странам: Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международная ассоциация развития (МАР), Международная финансовая корпорация (МФК), Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) и Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (МИГА).

До распада Советского Союза деятельность международных институтов развития в Центрально-Азиатском регионе была ограничена. Однако после 1991 г. уже в последующие 5 лет большая часть государств Центральной Азии получила членство в подавляющем большинстве структур ГВБ:

- **Казахстан:** МБРР — 23 июля 1992 г., МАР — 23 июля 1992 г., МФК — 30 сентября 1993 г., МАГИ — 12 августа 1993 г., МЦУИС — 21 октября 2000 г.;
- **Туркменистан:** МБРР — 22 сентября 1992 г., МФК — 29 мая 1997 г., МАГИ — 1 октября 1993 г., МЦУИС — 26 октября 1992 г.;
- **Таджикистан:** МБРР — 4 июня 1993 г., МАР — 4 июня 1993 г., МФК — 2 декабря 1994 г., МАГИ — 9 декабря 2002 г.;
- **Узбекистан:** МБРР — 21 сентября 1992 г., МАР — 24 сентября 1992 г., МФК — 30 сентября 1993 г., МАГИ — 4 ноября 1993 г., МЦУИС — 25 августа 1995 г.;
- **Кыргызстан:** МБРР — 18 сентября 1992 г., МАР — 24 сентября 1992 г., МФК — 11 февраля 1993 г., МАГИ — 21 сентября 1993 г., МЦУИС — 21 мая 2022 г.

В МАР не вошел только Туркменистан, что стало одной из причин, по которой ГВБ не имеет возможности в полном объеме осуществлять в этой стране проекты в области оптимизации водных и продовольственных систем.

По результатам изучения реестра проектов ГВБ, приведем сжатую сводку по каждому из государств Центральной Азии.

Начиная с 1996 г., при поддержке ГВБ в **Казахстане** был осуществлен 21 проект в области модернизации сельскохозяйственного и водного комплекса. Подавляющее большинство средств было выдано МБРР в форме займов, актуальный объем которых составляет 2,086 млрд долл. На развитие водной инфраструктуры были направлены такие крупные проекты, как:

- P086592 — проект стоимостью 343 млн долл., направлен на повышение эффективности сельхозугодий посредством модернизации систем дренажа и орошения. Действует на всей территории государства;
- P008500 — проект в Атырау стоимостью 16 млн долл. по модернизации муниципального водообеспечения;
- P078342 — проект в Усть-Каменогорске по предотвращению загрязнения грунтовых вод стоимостью 40 млн долл.;
- P059803 — проект стоимостью 97 млн долл. по очистке реки Нура.

В области продовольствия:

- P046045 — поддержка и развитие сельскохозяйственного животноводства и рыбных хозяйств в бассейне Сырдарьи, стоимость проекта — 85 млн долл.;
- P008503 — проект по повышению производительности приватизированных сельскохозяйственных предприятий стоимостью 23,8 млн долл.;
- P049721 — проект повышения конкурентоспособности сельскохозяйственного рынка Казахстана, модернизация системы мониторинга и стандартизации продукции за 64 млн долл.;
- P170365 — проект 2020 г. стоимостью 500 млн долл., направленный на развитие экологически устойчивого, конкурентоспособного рынка говядины.

В **Таджикистане** с 1997 г. было осуществлено 44 проекта в области устойчивого развития водных и продовольственных ресурсов, общая стоимость которых, без учета нового проекта на Рогунской ГЭС, составляет 732,35 млн долл.

Однако, если в Казахстане основную поддержку оказывал МБРР, то в Таджикистане вся финансовая поддержка была оказана в форме возвратных кредитов через МАР, а также региональные банки инфраструктурного развития (Азиатский, Европейский). Среди крупнейших проектов, направленных на модернизацию водной сельскохозяйственной инфраструктуры (совокупная стоимость которых без учета Рогунской и Нурекской ГЭС составляет 224,474 млн долл.) выделим следующие:

- P162637 — развитие водоснабжения и санитарии в сельских районах на сумму 58 млн долл.;
- P177325 — улучшение доступа к услугам безопасного водоснабжения в отдельных районах, а также укрепление потенциала учреждений в секторе водоснабжения и санитарии посредством совершенствования нормативно-правовой базы и институциональной координации — 45 млн долл.;
- P175356 — укрепление потенциала в области планирования водных ресурсов и управления ирригацией в Таджикистане и повышение эффективности отдельных ирригационных систем в бассейнах рек Вахш и Зарафшон — 47,34 млн долл.

В области развития продовольственной инфраструктуры, совокупные инвестиции в которую составляют 440,197 млн долл., выделим следующие крупнейшие проекты:

- P175952 — модернизация посевных культур и методов посева; развитие производственно-сбытовых цепочек садоводства для наращивания потенциала агрологических центров; укрепление государственного потенциала с целью предотвращения кризисных ситуаций в сельском хозяйстве — 58 млн долл.;
- P179851 — дополнение к предыдущему проекту — 50 млн долл.

Новый проект по Рогунской ГЭС (P181029), подтвержденный в декабре 2024 г., позволит повысить выработку электроэнергии на данном объекте за счет установки 3 и 4 энергоблоков (1,2 ТВт/ч), сборки 5 и 6 энергоблоков. Общая стоимость проекта оценивается в 5 млрд долл.

На реконструкцию Нурекской ГЭС нацелены 3 проекта (P150816; P173804; P177609) — 2 фазы реконструкции и 1 дополнительный проект стоимостью 350 млн долл., 191 млн долл. и 65 млн долл. соответственно.

Многие кредиты не выплачены до сих пор и продолжают оставаться долговой нагрузкой для предприятий, в том числе с государственным участием [Доклад Группы Всемирного Банка].

В **Узбекистане** с 1995 г. были реализованы 20 проектов, общая стоимость которых составила 4,033 млрд долл.

По водной инфраструктуре совокупная общая стоимость проектов составила 1,654 млрд долл. Из наиболее крупных выделим:

- P149610; P162263 — повышение качества ирригационных и дренажных систем для сельскохозяйственных предприятий в Ферганской долине; улучшение качества и эффективности водоснабжения и модернизация планирования в использовании муниципального водоснабжения (225 млн долл. и 246 млн долл. соответственно);
- P127764 — восстановление ирригации и модернизация управления водными ресурсами на территории южного Каракалпакстана — 337 млн долл.

В продовольственной отрасли общая стоимость проектов составила 2,379 млрд долл., среди которых крупнейшими являются:

- P158372 — повышение производительности сельскохозяйственных предприятий и продвижение рыночных цепочек создания добавленной стоимости в области растениеводства — 610 млн долл.;
- P153613 — повышение продуктивности и рентабельности сельскохозяйственных предприятий в сфере животноводства — 236 млн долл.;
- P133703; P164226 — развитие растениеводства с целью повышения конкурентоспособности агропромышленного комплекса (183 млн долл. и 637 млн долл. соответственно);
- P166305 — стимулирование предпринимательской деятельности в сельскохозяйственном секторе в Ферганской долине — 240 млн долл.

В **Туркменистане** успешно осуществлен всего один проект — P008867 по водоснабжению и санитарии стоимостью 33 млн долл.

В **Кыргызстане** с 1995 г. было реализовано 30 проектов общей стоимостью 796,18 млн долл. Основной структурой ГВБ, выдававшей кредиты и гранты, яв-

ляется MAP. На модернизацию водных систем было выделено 458,96 млн долл. Из крупнейших проектов в области управления водными ресурсами выделим:

- P173734 — расширение доступа к устойчивому к изменению климата водоснабжению (мониторинг качества воды, ирригационные системы, дренаж) и укрепление институционального потенциала для устойчивого к изменению климата управления водными ресурсами на местном и национальном уровнях — 100 млн долл.;

- P154778; P162840; P181421 — улучшение качества и доступа к водоснабжению и санитарии в сельских регионах — 59,5 млн долл., 43,2 млн долл. и 7,64 млн долл. соответственно;

- P181086; P178286 — увеличение производства электроэнергии посредством развития сети крупных (Камбаратская ГЭС-1) и малых ГЭС — 18,6 млн долл. и 80,2 млн долл. соответственно.

В области развития продовольственной инфраструктуры было потрачено 404,57 млн долл. Среди крупнейших проектов выделим:

- P178120 — развитие устойчивых агропродовольственных кластеров в Кыргызской Республике с целью повышения производительности и устойчивости к изменению климата агропродовольственных кластеров — 35 млн долл.;

- P046042 — повышение продуктивности сельскохозяйственного земледелия посредством модернизации ирригационных систем — 46,8 млн долл.

В качестве основных выводов, которые, тем не менее, являются промежуточными (с учетом перспективы дальнейшей проработки тематики), отметим следующее.

1 В связанных сферах воды и продовольствия в действиях ГВБ в регионе отмечается частичное сохранение логики плановой модели, направленной на поддержание единого хозяйственного комплекса, сформированного в период СССР. В странах ниже по течению больше внимания ГВБ уделяет сельскохозяйственным проектам (животноводство, растениеводство, ирригация). В странах выше по течению сосредоточены крупнейшие проекты по реконструкции и оптимизации ГЭС.

2. Сформированная международная институциональная основа в области водного (Всемирный водный совет, 1996) и продовольственного (ВПП 1961; IFST 1993; ГАФПС¹ 2010) сотрудничества позволила ГВБ реализовывать первые экологические проекты в Центрально-Азиатском регионе уже через 4 года после распада СССР.

3. Приверженность ВБ целям экологической повестки ООН: на момент 1991 г. до Целей развития тысячелетия, и тем более до 17 Целей устойчивого развития оставалось 9 и 24 г. соответственно. Однако отсутствие данных институциональных надстроек не помешало ГВБ осуществлять экологические проекты в соответствии с уже сформированной на тот момент экологической повесткой ООН.

¹ Глобальная программа в области сельского хозяйства и продовольственной безопасности создана в 2010 г. Реализует проекты совместно с ФАО и ГВБ в Таджикистане и Кыргызской Республике с 2010 г.

Библиографический список

Борисова Е.А. Водные и энергетические ресурсы «Большой» Центральной Азии. Дефицит воды и ресурсы по его преодолению. Е.А. Борисова; Ин-т востоковедения. М.: ЛЕНАНД, 2019. 236. ISBN 978-5-9710-6528-9.

Бояркина О.А. Водные конфликты в мировой политике: проблемы и перспективы: монография. М.: Русайнс, 2020. 96 с. ISBN 978-5-4365-1364-5.

Бояркина О.А. Межгосударственные конфликты на трансграничных реках в центрально-азиатском регионе: монография. М.: Русайнс, 2020. 105 с. ISBN 978-5-4365-4005-4.

Доклад Группы Всемирного Банка об экономике Таджикистана, лето 2024 г. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099072524040022895/pdf/P501023197e5090d91a17b194d215beefcd.pdf> (дата обращения: 26.02.2025).

Международные институты в глобальной архитектуре содействия развитию: учеб.-темат. пособие. Ю.К. Зайцев, О.В. Перфильева, М.Р. Рахмангулов, Е.А. Швец ; отв. ред. М.В. Ларионова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 212 с. 100 экз. ISBN 978-5-7598-0876-3 (в обл.)

Пискулова Н.А. Тенденции изучения проблем экологии в современной зарубежной науке о международных отношениях. URL : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tendentsii-izucheniya-problem-ekologii-v-sovremennoy-zarubezh/> (дата обращения: 26.02.2025).

Пределы роста: 30 лет спустя. Д.Х. Медоуз, Й. Рандерс, Д.Л. Медоуз; пер. с англ. Е.С. Оганесян; под ред. Н.П. Тарасовой. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. 358 с.

Продовольственная и ресурсная безопасность в странах Азии и Африки: Коллективная монография / отв. ред. и сост. И.В. Дерюгина; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2023. 582 с.

Пьянкова Светлана Григорьевна Особенности формирования институтов развития монопрофильных территорий за рубежом. ЭВР. 2013. № 4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-institutov-razvitiya-monoprofilnyh-territoriy-za-rubezhom> (дата обращения: 26.02.2025).

Серафимович А.Е., Просеков А.Ю. Продовольственная безопасность: международно-правовые аспекты и российская правоприменительная практика. Право. Журнал Высшей школы экономики 2018 № 4. С. 235.

Report of the United Nations Water Conference, Mar del Plata, 14–25 March 1977. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/724642?ln=ru&v=pdf> (дата обращения: 26.02.2025).

Rome Declaration on World Food Security and World Food Summit Plan of Action: World Food Summit, 13–17 November 1996, Rome, Italy. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/195568> (дата обращения: 26.02.2025).

United Nations Millennium Declaration: resolution / adopted by the General Assembly. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/422015?ln=en&v=pdf> (дата обращения: 26.02.2025).

References

Borisova, E.A. Water and energy resources of “Greater” Central Asia. Water deficit and resources for overcoming it. Institute of Oriental Studies. M.: LENAND, 2019. 236.

Boyarkina, O.A. Water conflicts in world politics: problems and prospects: monograph. O.A. Boyarkina. Moscow: Rusains, 2020. 96 p.

Boyarkina, O.A. Interstate conflicts on transboundary rivers in the Central Asian region: monograph. Moscow: Rusains, 2020. 105 p.

World Bank Group Tajikistan Economic Report, Summer 2024. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099072524040022895/pdf/P501023197e5090d91a17b194d215beefcd.pdf> (accessed: 26.02.2025).

International Institutions in the Global Architecture of Development Assistance: a textbook-thematic manual. Yu. K. Zaitsev, O.V. Perfil'eva, M.R. Rakhmangulov, E. A. Shvets; ed. M.V. Larionova; National Research University "Higher School of Economics". 2nd ed. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. 212 p. 100 copies (in cover).

Piskulova.N.A. Trends in the Study of Environmental Problems in Modern Foreign Science on International Relations. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tendentsii-izucheniya-problem-ekologii-v-sovremennoy-zarubezh/> (accessed: 26.02.2025).

The Limits to Growth: 30 Years Later. D.H. Meadows, J. Randers, D.L. Meadows; trans. from English by E.S. Oganessian; edited by N.P. Tarasova. M.: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2012. 358 p.

Food and Resource Security in Asian and African Countries: Collective Monograph. Responsible editor and compiler I. V. Deryugina; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. 582 p.

Pyankova Svetlana Grigoryevna Features of the Formation of Institutions for the Development of Single-Industry Territories Abroad. EVR. 2013. No. 4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-institutov-razvitiya-monoprofilnyh-territoriy-za-rubezhom> (accessed: 26.02.2025).

Serafimovich A.E., Prosekov A.Yu. Food Security: International Legal Aspects and Russian Law Enforcement Practice. Pravo. Journal of the Higher School of Economics 2018 No. 4. P 235.

Report of the United Nations Water Conference, Mar del Plata, 14–25 March 1977. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/724642?ln=ru&v=pdf> (accessed: 26.02.2025).

Rome Declaration on World Food Security and World Food Summit Plan of Action: World Food Summit, 13–17 November 1996, Rome, Italy. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/195568> (accessed: 26.02.2025).

United Nations Millennium Declaration: resolution / adopted by the General Assembly. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/422015?ln=en&v=pdf> (accessed: 26.02.2025).

Поступила в редакцию: 14.04.2025

Принята к публикации: 25.04.2025

Received: 14 April 2025

Accepted: 25 April 2025

И.А. Сафранчук, М. Уранхаева

Политика Казахстана в рамках Организации Объединенных Наций

Аннотация. В статье представлен анализ роли Организации Объединенных Наций (ООН) в формировании и реализации многовекторной внешней политики Республики Казахстан. Исследуются ключевые этапы и направления сотрудничества Казахстана с ООН с момента его вступления в организацию в 1992 г. Особое внимание уделяется влиянию ООН на стратегические инициативы Астаны, включая вопросы ядерного разоружения и нераспространения, региональной безопасности, миротворчества и устойчивого развития. В статье рассматриваются основные международные договоры и соглашения, ратифицированные Казахстаном в рамках его обязательств перед ООН, а также анализируется участие страны в работе различных органов и структур системы ООН. Отдельно освещаются стратегические инициативы Казахстана, такие как продвижение Целей устойчивого развития (ЦУР), организация Астанинского международного форума и усилия в области гендерного равенства. Делается вывод о том, что взаимодействие с ООН является краеугольным камнем внешней политики Казахстана, позволяющим ему укреплять свой суверенитет, продвигать национальные интересы и вносить весомый вклад в решение глобальных проблем.

Ключевые слова: Казахстан, ООН, внешняя политика, многовекторность, международное сотрудничество, ядерное разоружение, региональная безопасность, устойчивое развитие.

Автор: Сафранчук Иван Алексеевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. ORCID: 0000-0003-2214-6628. E-mail: i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Уранхаева Мариям, студентка 4-го курса Школы управления и международных отношений, МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: m.urankhayeva@mgimo.ru

Ivan A. Safranchuk, Mariam Urankhayeva

Kazakhstan's Policy within the Framework of the United Nations

Abstract. The article provides an analysis of the role of the United Nations (UN) in shaping and implementing the multi-vector foreign policy of the Republic of Kazakhstan. It examines the key stages and directions of cooperation between Kazakhstan and the UN since the country's joining the organization in 1992. Special attention is paid to the UN's influence on Astana's strategic initiatives, including nuclear disarmament and non-proliferation, regional security, peacekeeping, and sustainable development. The article reviews the main international treaties and agreements ratified by Kazakhstan as part of its UN commitments and analyzes the country's participation in the work of various agencies and structures of the UN system. It also highlights Kazakhstan's strategic initiatives, such as the promotion of the Sustainable Development Goals (SDGs), the organization of the Astana International Forum, and efforts in the field of

gender equality. It is concluded that interaction with the UN is a cornerstone of Kazakhstan's foreign policy, allowing it to strengthen its sovereignty, promote national interests, and make a significant contribution to solving global problems.

Keywords: Kazakhstan, UN, foreign policy, multi-vector approach, international cooperation, nuclear disarmament, regional security, sustainable development.

Author: Safranchuk Ivan A., Candidate of Sciences (Political sciences), leading researcher at the Institute for International Studies, MGIMO University.
ORCID: 0000-0003-2214-6628. E-mail: i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Uranchayeva Mariam, 4th year student, School of Government and International Affairs, Moscow State Institute of International Relations, MGIMO University.
E-mail: m.uranchayeva@mgimo.ru

В современном взаимосвязанном мире, формируемом процессами международной интеграции и глобализации, ни одно государство не может избежать влияния внешней динамики. Эта реальность остается неизменной независимо от военного, экономического или политического потенциала страны. В таких условиях решение глобальных проблем требует совместных международных усилий, поскольку практика показывает, что политика изоляционизма не является эффективным инструментом. Для Казахстана, как молодого государства, активно участвующего в мировых процессах, разработка продуманной внешней политики имеет решающее значение. Такая политика должна не только гибко реагировать на сложности международной обстановки, но и защищать национальные интересы. Ключевой задачей для Казахстана становится оценка достижений собственной внешней политики с момента обретения независимости и определение стратегического курса на долгосрочную перспективу.

В основе внешней политики Казахстана лежит концепция «многовекторности», представляющая собой прагматичный и сбалансированный подход, разработанный для навигации на сложном и постоянно меняющемся геополитическом ландшафте [Degtyarev, Vasilyuk, Baum, 2018, p. 63]. Курс правительства страны направлен на диверсификацию международных связей во избежание чрезмерной зависимости от одного партнера или блока. Центральным элементом этой стратегии является поддержание баланса в отношениях с ключевыми державами, в первую очередь с Россией и Китаем. С Россией этот баланс подкрепляется Договором о дружбе 2007 г., Совместной декларацией 2011 г. и «Декларацией о вечной дружбе» 2013 г., которые оформили стратегическое партнерство и позволили сторонам гибко урегулировать сложные вопросы, включая споры вокруг Байконура. В отношениях с Китаем после открытия всех транспортных коридоров в 2007 г. и строительства нефтепровода «Западный Казахстан — Китай» в 2012 г. был подписан «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» (2017 г.), что придало импульс росту торговли и совместных инфраструктурных проектов. Как можно заметить, сотрудничество с этими странами охватывает сферы региональной безопасности, экономики и культуры, тем самым отражая намерение Казахстана поддерживать многостороннее партнерство.

Конституция Республики Казахстан, принятая на референдуме 30 августа 1995 г., закрепила суверенитет и независимость государства, провозгласив его приверженность принципам и нормам международного права, политике сотрудничества и добрососедских отношений, равенству государств и невмешательству в их внутренние дела, а также мирному разрешению споров. Суверенитет Казахстана проявляется в его способности взаимодействовать с другими странами: являясь членом ООН и других международных организаций, он прочно утвердился на мировой арене.

Целью данного исследования является всесторонний анализ роли Организации Объединенных Наций в формировании многовекторной внешней политики Казахстана. Методология исследования включает комбинацию аналитического, историографического и контент-аналитического подходов, а также применение теоретических основ анализа внешней политики. Историографический подход используется для детального изучения эволюции внешней политики Казахстана в рамках ООН с момента ее зарождения до наших дней. Аналитический подход применяется для интерпретации различных идеологических взглядов руководства Казахстана. Кроме того, исследование включает в себя основы анализа внешней политики, в частности, модель политического процесса, для понимания динамики взаимодействия Казахстана в системе ООН. Контент-анализ используется для изучения публичных заявлений, официальных документов и экспертных мнений, касающихся политики Казахстана в ООН.

Основные этапы и направления сотрудничества Казахстана с ООН

Республика Казахстан стала членом Организации Объединенных Наций 2 марта 1992 г., что ознаменовало признание ее суверенитета на мировой арене. Совет Безопасности без голосования одобрил резолюцию Генеральной Ассамблеи о приеме Республики Казахстан в ООН. Организация начала свою деятельность в Казахстане в 1993 г., открыв офисы различных агентств, включая ПРООН, ВОЗ, ЮНЕСКО, УВКБ ООН и МОТ [Ermeken, 1998, с. 57].

Одним из ключевых направлений взаимодействия стало ядерное разоружение. Исторической предпосылкой к этому было выступление представителя Казахской ССР на 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1990 г. В составе советской делегации он впервые поднял вопрос о последствиях ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, а 23 октября, в присутствии Постоянного представителя СССР при ООН Ю. М. Воронцова, состоялось историческое выступление представителя союзной республики, не являвшейся членом ООН, на заседании Первого комитета. Этот шаг заложил основу для будущих инициатив независимого Казахстана. Решение о закрытии Семипалатинского ядерного полигона 29 августа 1991 г. и последующее присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1992 г. в Лиссабоне значительно повысили авторитет страны в глазах международного сообщества. Это позволило Казахстану активно выдвигать собственные предложения по международной безопасности на Генеральной Ассамблее ООН. Президент Н. Назарбаев выдвинул

два инновационных предложения: создание фонда миротворческих операций ООН по принципу «один плюс один», согласно которому каждая страна отчисляет один процент своего оборонного бюджета в фонд, и организацию Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Впоследствии 30 сентября 1996 г. К.-Ж. Токаев, занимавший в тот период должность министра иностранных дел Казахстана, подписал в Нью-Йорке Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), сделав Казахстан одной из первых стран, присоединившихся к этому историческому соглашению [The President of Kazakhstan...].

Другим важным аспектом сотрудничества стало решение проблем в сфере экологии. Руководство Казахстана постоянно подчеркивало важность взаимодействия в данной области, в частности, в контексте катастрофы Аральского моря и последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, которые затронули более полумиллиона человек. В ответ на призывы Казахстана ООН провела оценку и представила на 53-й сессии доклад по Семипалатинскому региону, определив пять приоритетных секторов, включая восстановление экологии, здравоохранение и сферу социально-экономического развития. В 1998 г. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию о развитии и восстановлении Семипалатинского региона, которую поддержали 54 государства-члена ООН.

Казахстан также активно участвует в миротворческой деятельности ООН. Страна не только поддерживает миротворческие операции, но и совместно с соседями сформировала миротворческий батальон «Центразбат» для участия в будущих миссиях ООН. Недавно президент К.-Ж. Токаев объявил о намерении направить больше военнослужащих в миротворческие миссии ООН, включая Центральноафриканскую Республику, Демократическую Республику Конго и Мали, в дополнение к более чем 100 военнослужащим, находящимся в Ливане (ВСООНЛ).

Казахстан играет ключевую роль в обеспечении региональной безопасности. В частности, страна добилась значительных успехов в решении приграничных вопросов. В апреле 2009 г. было подписано соглашение с Китаем о демаркации границы общей протяженностью 1718 км. Последующие соглашения в 2011—2013 годах и итоговое коммюнике в ноябре 2014 г. полностью завершили этот процесс. Также были практически решены пограничные вопросы с Кыргызстаном, Узбекистаном и Туркменистаном. Важную роль в этом сыграла Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В апреле 2006 г. лидеры России, Китая, Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана подписали в Шанхае соглашение о демилитаризации границ, а позже к нему присоединился Узбекистан. Алматинский саммит по Афганистану и инициированное Казахстаном заседание Совета Безопасности ООН привели к принятию резолюции 1076.

Важным направлением является и экономическое сотрудничество: вступление в ООН открыло Казахстану путь к членству в МВФ, Всемирном банке, ЕБРР и АБР. С 2002 по 2005 г. международные финансовые институты выделили стране около 2 млрд долл. Ведущими инвесторами в экономику Казахстана стали США, Великобритания, Италия, Нидерланды, Китай и Япония. Особое значение для Казахстана имеют экономические отношения с США, включая контракт

с компанией «Шеврон» на разработку морских нефтяных месторождений и деятельность более 350 совместных предприятий. Внешнеторговый оборот Казахстана к 2019 г. достиг 98 млрд долл., а торговые отношения были установлены с более чем 180 странами мира.

Влияние ООН на стратегические инициативы и внешнеполитические решения Казахстана

Участие Казахстана в деятельности Совета Безопасности ООН в качестве непостоянного члена в 2017—2018 годах оказало значительное влияние на его внешнюю политику. Приоритеты страны в Совбезе включали:

- стремление к миру, свободному от ядерного оружия;
- предотвращение и устранение угроз глобальной войны путем снижения военной конфронтации;
- создание региональной зоны мира, безопасности и развития в Центральной Азии;
- борьба с международным терроризмом и насильственным экстремизмом;
- содействие миру и примирению на африканском континенте;
- укрепление связи между миром, безопасностью и развитием, включая защиту прав человека и реализацию ЦУР;
- адаптация Совета Безопасности и системы ООН в целом к вызовам XXI века.

Внешняя политика Казахстана тесно связана с принципами справедливого и демократического мирового порядка, продвигаемого ООН. Страна активно участвует в глобальных и региональных многосторонних структурах, приводя свои стратегические инициативы в соответствие с целями Устава ООН. Партнерство с агентствами ООН, оформленное через такие соглашения, как Рамочная программа партнерства в целях развития (2021—2025), способствует проведению социальных, экологических и макроэкономических реформ.

Сотрудничество с Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) также подчеркивает влияние организации на региональные процессы. Казахстан инициировал создание в Алматы офиса комиссии для Северной и Центральной Азии, что усилило его роль в региональном развитии.

Приверженность Казахстана ядерному разоружению проявляется в его активном взаимодействии с МАГАТЭ с целью предотвращения распространения оружия массового уничтожения. Добровольный отказ от ядерного оружия и закрытие Семипалатинского полигона получили высокую оценку со стороны бывшего Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, который назвал это редким примером в мировой практике. Инициатива президента Казахстана объявить 29 августа Международным днем действий против ядерных испытаний была одобрена 64-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН. Казахстан также активно участвует в работе Альянса цивилизаций ООН, продвигая культурное многообразие и межконфессиональный диалог.

Политико-правовые аспекты взаимодействия

С момента вступления в ООН Казахстан активно участвовал в ее структурах и ратифицировал множество ключевых международных договоров. Полный перечень включает такие основополагающие документы, как Алма-Атинская декларация (1991), Лиссабонский протокол (1992), Рамочная конвенция ООН об изменении климата (1992), Конвенция о политических правах женщин (1953), Первый (1976) и Второй (2021) Факультативные протоколы к Международному пакту о гражданских и политических правах (МПГПП), а также факультативные протоколы по борьбе с дискриминацией в отношении женщин и пытками (1999). Кроме того, Казахстан ратифицировал Сингапурскую конвенцию о медиации, что подчеркивает его приверженность мирному разрешению споров. Это демонстрирует приверженность Казахстана международным стандартам в области прав человека, контроля над вооружениями и защиты окружающей среды.

Конституция Республики Казахстан имеет «высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики». В соответствии со статьей 4, пунктом 3 Конституции, «международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами». Этот правовой механизм, закрепленный также в Законе «О международных договорах Республики Казахстан», обеспечивает интеграцию международных норм во внутреннее законодательство. Отношения между внутренним и международным правом можно охарактеризовать как «пересекающиеся линии», где две правовые системы могут сходиться или расходиться, но основным критерием соответствия является Конституция Казахстана. В процессе заключения международных договоров участвуют президент, правительство республики, парламент, министерство иностранных дел и межведомственная комиссия по международным договорам. Эта структура отражает приверженность Казахстана согласованию своей национальной правовой системы с международными обязательствами.

Для защиты независимости и территориальной целостности Казахстану была необходима модернизация вооруженных сил. В 2010 г. были приняты новая военная доктрина и стратегия национальной безопасности на 2009—2015 годы, которые предусматривали финансирование армии на уровне не менее одного процента от ВВП страны и переход к военно-территориальной структуре с созданием южного, восточного, западного и центрального военных округов. Наряду с этим республика активизировала участие в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ): Казахстан вносит вклад в поддержание Коллективных сил оперативного реагирования и регулярно задействует войска в совместных учениях, отрабатывающих отражение внешних угроз и антитеррористические операции. Казахстан также развивает партнерство с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира», которая поддерживает подготовку военных кадров.

Сотрудничество также развивается по линии правоохранительных органов и в рамках региональных программ. Национальное центральное бюро Интерпола в Казахстане активно развивает деловые отношения с более чем 40 странами для повышения операционной эффективности. В рамках этого взаимодействия был

запущен проект «Калкан» (2005 г.), направленный на своевременное выявление и нейтрализацию террористической угрозы. Казахстан ратифицировал все двенадцать универсальных конвенций и протоколов ООН, направленных на борьбу с терроризмом [Токаев, 1997, с. 736]. Помимо этого, страна участвует в таких программах, как Центрально-Азиатская программа управления границами (ВОМСА) для содействия безопасности и законной торговле, а также образовательных программах TEMPUS и Erasmus Mundus с целью формирования человеческого капитала. Взаимодействие осуществляется и через другие механизмы, такие как Инструмент содействия стабильности и миру (IcSP), Европейский инструмент содействия демократии и правам человека (EIDHR) и Инструмент по ядерной безопасности (INSC), которые направлены на противодействие глобальным и межрегиональным угрозам.

Стратегические инициативы Казахстана в системе ООН

Инициативы Казахстана в рамках глобальной системы ООН сосредоточены на устойчивом развитии, гендерном равенстве и развитии гражданского общества. Страна полностью поддерживает Цели устойчивого развития (ЦУР), принятые ООН в 2015 г. как глобальный план, направленный на обеспечение процветания для всех людей и планеты, как сейчас, так и в будущем. Эти 17 целей являются призывом к действию для всех стран и признают, что стратегии по улучшению здравоохранения и образования, сокращению неравенства и стимулированию экономического роста должны идти рука об руку с усилиями по искоренению бедности. Казахстан интегрировал ЦУР в свою долгосрочную национальную «Стратегию 2050», цель которой — войти в число 30 самых развитых стран мира. Система ООН в Казахстане оказывает поддержку в достижении стандартов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Национальные приоритеты Казахстана напрямую соотносятся с глобальной повесткой дня. Усилия по повышению доступности энергии соответствуют ЦУР 7 (Недорогостоящая и чистая энергия). Акцент на цифровой связи поддерживает ЦУР 9 (Индустриализация, инновации и инфраструктура), что, в свою очередь, влияет на достижение ЦУР 4 (Качественное образование), ЦУР 8 (Достойная работа и экономический рост) и ЦУР 10 (Уменьшение неравенства). Инвестиции в образование, создание рабочих мест и социальная защита имеют решающее значение для достижения множества ЦУР, включая ЦУР 16 (Мир, правосудие и эффективные институты). Кроме того, инициативы по борьбе с изменением климата, утратой биоразнообразия и загрязнением окружающей среды способствуют достижению ЦУР 13 (Борьба с изменением климата), ЦУР 14 (Сохранение морских экосистем) и ЦУР 15 (Сохранение экосистем суши).

Одним из ключевых инструментов продвижения диалога является Астанинский международный форум, который служит платформой для мировых лидеров, политиков и экспертов. Основная цель форума — создание площадки для обсуждения важнейших глобальных проблем и выработки решений. Ключевые темы форума включают роль ООН в обеспечении мира и безопасности, продви-

жение женского лидерства, финансирование «зеленого» перехода, реализацию Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., а также необходимость реформы ООН и улучшения коммуникации между Секретариатом и государствами-членами.

Казахстан также предпринимает активные шаги для обеспечения гендерного равенства и борьбы с гендерным насилием [United Nations. Kazakhstan...]. В стране принят закон, согласно которому доля женщин и молодежи в партийных списках кандидатов в депутаты должна составлять не менее 30 %. Казахстанские правозащитники подчеркивают, что увеличение числа женщин в Сенате и Мажилисе имеет решающее значение для решения юридических вопросов, связанных с правами женщин [Gender equality: women in politics...]. Несмотря на то, что уровень образования среди женщин в республике высок (73,2 % женщин имеют высшее образование по сравнению с 61,1 % мужчин, а доля женщин среди научных специалистов составляет 53,4 %), эксперты отмечают необходимость повышения их правовой грамотности. По словам правозащитницы Айман Омаровой, «даже начитанный, открытый и высокообразованный человек не сможет грамотно изложить свои претензии с юридической точки зрения», поэтому необходимо повышать правовую грамотность женщин, начиная со школы [там же].

Заключение

Взаимодействие с Организацией Объединенных Наций является фундаментальным элементом многовекторной внешней политики Казахстана. Проведенное исследование продемонстрировало, что суверенитет страны, закрепленный в ее Конституции, служит основой для ее международных отношений и активного участия в глобальных процессах. Конституционная основа отражается в сбалансированных и прагматичных отношениях с мировыми державами, а также в приверженности региональной стабильности и сотрудничеству, стремлении к экономической диверсификации и твердой позиции в вопросах ядерного нераспространения и разоружения.

Членство в ООН с 1992 г. стало для Казахстана поворотным моментом, открыв путь для глубокой интеграции в мировое сообщество и членства в более чем 60 международных организациях к 2023 г. Председательство в ОБСЕ в 2010 г. стало свидетельством растущего международного авторитета страны и успешности ее дипломатических стратегий.

Приверженность Казахстана международному миру, устойчивому развитию и верховенству права проявляется через его активное участие в форумах ООН, добросовестную имплементацию международных норм на национальном уровне и постоянное сотрудничество с агентствами ООН. Ратификация ключевых международных договоров, таких как МПГПП и Второй Факультативный протокол об отмене смертной казни, свидетельствует о стремлении страны соответствовать высоким стандартам в области прав человека и укреплять свою правовую систему. Однако, несмотря на официальные обязательства, проблемы в полной реализации этих идеалов указывают на необходимость дальнейших усилий и реформ.

Стратегические инициативы, такие как продвижение Целей устойчивого развития в рамках «Стратегии 2050» и проведение Астанинского международного форума, подчеркивают роль Казахстана как активного участника и организатора глобального диалога. Таким образом, сотрудничество с ООН не только формирует внешнеполитические решения Казахстана, но и позволяет ему вносить конструктивный вклад в построение более справедливого, безопасного и устойчивого мира, отражая его сильную ориентацию на мультилатерализм, мир и устойчивое развитие в региональном и глобальном масштабах.

Библиографический список

Токаев К.К. Под стягом независимости: очерки о внешней политике Казахстана. К.-Ж. К. Токаев. Алматы: Білім, 1997. — 736 с.

Degtyarev D., Vasilyuk I., Baum V. Parameters of the multi-vector foreign policy of the CIS countries: applied analysis. *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. No. 1. Pp. 63—75.

Ermeken K. The path of democratic development. *Politics*. 1998. No. 10. P. 57—61.

Gender equality: women in politics, legal literacy and the pay gap. URL: https://kaz.inform.kz/news/genderlik-tendik-sayasattagy-ayelder-kukykytk-sauat-zhane-enbekaky-toleudegi-alshaktyk_a3908422/ (дата обращения: 23.03.2025).

The President of Kazakhstan spoke at a high-level event to mark the 75th anniversary of the UN. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/prezident-kazahstana-vystupil-na-meropriyatii-vysokogo-urovnya-v-oznamenovanie-75-letiya-oon (дата обращения: 24.03.2025).

United Nations. Kazakhstan. URL: <https://kazakhstan.un.org/en> (дата обращения: 13.03.2025).

References

Degtyarev D., Vasilyuk I., Baum V. Parameters of the multi-vector foreign policy of the CIS countries: applied analysis. *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. No. 1. Pp. 63—75.

Ermeken K. The path of democratic development. *Politics*. 1998. No. 10. P. 57—61.

Gender equality: women in politics, legal literacy and the pay gap. [Electronic source]. URL: https://kaz.inform.kz/news/genderlik-tendik-sayasattagy-ayelder-kukykytk-sauat-zhane-enbekaky-toleudegi-alshaktyk_a3908422/ (accessed: 23.03.2025).

The President of Kazakhstan spoke at a high-level event to mark the 75th anniversary of the UN. [Electronic source]. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/prezident-kazahstana-vystupil-na-meropriyatii-vysokogo-urovnya-v-oznamenovanie-75-letiya-oon (accessed: 24.03.2025).

Tokaev K. K. Pod styagom nezavisimosti: ocherki o vneshnei politike Kazakhstana [Under the banner of independence: Essays on the foreign policy of Kazakhstan]. *Almaty: Bilim, 1997. (In Russ.)*

United Nations. Kazakhstan. [Electronic source]. URL: <https://kazakhstan.un.org/en> (accessed: 13.03.2025).

Поступила в редакцию: 11.05.2025

Принята к публикации: 13.06.2025

Received: 11 May 2025

Accepted: 13 June 2025

А.Ю. Фадеева

Перспективы реализации экономического коридора «Китай—Монголия—Россия» в контексте интеграционных процессов Евразии

Аннотация. Экономический коридор «Китай — Монголия — Россия» (ЭКМР) является одной из ключевых инициатив концепции «Пояс и путь», предложенной председателем КНР Си Цзиньпином. С момента подписания соглашения в 2016 г. ЭКМР привлек внимание благодаря своей стратегической значимости для экономической интеграции Евразии. Несмотря на вызовы, включая политические, экономические и культурные барьеры, за более чем 8 лет достигнуты определенные результаты в развитии инфраструктуры, торговых связей и сотрудничества. Настоящая статья анализирует значимость коридора, рассматривая ключевые этапы реализации, перспективы его развития и роль трехстороннего сотрудничества.

Ключевые слова: Экономический коридор «Китай—Монголия—Россия», инициатива «Пояс и путь», интеграция, Евразия, экономическое сотрудничество.

Автор: Фадеева Анастасия Юрьевна, младший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-7592-0034.
E-mail: fadeeva_ay@iccaras.ru

Anastasia Yu. Fadeeva

Prospects for the Implementation of the China—Mongolia—Russia Economic Corridor (CMREC) in the Context of Eurasian Integration Processes

Abstract. The China—Mongolia—Russia Economic Corridor (CMREC) is one of the key initiatives of the Belt and Road concept proposed by Chinese President Xi Jinping. Since the signing of the agreement in 2016, CMREC has attracted attention due to its strategic importance for the economic integration of Eurasia. Despite challenges, including political, economic, and cultural barriers, certain progress has been made over more than 8 years in developing infrastructure, trade relations, and cooperation. This article examines the significance of the corridor by analyzing key stages of its implementation, development prospects, and the role of trilateral cooperation.

Keywords: China—Mongolia—Russia Economic Corridor, Belt and Road Initiative, integration, Eurasia, economic cooperation.

Author: Fadeeva, Anastasia Yu., Junior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-7592-0034.
E-mail: fadeeva_ay@iccaras.ru

Значимость и цели Экономического коридора «Китай—Монголия—Россия»

Предпосылки создания ЭКМР. В сентябре 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с лидерами России и Монголии предложил объединить инициативу «Экономический пояс Шелкового пути», российский проект «Евразийский экономический союз» и монгольскую стратегию «Степной путь» [10 nian lai, Xi Jinping zheyang tuidong...]. В июне 2016 г. на саммите ШОС в Ташкенте Россия, Китай и Монголия подписали соглашение о создании экономического коридора [Лидеры России, КНР и Монголии приняли программу...], что положило начало созданию ЭКМР — инновационного проекта в рамках инициативы «Пояс и путь», направленного на усиление экономических и торговых связей между тремя странами.

Среди шести крупных коридоров в рамках инициативы «Пояс и путь» ЭКМР занимает особое место благодаря своей кооперативной основе и стратегическому расположению [Guo Liancheng, Jiang Yan, Meng Yizhe, 2022]. Дружественные отношения между странами и богатые природные ресурсы формируют устойчивую базу для дальнейшего развития сотрудничества. ЭКМР играет ключевую роль в укреплении связей между Восточной Азией и Европой, создавая новые возможности для межрегионального взаимодействия. Знаковые даты, такие как 75-летие установления дипломатических отношений между Россией и Китаем [Статья Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова...], Китаем и Монголией [Китай и Монголия отмечают 75-летие установления...], а также почти десятилетие с момента начала реализации проекта ЭКМР, подчеркивают его значение для формирования устойчивого Евразийского экономического пространства.

Этот проект выходит за рамки транспортной или торговой инициативы, представляя собой инструмент трансформации экономического пространства региона. Он способствует интеграции национальных экономик в единую систему, поддерживая принцип равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. ЭКМР также может стать связующим звеном между инициативой «Пояс и путь» и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), объединяя усилия стран для создания взаимосвязанной экономической архитектуры. Такой подход позволяет каждой стране сохранить суверенитет, одновременно укрепляя региональные связи и развивая интеграционные процессы в Евразии.

Цели и задачи проекта. ЭКМР представляет собой трансграничную инициативу, объединяющую идеи «Экономического пояса Шелкового пути», российской программы «Трансевразийская магистраль» и монгольской стратегии «Степной путь» [10 nian lai, Xi Jinping zheyang tuidong...]. Проект направлен на создание условий для экономического развития через улучшение инфраструктуры и укрепление связей на евразийском пространстве.

Для Китая ЭКМР способствует развитию северных регионов и стимулирует рост на приграничных территориях. Россия получает возможность модернизировать инфраструктуру Сибири и Дальнего Востока, а также укрепить связи с азиатскими рынками в условиях глобальных вызовов. Монголия, в свою очередь,

может модернизировать транспортную сеть, привлечь инвестиции и укрепить экономическое сотрудничество с соседними странами.

Три маршрута коридора. Коридор охватывает ключевые территории: Внутреннюю Монголию, северо-восточные районы Китая, территорию Монголии, Сибирь и выходит на Европу через Москву. Проект включает три основных маршрута, соединяющие стратегически важные регионы [Zhang Qun, 2024]:

- **Восточный маршрут:** Пекин—Тяньцзинь—Хух-Хото—Эрэн-Хото (Китай)—Улан-Батор (Монголия)—Улан-Удэ (Россия);
- **Центральный маршрут:** Пекин—Тяньцзинь—Цзиньчжоу—Чифэн (Китай)—Чойбалсан (Монголия)—Чита (Россия);
- **Западный маршрут:** Далянь—Шэньян—Чанчунь—Харбин—Маньчжурия (Китай)—Забайкальск (Россия).

Эти маршруты соединяют порты, города и пограничные пункты, создавая базу для активного торгового взаимодействия.

19 ноября 2021 г. председатель КНР Си Цзиньпин, выступая на третьем совещании по строительству инициативы «Пояс и путь», выделил три ключевых направления в ее развитии [Xi Jinping chuxi disanci...]. К ним относятся: развитие инфраструктуры (硬联通, «жесткая взаимосвязанность»), гармонизация стандартов и правил (软联通, «мягкая взаимосвязанность»), а также укрепление дружеских отношений между народами (心联通, «взаимосвязанность сердец»). Основные задачи ЭКМР включают улучшение транспортной и институциональной инфраструктуры, согласование стандартов, развитие культурного обмена и укрепление доверия между народами. Следовательно, создание ЭКМР объединяет «жесткую» и «мягкую» инфраструктуру, способствуя глубокой интеграции и сотрудничеству, а также укрепляя результаты инициативы «Пояс и путь».

Проект также способствует международному взаимопониманию, повышению уровня открытости и формированию «сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体) [Bao Zhicheng, 2019]. Этот концепт, предложенный председателем Си Цзиньпином в сентябре 2015 г. в ходе 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН подчеркивает необходимость международного сотрудничества, взаимной выгоды и построения устойчивых отношений в условиях взаимозависимости стран [Xi Jinping zai diqishi jie Lianheguo dahui...].

Анализ исследований о стратегии и реализации экономического коридора «Китай—Монголия—Россия»

С момента начала обсуждения перспектив строительства ЭКМР в 2014 г. в научных кругах Китая и России было опубликовано значительное количество исследований. На китайской платформе CNKI с 2014 г. зарегистрировано 401 исследование по ключевому словосочетанию «Экономический коридор Китай — Монголия — Россия» (中蒙俄经济走廊) [Zhongguo Zhiwang], а на российской платформе eLibrary обнаружено 332 работы, опубликованные с 2015 г. [eLibrary]. Исследования можно разделить на две основные категории: общий анализ страте-

гического значения ЭКМР и путей его реализации, а также изучение сотрудничества трех стран в конкретных отраслях.

Первая категория фокусируется на стратегическом значении ЭКМР, его институциональной основе и вызовах реализации проекта. Для Китая коридор представляет стратегический инструмент укрепления партнерских отношений с соседними странами, поддержки внутренней экономической реструктуризации и региональной стабильности. Для Монголии и России значение коридора заключается в развитии транспортной инфраструктуры, стимулировании экономического роста и укреплении их позиций на международной арене. Основу коридора составляют географическое расположение трех стран, совпадение стратегических целей, высокий уровень двусторонних отношений и взаимодополняемость экономических структур. Однако существует ряд сдерживающих факторов, включая взаимные опасения Монголии и России относительно стратегических намерений Китая, необходимость улучшения инвестиционного климата, культурные и законодательные различия [Lin Yongxin, 2015].

Вторая категория исследований сосредоточена на изучении сотрудничества в конкретных областях, таких как двусторонняя торговля, энергетика, культурная индустрия и строительство высокоскоростных железных дорог. Эти направления характеризуются высокой степенью взаимодополняемости, однако требуют долгосрочного планирования, совершенствования механизмов взаимодействия и укрепления институциональной базы.

Таким образом, исследования первой категории предоставляют теоретическую и практическую базу для стратегического планирования, тогда как работы второй категории сосредоточены на решении узкоспециализированных вопросов и расширении сотрудничества. Тем не менее, при изучении существующих исследований возникает впечатление о недостаточной активности в реализации проекта. Систематический анализ процесса реализации коридора остается недостаточно разработанным. В свою очередь, это способствует ощущению, что проект развивается медленно и не достигает изначально поставленных целей.

Однако, несмотря на такие сдерживающие факторы, как нестабильность в политической сфере, длительные сроки строительства инфраструктуры, дисбаланс торговой структуры и различия в тарифах и стандартах, процесс реализации ЭКМР продвигается медленно, но уверенно. Дружественные дипломатические отношения и тесные двусторонние торгово-экономические связи между Китаем, Монголией и Россией служат важной основой для продвижения евразийской интеграции [Zhang Qun, 2024].

С момента выдвижения концепции ЭКМР сотрудничество охватывает такие области, как создание механизмов взаимодействия, реализация инфраструктурных проектов, упрощение торговли, финансовое взаимодействие и гуманитарный обмен. Однако эти инициативы преимущественно реализуются на двустороннем уровне, а потенциал полноценного трехстороннего сотрудничества остается нераскрытым [Дондоков, 2022].

В условиях растущих глобальных геополитических рисков ускорение строительства ЭКМР приобретает ключевое значение для укрепления евразийской ин-

теграции. Повышение институциональной и инфраструктурной связности вдоль маршрута коридора будет способствовать не только экономическому развитию региона, но и формированию устойчивого пространства взаимодействия для Северо-Восточной Азии и Евразии в целом.

Перспективы развития экономического коридора «Китай—Монголия—Россия»

Перспективы развития ЭКМР можно рассматривать через концепцию, предложенную в 2017 г. Си Цзиньпином, который выделил пять ключевых направлений («五通»框架) для создания «Экономического пояса Шелкового пути»: политическое сотрудничество, транспортная инфраструктура, упрощение торговли, финансовая интеграция и культурные связи (政策沟通, 设施联通, 贸易畅通, 资金融通和民心相通) [Jianchi gongshang gongjian gongxiang jiaqiang “Wu Tong” jiaoliu hezuo...]. Эти принципы стали основой ЭКМР, который представляет собой важную стратегическую платформу для углубления экономической интеграции в Евразии.

Политическое сотрудничество

За последние годы Китай, Монголия и Россия добились определенных успехов в создании механизмов для трехстороннего взаимодействия. Эти механизмы укрепили политическое сотрудничество и создали базу для дальнейшей интеграции [10 nian lai, Xi Jinping zheyang tuidong...].

- В 2014 г. была создана система регулярных встреч лидеров трех стран, которых к 2024 г. состоялось уже шесть.
- В 2015 г. была утверждена «Среднесрочная дорожная карта для развития трехстороннего сотрудничества».
- В 2016 г. подписаны ключевые документы, включая «План строительства Китайско-Монголо-Российского экономического коридора» и соглашение о взаимном признании таможенного надзора.
- В 2018 г. появился меморандум о создании совместного механизма продвижения коридора.

Параллельно укреплялось и двустороннее партнерство. Например, в ноябре 2022 г. Китай и Монголия подписали 16 соглашений, включая «Среднесрочный план экономического сотрудничества» [Zhonghua Renmin Gongheguo he Menggu Guo...], а в марте 2023 г. Китай и Россия договорились о строительстве газопровода «Сила Сибири — 2» через территорию Монголии [Что известно о российско-монгольских отношениях].

Однако, несмотря на определенные шаги в политической сфере, потенциал трехстороннего взаимодействия остается ограниченным. Реализация проектов в области инфраструктурного развития, совершенствование таможенного контроля и инвестиционное сотрудничество находятся в ведении центральных органов власти Китая, России и Монголии, что создает административные барьеры для

оперативного решения вопросов на приграничном уровне. Кроме того, многие инициативы реализуются в рамках двустороннего сотрудничества, а полноценное трехстороннее взаимодействие пока недостаточно развито. Это приводит к замедлению прогресса в ключевых сферах, таких как логистика и инфраструктура.

Одним из возможных решений проблемы является создание межправительственной комиссии со штаб-квартирой в Улан-Баторе. Такая комиссия могла бы включать рабочие группы в ключевых приграничных регионах (например, в Улан-Удэ и Хух-Хото), координируя проекты и усиливая взаимодействие между правительствами, бизнесом и другими игроками [Дондоков, 2022].

Дополнительно стоит учитывать концепцию «узлы—сети», предложенную в рамках инициативы «Пояс и путь» [Tian Yu, Guo Jingfu, 2021]. В отличие от традиционной модели «центр—периферия», данная система предполагает развитие многоцентровых экономических узлов, соединенных коридорами. Экономические узлы могут стимулировать краткосрочный рост и обеспечить долгосрочное устойчивое развитие регионов. Являясь связующим звеном между Европой и Азией, ЭКМР имеет потенциал для формирования эффективной «сетевой» экономической системы, которая будет способствовать углублению евразийской интеграции. Таким образом, переход к модели «узлы—сети» в сочетании с улучшением приграничного взаимодействия и созданием устойчивого механизма трехстороннего сотрудничества может стать ключевым фактором успешного развития ЭКМР.

Инфраструктурная взаимосвязанность

Современные геополитические вызовы, такие как стратегическая конкуренция между США и Китаем, а также конфликт между Россией и Украиной, подчеркивают необходимость развития трансграничной инфраструктуры. В этих условиях транспортные и энергетические проекты в рамках ЭКМР приобретают не только экономическое, но и стратегическое значение, повышая устойчивость экономик стран-участников.

Ключевым элементом реализации экономического коридора является создание и модернизация трансграничной инфраструктуры, включая железные дороги, автодороги и пограничные переходы [Дондоков, 2022]:

- в 2022 г. введен в эксплуатацию железнодорожный мост Тунцзян—Нижнеленинское через реку Амур. В октябре 2023 г. Китай и Монголия договорились о строительстве железнодорожного перехода между Цекэ и Шивээхурэ;
- в 2019 г. начались регулярные международные перевозки по трассе АНЗ азиатской сети автодорог. В 2022 г. был открыт автомобильный мост через Амур между Хэйхэ и Благовещенском;
- программы создания пограничных экономических зон активно развиваются в таких китайских регионах, как Внутренняя Монголия и Хэйлунцзян. В марте 2024 г. была одобрена новая экономическая зона Эрен-Хото—Замын-Ууд.

Эти проекты не только облегчают транспортировку товаров и услуг, но и формируют базу для дальнейшего развития экономического коридора.

В энергетическом секторе также достигнуты определенные успехи:

- в 2018 г. была запущена вторая линия нефтепровода и начата эксплуатация завода по производству сжиженного газа «Ямал СПГ»;
- в 2019 г. началась подача газа по трубопроводу «Сила Сибири»;
- в 2022 г. завершен второй этап строительства Амурского газоперерабатывающего завода.

Развитие энергетической инфраструктуры сопровождается ростом расчетов в юанях между Россией и Китаем, что укрепляет интеграцию в энергетическом секторе и способствует региональному развитию. Для России, крупнейшего экспортера энергоресурсов, создание новых маршрутов сбыта становится жизненно важным в условиях западных санкций. Россия активно развивает трансграничные газопроводы и улучшает инфраструктуру на ключевых переходах, чтобы перераспределить торговые потоки.

Монголия, обладая значительными запасами минеральных ресурсов, ориентируется на международные транспортные коридоры в рамках своей «Новой политики возрождения». Развитие пограничных железнодорожных переходов, таких как Сибэкурэн—Цэх и Гашуунсухайт—Ганцмод, позволяет Монголии расширить экономическое пространство и интегрироваться в региональные цепочки поставок [Zhang Qun, 2024].

Таким образом, переход от линейных инфраструктурных проектов к сетевой интеграции, ориентированной на создание экономических узлов и коридоров, усиливает взаимосвязанность региона. Это способствует формированию устойчивой транспортной и энергетической инфраструктуры, что критически важно для повышения конкурентоспособности стран-участников ЭКМР.

Торговля: вызовы либерализации и перспективы сотрудничества

Несмотря на улучшение условий для торговли между Китаем, Монголией и Россией, темпы ее либерализации остаются медленными. Китай является крупнейшим торговым партнером Монголии, обеспечивая 64 % общего объема внешней торговли страны в 2022 г. Россия является вторым после Китая крупным торговым партнером Монголии.

Общий объем торговли между Китаем и Монголией значительно увеличился с 2014 по 2023 год (табл. 1). Однако, несмотря на этот рост, китайский экспорт в Монголию в 2019 г. существенно снизился по сравнению с предыдущими годами, что можно объяснить глобальными экономическими условиями и изменениями в спросе на китайские товары. Особенно заметен рост импорта Китая из Монголии, что отражает зависимость Китая от монгольских ресурсов, таких как уголь и другие природные ресурсы. Однако, несмотря на улучшение условий для торговли, соглашение о свободной торговле между Китаем и Монголией, обсуждаемое с 2017 г., до сих пор не вступило в силу, что сдерживает дальнейшее развитие двустороннего экономического взаимодействия [Tian Yu, Guo Jingfu, 2021].

Таблица 1. Торговля между Китаем и Монголией (2014—2023 гг.), млрд долл.

Год	Общий объем торговли	Экспорт Китая в Монголию	Импорт Китая из Монголии
2014	73,19	51,02	22,17
2015	53,66	37,95	15,71
2016	46,11	36,23	9,89
2017	64,03	51,67	12,36
2018	79,89	63,44	16,45
2019	81,6	18,3	63,3
2020	15,57	5,21	10,36
2021	91,2	22,3	68,9
2022	122	28,87	93,37
2023	165,89	34,72	131,17

Источник: составлено автором на основе статистических данных Главного таможенного управления Китая [Haiguan Zongshu tongji shuju 海关总署统计数据]. URL: <https://ccpithlj.org.cn/>

Торговля между Китаем и Россией демонстрирует стабильный рост с 2014 г., особенно после 2016 г. (табл. 2). В 2023 г. объем торговли достиг рекордных 2,4 трлн долл., что подтверждает укрепление экономических связей между двумя странами. Важно отметить, что как экспорт из Китая в Россию, так и импорт из России в Китай увеличиваются, что свидетельствует о взаимной выгоде и развитии интеграции торговых отношений, особенно в области энергоресурсов и технологий. Однако на этом фоне важно понимать, что торговля России и Китая также сталкивается с политическими и экономическими рисками, связанными с международными санкциями и неопределенностью глобальной экономики.

Таблица 2. Динамика торговли между Китаем и Россией (2014—2023 гг.), млрд долл.

Год	Общий объем торговли	Экспорт из Китая в Россию	Импорт из России в Китай
2014	952,71	415,94	536,77
2015	680,16	332,59	347,57
2016	696,16	322,60	373,56
2017	842,21	413,90	428,31
2018	1071,07	591,42	479,65
2019	1107	497,05	610,52
2020	1077,65	505,85	571,81?
2021	1468,87	675,65	793,22
2022	1902,72	761,23	1141,49
2023	2401,11	1109,72	1291,4

Источник: составлено автором на основе статистических данных Главного таможенного управления Китая [Haiguan Zongshu tongji shuju 海关总署统计数据]. URL: <https://ccpithlj.org.cn/>

Торговля между Россией и Монголией по-прежнему остается на относительно низком уровне (табл. 3), хотя наблюдаются некоторые положительные тенденции в последние годы. Несмотря на постоянный рост объема торговли, особенно с 2017 по 2022 г., торговый оборот между двумя странами пока не может достигнуть таких уровней, как между Россией и Китаем или Китаем и Монголией. Примечательно, что Россия продолжает оставаться главным торговым партнером Монголии после Китая, однако, как и в случае с последним, торговые отношения между Россией и Монголией также сталкиваются с вызовами, включая внешние экономические факторы и пандемию COVID-19, которая оказала значительное влияние на динамику торговли в 2020 г.

Таблица 3. Динамика торговли между Россией и Монголией (2014—2023 гг.), млрд долл.

Год	Общий объем торговли	Экспорт из России в Монголию	Импорт из Монголии в Россию
2014	1,50	1,46	0,04
2015	1,16	1,12	0,04
2016	0,93	0,90	0,04
2017	1,37	1,33	0,04
2018	1,65	1,61	0,04
2019	1,77	1,73	0,03
2020	1,42	1,38	0,04
2021	1,86	1,82	0,04
2022	2,60	2,40	0,11
2023	2,40	—	—

Источник: составлено автором на основе соответствующих данных сайта. URL: <https://russian-trade.com/>

В условиях нестабильности мировой торговли ускорение процессов упрощения и либерализации торговых процедур приобретает ключевое значение. Эти шаги не только укрепят экономические связи, но и помогут снизить риски, связанные с разрывами в глобальных цепочках поставок [Межгосударственные отношения РФ и Монголии]. Китай и Россия активно развивают двусторонние отношения, уделяя внимание новым направлениям сотрудничества, таким как цифровая торговля, зеленое развитие, трансграничная электронная коммерция и биомедицина. Эти инновационные области способны повысить устойчивость экономик обеих стран, обеспечив им большую независимость в условиях международной неопределенности. Таким образом, ускорение либерализации и упрощение торговых процедур является важным шагом на пути к углублению экономической интеграции и устойчивому развитию в рамках ЭКМР.

Финансирование: раскрытие потенциала инвестиционного сотрудничества

ЭКМР представляет собой важную платформу для инвестиционного сотрудничества, особенно в таких стратегически значимых областях, как горнодобывающая промышленность, энергетика и транспорт. Монголия, обладая значительными запасами минеральных ресурсов, сталкивается с необходимостью реструктуризации своей экономики и привлечения иностранных инвестиций. В этом контексте Китай, являясь крупнейшим инвестором в экономику Монголии, продолжает вкладывать средства в развитие инфраструктуры и промышленности, что способствует росту экономики и созданию новых точек роста [Zhang Qun, 2024].

Одним из ключевых инструментов финансирования стали панда-облигации, которые предоставляют зарубежным компаниям возможность выходить на китайский рынок капитала. В 2017 г. российская компания «Русал» выпустила свои первые панда-облигации в Китае [Китайский облигационный алфавит]. В 2023 г., согласно Совместному заявлению Китая и России, было подчеркнуто намерение поддерживать сотрудничество в финансовой сфере, включая деятельность рейтинговых агентств. Масштаб сотрудничества продолжает расширяться. С момента начала конфликта между Россией и Украиной несколько российских банков подключились к системе трансграничных расчетов в юанях (CIPS).

Тем не менее, важным вызовом для финансовых потоков между Россией и Китаем остаются санкции, наложенные на Россию международным сообществом. Эти санкции значительно усложняют банковские переводы и транзакции, особенно в валюте западных стран, и заставляют искать альтернативы. В частности, банки сталкиваются с трудностями при переводах в долларах США и евро, что приводит к увеличению интереса к расчетам в юанях и других валютах, поддерживающих экономическую интеграцию стран. Хотя использование системы CIPS и других механизмов платежей в юанях помогает снизить зависимость от западных финансовых институтов, процесс интеграции финансовых систем все еще сталкивается со значительными преградами [Российские банки все активнее подключаются к китайской системе CIPS].

Тем не менее, сотрудничество в рамках экономического коридора между Россией и Китаем дает обеим странам возможность использовать взаимодополняемость своих экономик. Это не только повышает конкурентоспособность, но и снижает риски, связанные с международными санкциями и геополитической нестабильностью.

Межличностные связи: диверсификация гуманитарного обмена

Углубление гуманитарного сотрудничества является важной частью развития экономического коридора. Важнейшие направления в этой сфере включают образование, науку, туризм и здравоохранение. Особое внимание уделяется расширению обмена молодежью и подготовке профессиональных кадров, а также совместным исследованиям в области науки и технологий.

Китай, Монголия и Россия активно развивают сотрудничество в гуманитарной сфере. С 2014 г. реализуются различные обмены, включая культурные и образовательные программы, что способствует укреплению взаимопонимания между народами и улучшению их социальной интеграции на международной арене [Zhang Qun, 2024]. Так, в рамках инициативы «Пояс и путь» активно развивается культурный обмен. За последние несколько лет Китай и Монголия не раз проводили совместные выставки, которые стали важными платформами для торгово-инвестиционных переговоров [Zhong-Meng Bolanhui...]. В области образования Китай и Россия, а также Китай и Монголия подписали соглашения о взаимном признании дипломов. Сегодня более 12 тысяч российских студентов обучаются в Китае, а в России учатся более 44 тысяч китайских студентов [Посол КНР рассказал, сколько российских студентов учатся в Китае].

В сфере туризма в 2016 г. был создан международный туристический альянс «Великий чайный путь» [Zhong-E-Meng “Wanli Chadao”...]. В 2023 г. наблюдается значительный рост потока иностранных туристов в Монголию, при этом Россия и Китай стали двумя крупнейшими источниками туристов [Россияне стали вторыми по числу иностранных туристов в Монголии]. Однако Китай до сих пор не отменяет туристические визы для россиян, хотя такие меры распространяются на граждан европейских и других стран. Данное ограничение продолжает оставаться барьером для свободного туристического обмена, но также демонстрирует, как страны проводят свою политику в ответ на меняющуюся геополитическую ситуацию.

Китай и Россия в 2024 г. начали проводить Годы культурного обмена (2024—2025 гг.), которые будут включать гастрольные выступления, мероприятия по охране культурного наследия и совместные археологические проекты. Это создаст дополнительные возможности для углубления взаимопонимания и укрепления народной поддержки строительства экономического коридора.

Усилия в области гуманитарного обмена способствуют углублению взаимного признания и уважения между странами, а также поддержанию стабильных и доверительных отношений. Таким образом, для успешного развития ЭКМР необходимо продолжать интеграцию различных аспектов: от инфраструктурного взаимодействия и либерализации торговли до углубления гуманитарного обмена между народами. Создание устойчивого механизма взаимодействия на всех уровнях, включая региональный, станет ключевым фактором для дальнейшей интеграции и укрепления евразийской экономики.

Вывод

Экономический коридор «Китай—Монголия—Россия» является важным элементом стратегии интеграции Евразии, способствующим укреплению политического сотрудничества, улучшению инфраструктурной взаимосвязанности и стимулированию экономического роста. Проект имеет значительный потенциал для преобразования евразийского пространства, но его реализация сталкивается с рядом сложных вызовов.

На протяжении последних восьми лет страны-участницы добились определенных успехов в строительстве таких объектов инфраструктуры, как железные дороги и автомобильные мосты, а также в укреплении торгово-экономических отношений. Однако, несмотря на это, развитие ЭКМР происходит медленно, что связано с политическими и экономическими барьерами, административными трудностями и различиями в стратегических интересах стран. Эти ограничения препятствуют раскрытию полного потенциала трехстороннего сотрудничества.

Ключевыми аспектами дальнейшего развития коридора являются совершенствование транспортной и энергетической инфраструктуры, углубление институциональной интеграции и либерализация торговых процедур. Развитие модели «узлы—сети», ориентированной на создание многоцентровой экономической структуры, может стать основой для устойчивого роста и взаимовыгодного взаимодействия стран.

Кроме того, углубление гуманитарного сотрудничества, включая обмен в области культуры, образования и туризма, играет важную роль в укреплении взаимопонимания между народами. Успех проекта во многом зависит от создания устойчивого механизма трехстороннего взаимодействия, координации на приграничных уровнях и активизации международного диалога.

В условиях глобальных геополитических вызовов ускорение реализации ЭКМР становится ключевым фактором для достижения стратегических целей. Проект обладает потенциалом для формирования устойчивой экономической архитектуры, которая укрепит региональную стабильность и обеспечит благоприятные условия для развития стран-участниц. Его успешная реализация также послужит примером эффективного международного сотрудничества в условиях многополярного мира, способствуя построению гармоничного евразийского пространства.

Библиографический список

Бао Чжичэн [鲍志成]. Рассмотрение стратегии продвижения экономического коридора Китай—Монголия—Россия с точки зрения исторического вклада Степного шелкового пути [从草原丝绸之路的历史贡献看中蒙俄经济走廊推进方略] // Экономика Севера [北方经济]. 2019. № 7.

Го Ляньчэн, Цзян Янь, Мэн Ичжэ [郭连成, 姜岩, 孟一哲]. Текущее состояние и перспективы исследований экономического коридора Китай—Монголия—Россия [中蒙俄经济走廊的研究现状与未来展望] // Евразийская экономика [欧亚经济]. 2022. № 6. С. 96—111, 124.

Дондоков, З. Б.-Д. Проблемы и перспективы развития экономического коридора «Китай—Монголия—Россия» в условиях глобальных вызовов. З. Б. Д. Дондоков. Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2022. № 2(46). С. 106—111. DOI 10.31554/2222-9175-2022-46-106-111.

Китай и Монголия отмечают 75-летие установления дипломатических отношений, 19.10.2024. СИНХУА Новости. URL: <https://russian.news.cn/20241019/04be7007e7b4487484d084e20186a310/c.html> (дата обращения: 16.11.2024).

Китайский облигационный алфавит, 04.04.2019. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommer sant.ru/doc/3924685> (дата обращения: 03.12.2024).

Лидеры России, КНР и Монголии приняли программу экономического коридора между странами. 23.06.2016. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/3394629> (дата обращения: 16.11.2024).

Линь Юнсинь [林勇新]. Возможности, вызовы и ответные стратегии в строительстве экономического коридора Китай—Монголия—Россия [中蒙俄经济走廊建设面临的机遇, 挑战及应对策略] // Экономика Севера [北方经济杂志]. 2015-11-30.

Межгосударственные отношения РФ и Монголии, 17.10.2023. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20231017/diplomatiya-1903189568.html> (дата обращения: 03.12.2024).

Посол КНР рассказал, сколько российских студентов учатся в Китае, 01.10.2024. Радио Sputnik. URL: <https://radiosputnik.ru/20241001/kitay-1973889587.html> (дата обращения: 15.12.2024).

Придерживаться принципов совместного обсуждения, совместного строительства и совместного использования, укреплять обмены и сотрудничество по «пяти связующим элементам» — Речь на пленарном заседании высокого уровня Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» [坚持共商共建共享 加强“五通”交流合作——在“一带一路”国际合作高峰论坛高级别全体会议上的致辞] // Жэньминьван — Жэньминь жибао [人民网-人民日报]. 15.05.2017. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0515/c1001-29275702.html> (дата обращения: 15.12.2024).

Российские банки все активнее подключаются к китайской системе CIPS, 11.07.2022. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/07/11/930873-rossiiskie-banki-cips> (дата обращения: 03.12.2024).

Россияне стали вторыми по числу иностранных туристов в Монголии, 19.07.2024. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21400553> (дата обращения: 15.12.2024).

Си Цзиньпин в своей речи на общих прениях 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (полный текст) [习近平在第七十届联合国大会一般性辩论时的讲话 (全文)] // Жэньминьван — Международный канал [人民网-国际频道]. 30.09.2015. URL: <http://usa.people.com.cn/n/2015/0930/c241376-27650228.html> (дата обращения: 20.11.2024).

Си Цзиньпин принял участие в третьем симпозиуме по строительству «Одного пояса, одного пути» и выступил с важной речью [习近平出席第三次“一带一路”建设座谈会并发表重要讲话] // Синьхуа [新华社]. 19.11.2021. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-11/19/content_5652067.htm (дата обращения: 16.11.2024).

Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова для «Российской газеты» к 75-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, 3.10.2024. МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1973750/ (дата обращения: 16.11.2024).

Тянь Юй, Го Цзинфу [田宇, 郭景福]. Анализ путей построения экономического коридора Китай—Монголия—Россия [中蒙俄经济走廊构建路径探析] // Экономическая перспектива [经济视角]. 2021. Т. 40. № 2. С. 99—108.

Цзан Цюнь [张群]. Строительство экономического коридора Китай—Монголия—Россия: прогресс, движущие силы и перспективы [中蒙俄经济走廊建设: 进展、动力与前景] // Экономические исследования Северо-Восточной Азии [东北亚经济研究]. 2024. Т. 8, № 6. С. 29—41. DOI: 10.19643/j.cnki.naer.2024.06.003.

Члены международного туристического альянса «Великий чайный путь» Китай—Россия—Монголия увеличились до 20 [中俄蒙“万里茶道”国际旅游联盟成员增至20家] // Новые медиа агентства Синьхуа [新华社新媒体]. 27.06.2019. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1637485338968819880&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.12.2024).

Что известно о российско-монгольских отношениях, 02.09.2024. ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/21748125> (дата обращения: 16.11.2024).

ЭКСПО Китай—Монголия стала важной платформой для китайско-монгольских торгово-экономических и гуманитарных обменов [中蒙博览会成为中蒙经贸往来和人文交流重要平台] // Чжунгунван [中工网]. 11.09.2023. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1776709773055896328&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.12.2024).

eLibrary: Российская научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 20.11.2024).

中国知网 (CNKI — China National Knowledge Infrastructure) [Китайская национальная инфраструктура знаний]. URL: <https://kns.cnki.net/kns8s/defaultresult/index> (дата обращения: 20.11.2024).

References

Bao Zhicheng. Consideration of the promotion strategy for the China—Mongolia—Russia economic corridor from the perspective of the historical contribution of the Steppe Silk Road [从草原丝绸之路的历史贡献看中蒙俄经济走廊推进方略] // Northern Economy [北方经济], 2019, no. 7. (In Chin.).

China and Mongolia celebrate the 75th anniversary of the establishment of diplomatic relations, 19.10.2024. [Electronic source]. XINHUA News. URL: [<https://russian.news.cn/20241019/04be7007e7b4487484d084e20186a310/c.html>] (<https://russian.news.cn/20241019/04be7007e7b4487484d084e20186a310/c.html>) (accessed: 16.11.2024). (In Russ.).

Chinese bond alphabet, 04.04.2019. [Electronic source]. Kommersant. URL: [<https://www.kommersant.ru/doc/3924685>]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3924685> (accessed: 03.12.2024). (In Russ.).

Dondokov, Z. B.-D. Problemy i perspektivy razvitiya ekonomicheskogo koridora “Kitai — Mongoliya — Rossiya” v usloviyakh global'nykh vyzovov [Problems and prospects for the development of the “China — Mongolia — Russia” economic corridor in the context of global challenges] // Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2022, no. 2(46), pp. 106—111. DOI 10.31554/2222-9175-2022-46-106-111. (In Russ.).

eLibrary: Rossiiskaya nauchnaya elektronnyaya biblioteka [eLibrary: Russian Scientific Electronic Library]. [Electronic source]. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (accessed: 20.11.2024). (In Russ.).

EXPO China-Mongolia has become an important platform for Sino-Mongolian economic, trade and cultural exchanges [中蒙博览会成为中蒙经贸往来和人文交流重要平台], 11.09.2023. [Electronic source]. Zhonggong Wang [中工网]. URL: [<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1776709773055896328&wfr=spider&for=pc>] (<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1776709773055896328&wfr=spider&for=pc>) (accessed: 15.12.2024). (In Chin.).

Guo Liancheng, Jiang Yan, Meng Yizhe. Current situation and future prospects for research on the China—Mongolia—Russia economic corridor [中蒙俄经济走廊的研究现状与未来展望] // Eurasian Economy [欧亚经济], 2022, no. 6, pp. 96—111, 124. (In Chin.).

Interstate relations between the Russian Federation and Mongolia, 17.10.2023. [Electronic source]. RIA Novosti. URL: [<https://ria.ru/20231017/diplomatiya-1903189568.html>] (<https://ria.ru/20231017/diplomatiya-1903189568.html>) (accessed: 03.12.2024). (In Russ.).

Leaders of Russia, China and Mongolia adopted a program for an economic corridor between the countries, 23.06.2016. [Electronic source]. TASS. URL: [<https://tass.ru/ekonomika/3394629>] (<https://tass.ru/ekonomika/3394629>) (accessed: 16.11.2024). (In Russ.).

Lin Yongxin. Opportunities, challenges and response strategies in the construction of the China—Mongolia—Russia economic corridor [中蒙俄经济走廊建设面临的机遇、挑战及应对策略] // Northern Economy Journal [北方经济杂志], 2015-11-30. (In Chin.).

Members of the China—Russia—Mongolia “Great Tea Road” International Tourism Alliance increased to 20 [中俄蒙“万里茶道”国际旅游联盟成员增至20家], 27.06.2019. [Electronic source]. Xinhua News Agency New Media [新华社新媒体]. URL: [<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1637485338968819880&wfr=spider&for=pc>] (<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1637485338968819880&wfr=spider&for=pc>) (accessed: 15.12.2024). (In Chin.).

PRC Ambassador told how many Russian students study in China, 01.10.2024. [Electronic source]. Radio Sputnik. URL: [https://radiosputnik.ru/20241001/kitay-1973889587.html] (https://radiosputnik.ru/20241001/kitay-1973889587.html) (accessed: 15.12.2024). (In Russ.).

Russian banks are increasingly connecting to the Chinese CIPS system, 11.07.2022. [Electronic source]. Vedomosti. URL: [https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/07/11/930873-rossiiskie-banki-cips] (https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/07/11/930873-rossiiskie-banki-cips) (accessed: 03.12.2024). (In Russ.).

Russians became the second largest number of foreign tourists in Mongolia, 19.07.2024. [Electronic source]. TASS. URL: [https://tass.ru/ekonomika/21400553] (https://tass.ru/ekonomika/21400553) (accessed: 15.12.2024). (In Russ.).

Statement by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. V. Lavrov for “Rossiyskaya Gazeta” on the 75th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the Russian Federation and the People’s Republic of China, 3.10.2024. [Electronic source]. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1973750/] (https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1973750/) (accessed: 16.11.2024). (In Russ.).

Sticking to the principles of joint consultation, joint construction and shared benefits, and strengthening communication and cooperation on the “Five Connectivities” — Speech at the High-level Plenary Session of the Belt and Road Forum for International Cooperation [坚持共商共建共享加强“五通”交流合作——在“一带一路”国际合作高峰论坛高级别全体会议上的致辞], 15.05.2017. [Electronic source]. People’s Daily Online — People’s Daily [人民网-人民日报]. URL: [http://politics.people.com.cn/n1/2017/0515/c1001-29275702.html] (http://politics.people.com.cn/n1/2017/0515/c1001-29275702.html) (accessed: 15.12.2024). (In Chin.).

Tian Yu, Guo Jingfu. Analysis of the construction paths of the China—Mongolia—Russia economic corridor [中蒙俄经济走廊构建路径探析] // Economic Perspective [经济视角], 2021, vol. 40, no. 2, pp. 99—108. (In Chin.).

What is known about Russian—Mongolian relations, 02.09.2024. [Electronic source]. TASS. URL: [https://tass.ru/info/21748125] (https://tass.ru/info/21748125) (accessed: 16.11.2024). (In Russ.).

Xi Jinping. Xi Jinping attended the third symposium on the construction of the “Belt and Road” and delivered an important speech [习近平出席第三次“一带一路”建设座谈会并发表重要讲话]. [Electronic source]. Xinhua [新华社]. 19.11.2021. URL: [https://www.gov.cn/xinwen/2021-11/19/content_5652067.htm] (https://www.gov.cn/xinwen/2021-11/19/content_5652067.htm) (accessed: 16.11.2024). (In Chin.).

Xi Jinping. Speech at the general debate of the 70th UN General Assembly (full text) [习近平在第七十届联合国大会一般性辩论时的讲话 (全文)]. [Electronic source]. People’s Daily Online — International Channel [人民网-国际频道]. 30.09.2015. URL: [http://usa.people.com.cn/n/2015/0930/c241376-27650228.html] (http://usa.people.com.cn/n/2015/0930/c241376-27650228.html) (accessed: 20.11.2024). (In Chin.).

Zhang Qun. Construction of the China—Mongolia—Russia economic corridor: progress, driving forces and prospects [中蒙俄经济走廊建设: 进展、动力与前景] // Northeast Asia Economic Research [东北亚经济研究], 2024, vol. 8, no. 6, pp. 29—41. DOI: 10.19643/j.cnki.naer.2024.06.003. (In Chin.).

Zhongguo Zhiwang (CNKI — China National Knowledge Infrastructure) [中国知网]. [Electronic source]. URL: https://kns.cnki.net/kns8s/defaultresult/index (accessed: 20.11.2024). (In Chin.).

Поступила в редакцию: 14.02.2025
Принята к публикации: 27.03.2025

Received: 14 February 2025
Accepted: 27 March 2025

О.А. Шегирбаев

Объединяющие факторы евразийской интеграции: результаты экспертного опроса

Аннотация. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), включающий Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россию, за десять лет достиг значительного прогресса в интеграции за счет обеспечения так называемых «четырёх свобод»: движения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы. Анонимный опрос, проведенный среди экспертов, показал высокую осведомленность и позитивное отношение к интеграционным процессам. Однако лишь небольшая часть респондентов признала существование евразийской идентичности, тогда как большинство считает её несуществующим или неопределенным понятием. Основой евразийской интеграции участники называют общую историю и ценности, а политическая воля лидеров играет второстепенную роль. Культурно-гуманитарные связи рассматриваются как важный фактор укрепления экономической интеграции.

Ключевые слова: Евразия, евразийская интеграция, евразийская идентичность, интеграционные процессы.

Автор: Шегирбаев Ожет Амирбекович, аспирант 3го курса ИПиНБ РАНХиГС. ORCID: 0000-0001-7414-4689. E-mail: O.Shegirbayev@gmail.com

Ozhet A. Shegirbayev

Unifying Factors of Eurasian Integration: Results of an Expert Survey

Abstract. The Eurasian Economic Union (EAEU), which includes Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia, has achieved significant progress in integration over the past ten years by ensuring the so-called “four freedoms”: movement of goods, capital, services and labor. An anonymous survey carried out among experts showed high awareness and a positive attitude towards integration processes. However, only a small part of respondents acknowledged the existence of a Eurasian identity, while the majority considers it non-existent or an undefined concept. Participants name common history and values as the basis for Eurasian integration, while the political will of leaders plays a secondary role. Cultural and humanitarian ties are considered an important factor in strengthening economic integration.

Keywords: Eurasia, Eurasian integration, Eurasian identity, integration processes.

Author: Shegirbayev Ozhet A., Postgraduate Student of the 3rd year, RANEPА. ORCID: 0000-0001-7414-4689. E-mail: O.Shegirbayev@gmail.com

За десять лет своего существования Евразийский Экономический Союз Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России прошел значительный путь эволюции. В рамках союза внедрены четыре свободы, способствующие развитию

интеграционного объединения: труда, капитала, торговли и услуг [Глазьев и др., 2023: с. 21].

В своем классическом труде «The Theory of Economic Integration» экономист Белла Баласса выделял несколько основных этапов развития интеграционных процессов: зона свободной торговли (ЗСТ), таможенный союз (ТС), общий рынок (ОР), экономический союз (ЭС), валютный союз и политический союз [Balassa, 1961]. Согласно данной градации, ЕАЭС в настоящий момент находится на четвертом этапе развития, являясь экономическим союзом.

В этой связи представляет интерес вопрос формирования и/или наличия/отсутствия евразийской культуры и определенной объединяющей идентичности на евразийском пространстве, с учетом общего исторического прошлого, обоюдного взаимопроникновения культур за счет развития торговых связей и свободного перемещения трудовых ресурсов.

В целом, понятие «культура» включает в себя широкий спектр значений. В достаточно широком понимании американского ученого-социолога Сэмюэла Хантингтона [Huntington, 1993], культура равнозначна Цивилизации, в рамках которой формулируется определенный комплекс ценностей и ценностных подходов на обозначенной территории.

Исследователь Фукуяма [Fukuyama, 2014] на примере Германии, Японии, США и других стран отмечает, что изменение культурных и ценностных предпочтений у населения оказывает непосредственное влияние на развитие стран. Так, например, «тихая революция» в Англии позволила сформировать достаточно действенную систему сдержек и противовесов, которая функционирует до сих пор. Ценности Реставрации Мэйдзи в XIX столетии и гомогенность ценностей реформаторов в начале XX столетия позволили Японии сделать рывок в своем социально-экономическом развитии.

Другой классик, Сеймур Мартин Липсет в статье «Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy» помимо расширенного анализа влияния экономического развития и политической легитимности на демократию, уделяет отдельное внимание роли культуры и ценностей. В частности, Липсет утверждает, что для успешного функционирования демократии важны определенные культурные и социальные предпосылки. Он подчеркивает значимость таких ценностей, как терпимость, доверие и гражданское участие в жизни общества. Эти ценности способствуют созданию стабильной и легитимной политической системы, которая способна адаптироваться к изменениям и обеспечивать устойчивое развитие [Lipset, 1959].

Макс Вебер [Вебер, 2006] в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма» подчеркивал, что распространение протестантской этики в Германии привело к формированию у граждан определенных ценностных установок, которые способствовали развитию культуры зарабатывания денег и капитализма. В последующем другой исследователь Свенссон [Svensson, 2005], пытаясь повторно изучить данный феномен, сделал вывод, что к 1970-м годам XX века, благодаря распространению протестантизма и его ценностных установок, большинство протестантских стран мира стали экономически развитыми демократиями.

В своей статье «The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies» Рональд Инглхарт отмечает, что молодое поколение, которое выросло в условиях относительного экономического благополучия, уже не испытывает той же нужды в экономической безопасности, что их предшественники, и поэтому может позволить себе сосредоточиться на нематериальных аспектах жизни [Inglehart, 1971]. В результате в постиндустриальных обществах происходит смещение приоритетов от материальных ценностей к так называемым «постбуржуазным» ценностям, таким как свобода самовыражения, участие в политических процессах и забота об окружающей среде.

Таким образом, ценности становятся ключевым фактором, который определяет политические предпочтения и общественные настроения. Инглхарт утверждает, что новое поколение склонно поддерживать более прогрессивные политические силы, которые акцентируют внимание на социальных и экологических вопросах, в то время как старшие поколения остаются приверженными традиционным экономическим приоритетам. На основании выработанной методологии в 1981 г. был запущен проект «Всемирное исследование ценностей» (World Values Survey, WVS), который изучает культурные и ценностные ориентации общества.

Нельзя не отметить, что, по мнению российского ученого А. Панарина, в начале XXI столетия наблюдалось стремление к формированию единых культурных подходов, в том числе в различных областях развития культурного сотрудничества: образовании, традициях, религии [Панарин, 2002].

Таким образом, вопросы формирования отдельного общего культурного пространства и общих гомогенных ценностей влияет на процессы политической и экономической интеграции, а также на устойчивость социальных институтов. Общие культурные коды и ценностные ориентиры способствуют укреплению доверия между гражданами и государственными структурами, формированию более стабильных общественных отношений и повышению уровня сотрудничества между странами.

Методология

Для определения наличия общих ценностных установок был проведен анонимный опрос молодых экспертов из стран-участниц ЕАЭС, а также Узбекистана, который в настоящий момент является страной-наблюдателем в организации.

В ходе опроса в режиме онлайн было анкетировано 20 экспертов, которым были заданы вопросы об их знакомстве с темой евразийской интеграции, оценке данного процесса, а также о знакомстве с культурой стран-участниц ЕАЭС отличной от их страны.

Мужчины и женщины в проведенном опросе представлены в равных пропорциях, 20 % опрошенных представляли возрастную категорию 18–25 лет, 50 % респондентов были в возрасте 26–35 лет, 25 % в возрасте 36–45 лет и 5 % в возрасте 45 лет и старше.

По уровню образования половина опрошенных имеют степени докторов и кандидатов наук, 8 респондентов имеют степени магистров, 2 окончили бакалавр-

риат. Большая часть опрошенных работает в научно-исследовательских центрах и академических кругах, т. е. являются представителями своих национальных «фабрик мысли». Всего 2 респондента заняты в коммерческом секторе и по одному респонденту — в средствах массовой информации и неправительственной организации.

Опрос проводился через чаты в мессенджере Telegram, сформированные по итогам ряда мероприятий, организованных Фондом Горчакова и Информационно-аналитическим Центром Московского государственного университета им. Ломоносова по итогам проведенных ими мероприятий. В настоящий момент данные чаты функционируют как платформы для обмена информацией, мнениями по различным событиям, что способствует развитию взаимопонимания между их участниками.

№	Чат	Количество участников чата
1	Dialogue for the future — 2022	64
2	Школа по Центральной Азии — 2022	55
3	Школа по Центральной Азии — 2021	29
4	МедИАЦия	129

С середины 2000-х годов на фоне возникновения ЕАЭС все чаще стали появляться труды, посвященные необходимости формирования ценностного базиса евразийства. Такие исследователи, как Ю. Попков [Попков, 2009], И. Зеленева и В. Агеева [Зеленева, Агеева, 2018] использовали в своих работах социологические и исторические компаративистские методы исследования. Их вывод, несмотря на разность подходов, заключается в том, что основой евразийских ценностей являются коллективизм, традиционализм и этатизм. В 2018 г. С. Раков добавил в данный перечень такие ценности, как: здоровье, интеллектуальное развитие, окружающая среда, деятельность и благополучие, безопасность, семья и общество [Раков, 2018: С. 177—181].

С. Глазьев и И. Кефели в 2022 г. отмечали необходимость поиска евразийской разновидности социально-консервативного синтеза, сочетающей восстановление социалистической идеологии с культурными, нравственными и духовными традициями евразийских народов [Глазьев, Кефели, 2022].

На основании имеющихся количественных данных «Всемирного исследования ценностей» (WVS) О. Шегирбаев выделил основные ценностные установки, присущие жителям стран — участниц ЕАЭС (за исключением Беларуси): общечеловеческие ценности, гуманизм; традиционные и семейные ценности; общность истории, формирующая единое будущее; взаимоуважение наций и многообразие культур; светскость [Шегирбаев, 2024].

Результаты анонимного опроса экспертов из стран ЕАЭС демонстрируют, что значительное большинство респондентов хорошо осведомлены о достижениях евразийской интеграции и положительно оценивают этот процесс, в то время как 20 % участников опроса выразили нейтральное или негативное отношение.

При этом только 30 % экспертов отметили, что существует какая-либо евразийская идентичность. Оставшиеся 60 % либо постулируют отсутствие идентичности как таковой, либо затрудняются с ответом. Вместе с тем один респондент отметил, что культурные особенности между странами значительно разнятся, а другой подчеркнул, что формирование евразийской идентичности только началось.

Описывая общие ценностные ориентиры евразийского пространства, большинство опрошенных сошлись во мнении, что объединяющими факторами выступают наличие общей истории, а также схожие морально-этические принципы.

Отдельный интерес представляют ответы, касающиеся символов стран — участниц ЕАЭС, которые бы наиболее точно отражали культуру Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и евразийской культуры в целом. В каждом случае респонденты называли различные символы, связанные с культурой соответствующих стран. Это указывает на богатство и разнообразие культурного восприятия среди экспертов. Имеются общепризнанные символы, как, например Арарат для Армении, домбра для Казахстана и юрта для Кыргызстана, что свидетельствует о широком признании этих символов в соответствующих культурах.

При этом 4 респондента (3 из России и 1 из Казахстана) затруднились отметить какие-либо символы, связанные со странами — участницами ЕАЭС, включая собственные страны. Один респондент из Казахстана затруднился отметить какие-либо символы Армении. При этом он выделил для других стран такие характерные качества их народов, как: скромность, аккуратность и трудолюбие для Беларуси; инициативность, амбициозность и дипломатичность для Казахстана; коллективизм, импульсивность и непокорность для Кыргызстана и упрямство, имперскость и технократизм для России.

Одна респондентка из России отметила только символы Армении (радушие, гранат, Арарат) и Беларуси (картошка, «бабка», трактор). Это может свидетельствовать о том, что для некоторых респондентов сложно выделить конкретные символы, которые бы точно отражали сложную и многослойную природу культуры указанных стран. Также это может быть связано с богатством и разнообразием культурного наследия, что затрудняет выбор ограниченного числа символов, и, кроме того, может быть обусловлено ограниченными знаниями респондентов в области других культур, несмотря на наличие общей истории, *lingua franca* в виде русского языка, а также активного развития торговых отношений. Подобный разброс может также свидетельствовать и о малом знакомстве представителей молодого экспертного сообщества с культурой соседних стран.

Неспособность назвать символы стран — участниц ЕАЭС указывает на отсутствие четкого личного представления об их культурной идентичности. Это особенно актуально для таких больших и многокультурных стран, как Россия и Казахстан, где различные регионы могут иметь собственные уникальные символы и культурные особенности.

Говоря же об унифицированных символах евразийской культуры, можно отметить значительный разброс мнений, что может указывать на отсутствие четко сформировавшейся в сознании респондентов идентичности и символики, которые бы широко ассоциировались с евразийской культурой.

Отсутствие определенности может свидетельствовать и о том, что концепция евразийской идентичности все еще находится в стадии формирования и не имеет ярко выраженных и признанных символов, которые были бы понятны и очевидны для всех респондентов.

Среди наиболее распространенных представлений о евразийской идентичности можно выделить следующие: общность истории и языка, многонациональность и межэтническое взаимодействие, дружба и гостеприимство, сотрудничество и единение. Один из респондентов отметил памятники, видимо, имея в виду наличие общей мемориальной памяти региона, оставшейся с советских времен.

Другой респондент ответил, что «они должны формироваться на основе общечеловеческих ценностей и взаимодополнения друг друга», еще один выделил важность семейных ценностей для евразийского региона. Респондент из Узбекистана отметил: «Славяно-тюркское единство. Общая историческая память. Гуманизм».

Два участника опроса считают, что общеевразийская культура, равно как и ее символы, отсутствует. При этом один респондент из России выделил три значимые фигуры евразийства: О. Сулейменов, В.И. Вернадский (ноосфера) и Абай Кунанбаев. Примечательно, что в данном списке отсутствует Лев Гумилев, который называл себя «последним из евразийцев». Олжас Сулейменов же выработал универсальную формулу сотрудничества: «От веков зависимости через период независимости к эпохе осознанной взаимозависимости»¹. При этом 7 респондентов не смогли ответить на данный вопрос, не отметив вообще никаких символов.

Заключение

В целом, разнообразие ответов, касающихся символов евразийской культуры, свидетельствует о значительном разбросе мнений и отсутствии единой, четко сформировавшейся идентичности, которая бы объединяла все страны региона.

Это указывает на то, что евразийская идентичность все еще находится в процессе формирования и не имеет ярко выраженных и общепризнанных символов. Иными словами, идея, которая витает в воздухе, пока не нашла своего выражения в образах и воображении большого количества граждан.

В то же время среди предложенных символов выделяются общность истории и языка, многонациональность, дружба и гостеприимство, что отражает стремление к сотрудничеству и единению. Однако отсутствие ответов у некоторых респондентов подтверждает неопределенность и неразвитость понятия евразийской идентичности, а также может свидетельствовать о малом знакомстве с культурами соседних стран.

¹ Сулейменов: Когда все народы будут взаимозависимы, то исчезнут причины войн, URL: <https://rg.ru/2020/09/08/sulejmenov-kogda-vse-narody-budut-vzaimozavisimy-to-ischeznut-prichiny-vojn.html> (дата обращения: 08.09.2024)

Библиографический список

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма, сборник. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 2006.

Глазьев С.Ю. и др. Евразийская экономическая интеграция: теория и практика: учебное пособие. М.: Проспект, 2023.

Зеленева И.В., Агеева В.Д., Идеология Евразийской интеграции. Постсоветские исследования. 2018. Т.1. № 8. С. 736—745.

Панарин А. Глобальное политическое прогнозирование. М.: изд. Алгоритм, 2002.

Попков Ю. Базисные ценности народов Евразийской цивилизации в условиях глобализации. Новые исследования Тувы. 2009. № 1—2. URL: <http://www.tuva.asia> (дата обращения: 20.10.2024).

Раков С. Цель и Ценности Большой Евразии. Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018 г. С.177—181.

Шегирбаев О. Философски-политические основы культурной политики ЕАЭС, как фактора развития и углубления интеграции (историко-актуальный анализ) основы евразийства. Материалы II Международной научно-практической конференции «МОЛОДЕЖНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ». 11—14 октября 2023 г. С.235—254.

Balassa, Bela (1961). *The Theory of Economic Integration*. Homewood, Illinois: Richard D. Irwin.

Fukuyama F. Political Order and Political Decay. From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. — 2014. — Vol. II. — Stanford.edu.

Huntington S. Clash of Civilizations. Foreign Affairs. Summer 1993. P. 22—49.

Inglehart R. The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies. American Political Science Review. 1971;65(4):991—1017. doi:10.2307/1953494

Lipset S.M. Some social requisites of Democracy: economic development and political legitimacy. The American Political Science Review. 1959. Vol. 53. No 1. P. 69—105.

Svensson J. Eight Questions about Corruption. Journal of Economic Perspectives. Summer 2005. Vol. 19. No 3. P. 19—42.

References

Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism, collection. Weber M. Selected Works. M.: Progress, 2006.

Glazhev S.Yu. et al. Eurasian Economic Integration: Theory and Practice: a tutorial. Moscow: Prospect, 2023.

Zelenova I.V. Ageeva V.D., Ideology of Eurasian Integration. Post-Soviet Studies. 2018. Vol. 1. No. 8. Pp. 736—745.

Panarin A. Global Political Forecasting. Moscow: Algorithm Publishing House, 2002.

Popkov Yu. Basic Values of the Peoples of the Eurasian Civilization in the Context of Globalization. New Studies of Tuva. 2009. No. 1—2. URL: <http://www.tuva.asia> (accessed: 20.10.2024).

Rakov S. The Purpose and Values of Greater Eurasia. Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2018. Pp. 177—181.

Shegirbaev O. Philosophical and Political Foundations of the Cultural Policy of the EAEU as a Factor in the Development and Deepening of Integration (Historical and Actual Analysis) Foundations of Eurasianism. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference “YOUTH DIPLOMACY AND NEW CHALLENGES OF THE TIME”. October 11—14, 2023. Pp. 235—254.

Balassa, Bela (1961). *The Theory of Economic Integration*. Homewood, Illinois: Richard D. Irwin.

Fukuyama F. Political Order and Political Decay. From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. 2014. Vol. II. Stanford.edu.

Huntington S. Clash of Civilizations. Foreign Affairs. Summer 1993. R. 22—49.

Inglehart R. The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies. American Political Science Review. 1971;65(4):991—1017. doi:10.2307/1953494

Lipset S.M. Some social requisites of Democracy: economic development and political prosperity. The American Political Science Review. 1959. Vol. 53. No. 1. P. 69—105.

Svensson J. Eight Questions about Corruption. Journal of Economic Perspectives. — Summer 2005. Vol. 19. No. 3. P. 19—42.

Поступила в редакцию: 09.02.2025

Принята к публикации: 21.05.2025

Received: 9 February 2025

Accepted: 21 May 2025

С. Хаваринежад

Преобладающие темы в заявлениях российских лидеров о стратегическом партнерстве с Ираном в контексте евразийской интеграции

Аннотация. Целью данного исследования было изучить заявления российских лидеров о стратегическом партнерстве между Россией и Ираном, а также оценить и проанализировать, как российские политики видят формирование отношений между Москвой и Тегераном. Исследование опирается на данные архивов официальных сайтов Президента и Министерства иностранных дел Российской Федерации. Изучение комментариев российских чиновников продемонстрировало, что в последние годы стратегическое партнерство между Россией и Ираном стало одной из тем, представляющих значительный интерес. Основными темами комментариев были: укрепление связей, общее глобальное видение, приоритетные отношения, взаимодействие на высоком уровне и конструктивные двусторонние переговоры. Также было выявлено, что комментарии МИД РФ относительно стратегического партнерства с Ираном касались укрепления отношений, исторических достижений, сотрудничества, координации на уровне ведомств и расширения экономического и энергетического сотрудничества. Евразийская интеграция соответствует стратегическим интересам России в усилении ее геополитического влияния, экономического роста, энергетической безопасности, региональной стабильности и культурных связей. Россия поддерживает включение Ирана в проект евразийской интеграции, поскольку стратегическое партнерство с Тегераном может в значительной степени содействовать экономическому сотрудничеству, развитию проектов в сфере энергетики, политической поддержке, региональной стабильности, укреплению культурных связей и устойчивости к западным санкциям.

Ключевые слова: Россия, Иран, стратегическое партнерство, интеграция, Евразия.

Автор: Хаваринежад Саид, аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета. ORCID: 0009-0009-7941-5551.
E-mail: azadazadazadi@yahoo.com

Saeed Khavarinejad

The Predominant Themes in Russian Leaders' References to a Strategic Partnership with Iran in the Context of Eurasian Integration

Abstract. This study is aimed at examining Russian leaders' references to the strategic partnership between Russia and Iran, as well as assessing and analyzing how Russian policymakers refer to and view the formation of this relationship between Moscow and Tehran. Secondary qualitative data was extracted from the archives of the official websites of the Russian President and Foreign ministry. The examination of the references of Russian officials showed that in recent years the strategic partnership between Rus-

sia and Iran has become one of the topics of significant interest. The main themes in references to the partnership with Iran were strengthening ties, shared global vision, priority relationships, high-level engagement, and constructive bilateral talks. It was also discovered that the Russian Foreign Ministry's references to the strategic partnership with Iran revolved around strengthening relationships, historical achievements, cooperation, agency coordination, and increasing economic and energy cooperation. Eurasian Integration aligns with Russia's strategic interests in enhancing its geopolitical influence, economic growth, energy security, regional stability, and cultural ties. Russia supports Iran's inclusion in the Eurasian integration project because a strategic partnership with Iran can significantly enhance Russia's efforts toward Eurasian integration by promoting economic cooperation, energy projects, political support, regional stability, cultural ties, and resilience against Western sanctions.

Keywords: Russia, Iran, Strategic partnership, Integration, Eurasia.

Author: Saeed Khavarinejad, PhD student at the National Research Tomsk State University, Russian Federation. ORCID: 0009-0009-7941-5551.
E-mail: azadazadazi@yahoo.com

Introduction

Eurasian integration is one of the priority programs of Russia's foreign policy aimed at shaping a new economic structure in Eurasia by focusing on the economy and integrating the network of trade relations between Russia and its neighbors. The main objectives of this program are to attract post-Soviet countries to Russia and keep Russia's neighbors close through mutual and intergovernmental trade cooperation. The expansion of this concept in the 2020s, including countries like Iran that began their collaboration by signing a preferential tariff agreement with the Eurasian Economic Union in 2018 and a free trade agreement between Iran and the Eurasian Economic Union in December 2023, has paved the way for strengthening trade cooperation between Iran and the countries in the region, especially Russia.

Relations between Iran and Russia have seen an upward trend following the imposition of international sanctions against Russia due to Moscow's military operation in Ukraine. The onset of the second wave of sanctions has significantly accelerated cooperation between Tehran and Moscow, leading to discussions about forming a strategic partnership between the two countries. The increasing political, security, and economic ties between the two nations have strengthened the basis for this partnership.

The growing political relations and meetings between Iranian and Russian leaders and diplomats along with official announcements and statements about the determination of both countries to draft, sign, and implement a comprehensive strategic partnership agreement make this issue noteworthy due to its various implications.

This study is aimed at examining the references of Russian leaders regarding the strategic partnership between Russia and Iran. Its goal is to assess and analyze how Russian policymakers refer to and view the formation of this relationship between Moscow and Tehran. In this regard, the question was raised about the predominant themes in the Russian political leaders' references to the formation of a strategic partnership between Moscow and Tehran.

The strategic partnership strengthens both countries' influence in the Middle East and Central Asia. Russia and Iran can collaborate on regional security issues, counter-terrorism efforts, and political stability. By increasing bilateral trade and economic cooperation, both countries can mitigate the impact of Western sanctions. This includes joint economic zones, increased trade, and the use of non-dollar currencies. Another reason that explains the importance of this partnership between Moscow and Tehran is that they can collaborate on energy projects, including oil and gas exploration, which can enhance their energy security and reduce dependency on Western markets.

The partnership allows for the exchange of military technology and arms, bolstering both countries' defense capabilities.

There are also international consequences for establishing a strategic partnership between the two that affect the dominance of Western powers, particularly the United States, by presenting a united front against Western sanctions and political pressure. This partnership can shift global geopolitical dynamics, influencing international relations and alliances. The partnership can lead to broader strategic alliances with other countries, such as China and India, further enhancing their global influence. By working together, Russia and Iran can increase their diplomatic leverage in international forums, such as the United Nations, and push for policies that align with their interests.

Although the study of strategic partnerships between Iran and Russia is not new, it has not received much attention or research. There is a significant research gap regarding this form of relations between the two countries, as most studies have focused on strategic cooperation. In contrast, strategic partnerships are formed with specific goals and have their requirements. Moreover, previous research findings on Iran-Russia relations show a variety of inconsistencies and contradictions, necessitating a more precise study.

The main innovation of this research lies in its focus on strategic partnership and the study of political leaders' views on this subject. This was achieved by examining the official positions of the two countries through direct access to government archives, which plays an effective role in clarifying the views of policymakers influencing the developments and trajectory of bilateral relations. This contributes significantly to knowledge development, especially regarding Russia-Iran relations in the context of Eurasian integration.

Literature Review

No research has been conducted to examine the political references to this issue or the perspectives of Russian or Iranian political leaders on the strategic partnership between these two countries. Therefore, the research area closest to the topic of this study is the examination of the different aspects of the strategic partnership between the two countries.

The strategic partnership between Russia and Iran has evolved since the 1990s, driven by mutual political, economic, and security interests. The scholarly literature of the late 1990s and early 2000s characterized this relationship by military cooperation on regional issues (for example, conflicts in Tajikistan, Afghanistan, and Nagorno-

Karabakh), arms sales, and technological collaboration [Jalali, 2001, Shaffer, 2001] because Russia needed foreign currency and influence in Central Asia and Iran needed arms, technology, and political support [Tarock, 1997, p. 217].

In the 2010s, the issue of strategic partnership between Russia and Iran evolved, particularly in the context of the Syrian conflict. While both countries share converging interests in Syria, including opposition to Western influence and military and security cooperation, they also have diverging goals due to ideological differences and competition for regional influence that caused this relationship to be characterized as more tactical than strategic, with pragmatic rather than systematic interactions [Tan, German, 2022, p. 7]. Also, some scholars argue that the relationship is best described as a “strategic alignment” rather than a strategic alliance [Omidi, 2022, p. 351]. Obstacles to a full strategic partnership include Iran's Islamic ideology and inflexible diplomacy [Вахшихтеж, 2019, с. 281].

In the 2020s, however, according to Kozhanov [Kozhanov, 2012, p. 234], despite these obstacles, Russia and Iran continue to explore opportunities for bilateral cooperation, particularly in energy and trade, as they seek to navigate the complex international landscape. Their cooperation has extended to various sectors, including defense, nuclear energy, and foreign policy [Atas, 2023, p. 270]. The relationship has been further solidified by mutual support in the face of international sanctions and opposition to US hegemony [Papageorgiou, Eslami, Duarte, 2023, p. 78]. Both countries view their partnership as a means to counter economic isolation and pursue development [Rezaeinejad, 2023, p. 41]. A new round of international sanctions against Russia concerning the Ukrainian conflict in 2022 and its alleged military cooperation with Iran have played a critical role in bringing the strategic partnership between Moscow and Tehran forward again.

Methodology

The method used in this study to examine the positions of Russian leaders regarding the strategic partnership between the Kremlin and Tehran was based on a case study strategy focusing on the perspectives of Russian policymakers. In this case study, the references made by Russian political leaders to the topic of cooperation with Iran as a strategic partnership were considered. The time frame of interest to the researcher included the 2020s and covered statements made by Russian political leaders from the beginning of the second phase of the military operation in Ukraine in February 2022 to the present.

The data collection method for this research was a library study, utilizing archived data related to the research topic from official Russian websites. The data for this study were qualitative, secondary, and pre-existing.

Non-random purposive sampling was used, and the views of the President and the Foreign Minister of Russia, as the two main actors in the relations between the two countries, were collected. For this purpose, the texts of the speeches of the research sample at various events, including meetings, intergovernmental sessions, press conferences, phone calls, and similar occurrences, were searched. These texts' complete

and accurate translations into English are stored on the Russian Presidency and Ministry of Foreign Affairs websites. The keyword “strategic partnership” was selected to refine the search results, and by limiting the initial search results to the time frame of interest to this research, the necessary data were identified and extracted.

Findings

Putin emphasizes the friendly and constructive nature of the relationship, noting that a new major interstate agreement on comprehensive strategic partnership is forthcoming. This indicates a formalization and deepening of ties between the two nations. According to the Russian President:

“Our interaction is on the rise; it is genuinely friendly and constructive. Soon, we will be able to consolidate the results achieved with a new major interstate agreement on comprehensive strategic partnership between Russia and Iran...” [Meeting with President of Iran Masoud Pezeshkian].

He believes that Russia and Iran share similar views on the global agenda, aspiring to establish a multipolar world order, uphold international norms, and maintain the pivotal role of the United Nations. This alignment suggests a strong ideological bond and mutual support in international forums. By indicating Iran-Russia’s similar view of the international system, he stated: “Generally speaking, I would like to emphasize that the approaches of Russia and Iran toward the global agenda are closely aligned or fully coincide. We are united by a shared aspiration to establish a just multipolar world order, to uphold international norms, and to maintain the pivotal role of the United Nations” [Meeting with President of Iran Masoud Pezeshkian].

Putin underscores Russia’s relationship with Iran is a priority and is thriving. This is reflected in their active cooperation on the international stage and their converging assessments of global developments:

“Our relationship with Iran is a priority for us, and it is developing very successfully... We are actively cooperating in the international arena and often share close or even converging assessments of the ongoing developments...” [Meeting with President of Iran Masoud Pezeshkian].

Russian President reaffirmed his commitment to further developing relations with Iran in a mutually beneficial spirit. This includes readiness for constructive partnership in addressing regional and international issues. In this regard, Putin stated the following:

“Both sides have reaffirmed their commitment to the further all-round development of these relations in a truly good neighbourly and mutually beneficial spirit. We also expressed readiness for constructive partnership in addressing acute regional and international issues” [Statement for media following Astana format talks].

The Russian Foreign Minister sees the partnership with Iran as multifaceted, strategic, and crucial for regional and global stability. The emphasis on formalizing agreements, long-term planning, and collaborative efforts in various sectors underscores the importance of this partnership in Russia’s foreign policy.

Lavrov’s statements emphasize the significance of the strategic partnership between Russia and Iran. He highlights that the Agreement on Comprehensive Strategic

Partnership will be a key factor in strengthening Russia-Iran relations, particularly through close defence cooperation and interaction for regional and global peace and security. By underscoring the importance of formalizing and deepening the partnership, he stated that:

“An Agreement on a Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran will be an important factor in strengthening Russia-Iran relations. The agreement is being prepared for signing in the near future. It will formalize the parties’ commitment to close defence cooperation and interaction in the interests of regional and global peace and security” [Foreign Minister Sergey Lavrov’s remarks at a high-level plenary meeting...].

According to the Russian foreign minister, drafting a new interstate treaty for a comprehensive partnership is a symbolic step in the relationship with Iran’s new leaders, indicating a quick start in their collaboration. He argued that steps taken to deepen this partnership reflect the proactive and positive approach towards strengthening ties:

“We are about to complete the drafting of a new interstate treaty for a comprehensive partnership between Russia and Iran. This would be a symbolic step in our relations with Iran’s new leaders. In fact, this relationship got off to a quick start” [Foreign Minister Sergey Lavrov’s remarks and answers to questions...].

According to Sergey Lavrov, Russia-Iran relations have reached the highest point in their history, with significant untapped potential for further advancement. He believes the ongoing work on a new comprehensive treaty aims to determine the prospects for strategic cooperation over the next two decades. This shows a long-term commitment to enhancing the partnership, as he stated:

At the same time, there is significant untapped potential for further advancement in our partnership. To this end, work is now underway on a new and comprehensive “big interstate treaty” initiated by the Iranian president. Some time ago, Russia submitted its proposals and additions to the Iranian initiative to Tehran... It will determine the prospects for our strategic cooperation for the next two decades [Foreign Minister Sergey Lavrov’s statement and answers to media questions...].

Lavrov praises the close cooperation between various agencies in important fields of Russian-Iranian ties, indicating effective collaboration and mutual efforts to develop the partnership. The Russian foreign minister directed his attention to “the close coordination between various agencies in key areas of the diverse Russian-Iranian partnership” [Foreign Minister Sergey Lavrov’s statement and answers to media questions...].

Discussion and Conclusion

Essentially, the Russian president views the strategic partnership with Iran as a valuable asset with significant potential for further development. It is a cornerstone of Russia’s regional foreign policy and aligns with its broader geopolitical objectives. The partnership is seen as a “priority” and is described as “genuinely friendly and constructive” with “closely aligned” or “fully coinciding” approaches to global issues. Putin’s statements emphasize the desire to consolidate the relationship through a new

significant interstate agreement, signifying its strategic importance for Russia. Both nations share a common vision of a multipolar world order, a commitment to international norms, and a desire to uphold the role of the United Nations. In his statements, there is an emphasis on active cooperation in the international arena and a readiness for constructive partnership in addressing global challenges.

Eurasian Integration aligns with Russia's strategic interests in enhancing its geopolitical influence, economic growth, energy security, regional stability, and cultural ties. Russia supports Iran's inclusion in the Eurasian integration project because a strategic partnership with Iran can significantly enhance Russia's efforts toward Eurasian integration by promoting economic cooperation, energy projects, political support, regional stability, cultural ties, and resilience against Western sanctions. The examination of the references and verbal content of Russian political leaders regarding the necessity of elevating Moscow-Tehran relations to a strategic partnership indicates the importance of Iran in the Kremlin's political and economic calculations.

One limitation of this study is that focusing solely on the verbal content of Russian leaders may not necessarily reflect all dimensions of their true intentions. Another limitation is that there is no guarantee that this growing cooperation between Moscow and Tehran will remain unaffected by Eurasia's rapid political and economic developments and the relations of each of these countries with the West. Regardless of the apparent willingness of Russian leaders to form a strategic partnership with Iran, the structural weakness of Iran's economy and Western sanctions against Russia and Iran will negatively impact the prospects of this cooperation and create challenges, which is another limitation of the findings of this research.

For future studies, it is recommended to examine the statements of Iranian leaders that reflect Tehran's official stance on strategic partnership with Russia to uncover more aspects of this issue from the Iranian perspective. It is also suggested that the factors influencing the strategic partnership between the Kremlin and Tehran in various political, security, and economic domains should be analysed, and the challenges in the relations between the two countries should be considered to properly understand the prospects of enhancing mutual ties.

Библиографический список

Вахшихтех А. Н. Россия и Иран в сирийском урегулировании: стратегическое партнерство или тактический союз? *Власть*. 2019. Т. 27. № 1. С. 279—287.

Ataş A. *Ukrayna Savaş'ının Rusya-İran İlişkilerine Etkileri*. Dumlupınar Üniversitesi sosyal bilimler dergisi. 2023. № 78. С. 269—287.

Foreign Ministry of Russia. Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks at a high-level plenary meeting of the International Conference on Eurasian Security, Minsk, October 31, 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1978553 (дата обращения: 19.12.2024).

Foreign Ministry of Russia. Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to questions at a meeting with students and faculty of MGIMO University, Moscow, September 2, 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1967598 (дата обращения: 23.12.2024).

Foreign Ministry of Russia. Foreign Minister Sergey Lavrov's statement and answers to media questions at a joint news conference following talks with Minister of Foreign Affairs of Iran Hossein

Amir-Abdollahian, Tehran, June 23, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1819259 (дата обращения: 21.12.2024).

Foreign Ministry of Russia. Foreign Minister Sergey Lavrov's statement and answers to media questions at a joint news conference following talks with Foreign Minister of the Islamic Republic of Iran Mohammad Javad Zarif, Tehran, April 13, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1419544/ (дата обращения: 22.12.2024).

Jalali A. A. The Strategic Partnership of Russia and Iran // *The US Army War College Quarterly: Parameters*. 2001. Т. 31. № 4.

Kozhanov N. A. Russian-Iranian economic relations: Opportunities and challenges // *The Maghreb Review*. 2012. Т. 37. № 3—4. С. 215—246.

Omidi A. Russian-Iranian Ties: Strategic Alliance, Strategic Coalition, or Strategic Alignment (Partnership) // *Russian Politics*. 2022. Т. 7. № 3. С. 341—365.

Papageorgiou M., Eslami M., Duarte P. A. B. A «Soft» Balancing Menage a Trois? China, Iran and Russia Strategic Triangle vis-a-vis US Hegemony. *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2023. Т. 10. № 1. С. 65—94.

President of Russia. Meeting with President of Iran Masoud Pezeshkian [Электронный ресурс]. URL: <http://www.en.kremlin.ru/events/president/news/75376> (дата обращения: 21.12.2024).

President of Russia. Meeting with President of Iran Masoud Pezeshkian [Электронный ресурс]. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/75306> (дата обращения: 24.12.2024).

President of Russia. Statement for media following Astana format talks [Электронный ресурс]. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/69035> (дата обращения: 23.12.2024).

Rezaeinejad I. Analytical Study of the International Economic Policies of Iran and Russia: A Move to Bilateral Cooperation under Sanctions. *Review of Business and Economics Studies*. 2023. Т. 10. № 4. С. 36—44.

Shaffer B. Partners in Need: The Strategic Relationship of Russia and Iran [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/partners-need-strategic-relationship-russia-and-iran> (дата обращения: 24.12.2024).

Tan T., German M. Russian-Iranian Strategic Partnership in Syria: Converging Interests but Diverging Goals. *Open Journal of Political Science*. 2022. Т. 12. № 01. С. 1—13.

Tarock A. Iran and Russia in «strategic alliance». *Third World Quarterly*. 1997. Т. 18. № 2. С. 207—224.

References

Atas A. *Ukrayna Savaşının Rusya-İran İlişkilerine Etkileri*. Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2023. No. 78. Pp. 269—287.

Foreign Ministry of Russia. Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks at a high-level plenary meeting of the International Conference on Eurasian Security, Minsk, October 31, 2024 [Electronic resource]. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1978553 (accessed: 19.12.2024).

Foreign Ministry of Russia. Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to questions at a meeting with students and faculty of MGIMO University, Moscow, September 2, 2024 [Electronic resource]. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1967598 (accessed: 23.12.2024).

Foreign Ministry of Russia. Foreign Minister Sergey Lavrov's statement and answers to media questions at a joint news conference following talks with Minister of Foreign Affairs of Iran Hossein Amir-Abdollahian, Tehran, June 23, 2022 [Electronic resource]. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1819259 (accessed: 21.12.2024).

Foreign Ministry of Russia. Foreign Minister Sergey Lavrov's statement and answers to media questions at a joint news conference following talks with Foreign Minister of the Islamic Republic of Iran

Mohammad Javad Zarif, Tehran, April 13, 2021 [Electronic resource]. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1419544/ (accessed: 22.12.2024).

Jalali A. A. The Strategic Partnership of Russia and Iran. *The US Army War College Quarterly: Parameters*. 2001. Vol. 31. No. 4.

Kozhanov N. A. Russian-Iranian economic relations: Opportunities and challenges. *The Maghreb Review*. 2012. Vol. 37. No. 3—4. Pp. 215—246.

Omidi A. Russian-Iranian Ties: Strategic Alliance, Strategic Coalition, or Strategic Alignment (Partnership) // *Russian Politics*. 2022. Vol. 7. No. 3. Pp. 341—365.

Papageorgiou M., Eslami M., Duarte P. A. B. A “Soft” Balancing Menage a Trois? China, Iran and Russia Strategic Triangle vis-a-vis US Hegemony. *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2023. Vol. 10. No. 1. Pp. 65—94.

President of Russia. Meeting with President of Iran Masoud Pezeshkian [Electronic resource]. URL: <http://www.en.kremlin.ru/events/president/news/75376> (accessed: 21.12.2024).

President of Russia. Meeting with President of Iran Masoud Pezeshkian [Electronic resource]. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/75306> (accessed: 24.12.2024).

President of Russia. Statement for media following Astana format talks [Electronic resource]. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/69035> (accessed: 23.12.2024).

Rezaeinejad I. Analytical Study of the International Economic Policies of Iran and Russia: A Move to Bilateral Cooperation under Sanctions. *Review of Business and Economics Studies*. 2023. Vol. 10. No. 4. Pp. 36—44.

Shaffer B. Partners in Need: The Strategic Relationship of Russia and Iran [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/partners-need-strategic-relationship-russia-and-iran> (accessed: 24.12.2024).

Tan T., German M. Russian-Iranian Strategic Partnership in Syria: Converging Interests but Diverging Goals. *Open Journal of Political Science*. 2022. Vol. 12. No. 1. Pp. 1—13.

Tarock A. Iran and Russia in “strategic alliance”. *Third World Quarterly*. 1997. Vol. 18. No. 2. Pp. 207—224.

Vakhshikhtekh A. N. Rossiya i Iran v siriyskom uregulirovani: strategicheskoe partnerstvo ili takticheskiy soyuz? [Russia and Iran in the Syrian Settlement: Strategic Partnership or Tactical Union?] // *Vladost'*. 2019. Vol. 27. No. 1. Pp. 279—287. (In Russ.)

Поступила в редакцию: 23.04.2025
Принята к публикации: 15.05.2025

Received: 23 April 2025
Accepted: 15 May 2025

В.В. Антоновская, Е.А. Козлова

Обзор научного мероприятия: «Центральная Азия в условиях глобальной турбулентности: возможности, проблемы и перспективы»

Авторы: Антоновская Варвара Владимировна, старший лаборант-исследователь Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0009-0000-6647-6034. E-mail: antonovskaya@iccaras.ru

Козлова Екатерина Андреевна, старший лаборант-исследователь Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0009-0009-1312-5594. E-mail: kozlova@iccaras.ru

В условиях растущего интереса к процессам, происходящим в Центральной Азии, актуальным становится укрепление научного сотрудничества и активизация обмена экспертными знаниями между исследовательскими центрами, специализирующимися на изучении данного региона. В целях расширения академического диалога и анализа ключевых аспектов развития Центральной Азии в текущем году дан старт циклу совместных научных семинаров, организованных Институтом перспективных международных исследований при Университете мировой экономики и дипломатии (ИПМИ, Узбекистан) и Центром центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ЦЦИ ИКСА РАН). Первое мероприятие в рамках данного цикла состоялось 18 июня 2025 г. в онлайн-формате.

Открыло мероприятие приветственное слово организаторов, после чего были заслушаны выступления докладчиков. Модератором конференции выступила научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований ИКСА РАН Л. Шашок.

С первым докладом на тему «Роль России в энергетическом секторе Центральной Азии: реальная ситуация, проблемы и перспективы» выступил руководитель Центра энергетической дипломатии и геополитики ИПМИ Х. Ибрагимов. В своем выступлении докладчик представил комплексный анализ роли Рос-

сии в энергетическом секторе региона, выделив ключевые вызовы и возможности для российских энергетических компаний. Особое внимание было уделено исследованию текущей ситуации и перспектив участия России в энергетических проектах, учитывая стратегическое значение Центральной Азии для энергетической безопасности РФ. В частности, были затронуты вопросы конкуренции с Китаем в контексте реализации проектов, а также перспективы развития энергетической инфраструктуры, направленной на укрепление связей между Россией и странами Центральной Азии, включая сотрудничество в транспортировке углеводородов и развитии альтернативной энергетики.

Далее последовало выступление ведущего научного сотрудника ЦЦИ ИКСА РАН Н. Иллерицкого, представившего доклад на тему «Проблемные зоны и зоны возможностей для развития ТЭК в странах Центральной Азии в контексте Евразийского пространства». В докладе были обозначены современные проблемы топливно-энергетического комплекса стран Центральной Азии и обоснована необходимость его дальнейшего развития. Выступающий проанализировал три варианта партнерства стран Центральной Азии — с Китаем, с Западом и с Россией — выявив как преимущества, так и недостатки сотрудничества с каждой из сторон. В том числе в выступлении была затронута проблематика интеграции стран Центральной Азии в ЕАЭС.

Доклад на тему «Современное состояние китаеведения в Узбекистане и узбекско-китайские отношения» представил руководитель Центра по изучению АТР ИПМИ А. Бобохонов. В своем выступлении докладчик затронул историю развития китаеведения в Узбекистане, отметив появление новых институций и расширение преподавания китайского языка в вузах региона. Особое внимание было уделено подписанию соглашений о сотрудничестве в сфере образования и деятельности институтов Конфуция, что, по мнению докладчика, свидетельствует о растущем интересе к изучению Китая и китайского языка в Узбекистане.

Научный сотрудник и заместитель руководителя Центра центральноазиатских исследований ИКСА РАН А. Перминова представила доклад на тему «Тренды взаимодействия КНР со странами Центральной Азии в гуманитарной сфере». В выступлении был изложен авторский взгляд на основные тренды развития гуманитарного сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии, проанализирован дифференцированный подход КНР к реализации гуманитарной политики в зависимости от специфики каждой страны региона. Особое внимание было уделено анализу образовательной политики Китая, которая, в отличие от западных моделей, делает акцент на развитии технического и IT-образования.

Доклад на тему «Американская политика в Центральной Азии при администрации Трампа» представил руководитель ЦЦИ, ведущий научный сотрудник Д. Новиков. В докладе были проанализированы перспективы американской политики в Центральной Азии при администрации президента Дональда Трампа. Докладчик обратил внимание на кадровую структуру институций США, ответственных за разработку и реализацию политики в отношении стран региона, подчеркнув, что наличие опытных кадровых дипломатов, обладающих глубоким знанием региона и многолетним опытом работы в Центральной Азии, миними-

зирует вероятность серьезных ошибок в американской политике. Кроме того, был отмечен процесс перестройки USAID, в рамках которого предполагается создание новой структуры, выполняющей аналогичные функции, но под другим «лозунгом». В заключение Д. Новиков обозначил проблему депортации граждан центральноазиатских республик из США в качестве одного из факторов, влияющих на отношения между США и странами Центральной Азии.

Завершил конференцию доклад ведущего научного сотрудника Центра американских исследований ИПМИ Ф. Джамалова, который выступил на тему «Внешиполитический курс США в Центральной Азии: современные тренды и приоритеты». Данное выступление было посвящено анализу актуального состояния и перспектив развития внешнеполитического курса США в регионе, с акцентом на выявлении современных трендов и приоритетных направлений американской политики. Докладчик проанализировал эволюцию стратегических целей США, а также факторы, оказывающие влияние на формирование внешней политики, которые включали в себя изменения в геополитическом ландшафте и развитие отношений с ключевыми региональными игроками.

После выступлений докладчиков была проведена короткая сессия «вопрос — ответ», в ходе которой другие участники конференции могли задать уточняющие вопросы и выразить мнение относительно темы доклада.

Конференция положила начало новому этапу сотрудничества, направленному на комплексное изучение геополитических, экономических и социокультурных процессов, определяющих будущее Центральной Азии.

Поступила в редакцию: 24.06.2025
Принята к публикации: 26.06.2025

Received: 24 June 2025
Accepted: 26 June 2025